

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»

На правах рукописи

Крецер Ирина Юрьевна

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПАТТЕРНЫ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ
БОЛЬШОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Специальность 22.00.06 – Социология культуры

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:
доктор социологических наук,
профессор
Куропятник Марина Степановна

Санкт-Петербург
2017

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования родства в социальных науках	14
1.1 Современная методология исследования родства в социологии и социальной антропологии	15
1.1.1 Символический анализ родства.....	15
1.1.2 Родство как процесс.....	17
1.1.3 Родство как практики	23
1.2 Исследование родства через групповые и сетевые категории.....	32
Глава 2. Родство: основные подходы к определению понятия в социологии и социальной антропологии	43
2.1 Родство как социальное осознание биологических фактов	44
2.2 «Не существует такой вещи, как родство»: концепция Дэвида Шнайдера	46
2.2.1 Проблема «общепринятых допущений» при антропологическом исследовании родства	49
2.2.2 Закон природы и закон поведения: исследование родственных отношений в США ...	52
2.3 «Биологическое» как «социальное» в современных исследованиях родства	58
2.3.1 Локальные идиомы родства: концепция связанности Джанет Карстен.....	61
2.3.2 Включение в круг родственников: социальные механизмы родства на примере адопции	66
2.3.3 Родство как взаимозависимое существование: концепция Маршалла Салинза.....	71
Глава 3. Социокультурные паттерны сиблинговых отношений	81
3.1 Теоретические перспективы исследования сиблинговых отношений в социологии и социальной антропологии.....	81
3.1.1 Сиблинговые отношения в пространстве «грамматики и синтаксиса»: структурная перспектива	84
3.1.2 Символические аспекты сиблинговых отношений: конструктивистская перспектива	90
3.1.3 Сиблинговые отношения в контексте жизненного пути: динамическая перспектива..	97
3.2 Методология и методика эмпирического исследования	106
3.3 Социокультурные паттерны сиблинговых отношений: результаты эмпирического исследования	113
3.3.1 «Они родственные, но в то же время и дружеские»: природа и основания сиблинговых отношений	114
3.3.2 «Всю жизнь ребенком быть тяжело»: сиблинговые отношения в контексте дихотомии «старший» / «младший»	126

3.3.3 «Что нам вместе решать, мы в разных городах, у каждой – свои дела, свои заморочки»: новые паттерны взаимодействия в ситуации мобильности.....	136
3.3.4 «И все как-то вместе, дружно, а у нас лебедь, рак и щука»: паттерны взаимодействия в родственной сети	145
Заключение	166
Список литературы	173
Приложение 1	186
Приложение 2	188

Введение

Актуальность темы исследования

Современный быстро изменяющийся и мобильный мир задает такой формат жизни, в котором важность родственных отношений часто ставится под сомнение. С одной стороны, разнообразные социальные институты, дружеские и коллегиальные сети успешно перераспределяют многие их тех функций, которые исторически были закреплены за родственниками. С другой стороны, родственные отношения сами по себе претерпевают существенные изменения, связанные с переопределением традиционных форм родства, появлением новых паттернов отношений, развитием новых репродуктивных технологий, движений по легализации и легитимации однополых отношений. Таким образом, ключевым становится вопрос не столько о значении родственных отношений, сколько о том, что представляет собой родство в современном мире, и каковы границы и характеристики родства как социокультурного феномена.

Разнообразие социокультурных паттернов родственных отношений запускает механизмы переосмысления родства как на обыденном, так и на научном уровнях. Это приводит, с одной стороны, к размыванию нормативных представлений и практик родственных отношений, а, с другой стороны, к изменению исследовательской оптики вследствие необходимости анализировать новые или заново открываемые форматы отношений. Изменение способов концептуализации родственных отношений в социальных науках в конце 20 века связано с кардинальным переосмыслением границ между «биологическим» и «социальным» как оснований родства, а также расширением объекта и методологии исследования родственных отношений. Эти трансформации определили профиль современных социальных исследований родственных отношений и продолжают задавать основные перспективы и направления работы.

Одной из основных методологических рамок для анализа родственных отношений является социально-конструктивистский подход, который акцентирует внимание на социальных механизмах родства и оказывается востребован для объяснения усложнившегося характера родственных отношений. Однако ориентация на «специфические» случаи родства, то есть на исследование в первую очередь отношений, которые основаны на повседневных процессах и практиках создания родства, и в которых оспаривается роль биологических оснований родства, придает фрагментарный и избирательный характер современным исследованиям родства в социальных науках. Предложенная в рамках данной работы перспектива – исследование сиблинговых отношений как одной из классических форм

родственных отношений в логике социального конструктивизма позволяет критически проанализировать существующие концепции родства и возможность их применения в рамках иного социокультурного контекста, чем тот, в котором они были разработаны.

Сиблинговые отношения являются потенциально самыми продолжительными среди основных форм родственных отношений, и поэтому могут выступать объектом для анализа изменений, которые происходят с отношениями родства на протяжении всей жизни. В социологии сиблинговые отношения обычно исследуются в рамках нуклеарной семьи, как одна из форм отношений наряду с родительскими и супружескими. Такой подход обуславливает преимущественный характер исследования сиблинговых отношений в детском возрасте, пока братья и сестры живут вместе в рамках одной семьи. В рамках данного диссертационного исследования реализована другая перспектива. Отношения взрослых сиблингов рассмотрены не в рамках нуклеарной семьи, а как часть родственной сети, что дает возможность проанализировать, во-первых, более сложный характер взаимовлияния родственников друг на друга, а, во-вторых, большее многообразие паттернов родственных отношений.

Степень изученности и разработанности проблемы

Исследование родственных отношений имеет длительную историю в разных дисциплинах и контекстах.

Социологическая перспектива исследования родственных отношений задается использованием понятия «семья» как основного при изучении родственных отношений. В таком случае в центре внимания авторов оказываются темы, связанные с отношениями родителей и детей, гендерными ролями, браками и разводами, то есть либо в большей степени с теми формами отношений, которые функционируют в рамках нуклеарной семьи, либо с вопросом устойчивости нуклеарной семьи (А.И. Антонов, А.Г. Вишневский, С.И. Голод, Т.А. Гурко, Л.В. Карцева, М.С. Мацковский, Э.А. Орлова, А.Г. Харчев, З.А. Янкова).

Историческая перспектива изучения родственных отношений хорошо представлена в работах по микроистории, раскрывающих повседневные паттерны родственных отношений (Э. Ладюри, Л.П. Найденова, С. Тойшер, Л. Стоун, Д. Сэбиан).

Социально-антропологическая и этнографическая перспективы изучения родства представляют богатый и разнообразный материал. Родство в различных его проявлениях долгое время являлось одним из основных предметов этнографии и социальной антропологии, в результате чего был создан целый корпус работ, которые стали классическими и во многом сформировали характер дальнейших дискуссий на много лет вперед (К. Леви-Стросс, А.Н.

Максимов, Р. Лоуи, Л. Морган, У. Риверс, А.Р. Рэдклифф-Браун, Р. Фирт, М. Фортес, Э. Эванс-Причард). Среди тем, продолжающих привлекать внимание исследователей, можно выделить несколько основных. Во-первых, это лингвистическая и структурная перспективы изучения систем родства, которые хорошо представлены в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей и преимущественно ориентированные на выявление специфики организации родства у той или иной этнической группы (О.Ю. Артемова., Н.А. Бутинов, Г.В. Дзибель, Д. Кроненфельд, Ю.И. Левин, М.В. Крюков, Д.А. Ольдерогге, А.В. Попов, А.М. Решетов, Д. Рид, С.А. Токарев). Во-вторых, это исследование отдельных, специфических паттернов родственных и брачных отношений, таких, например, как авункулат, отношения с подшучиванием, искусственное родство, экзогамия/эндогамия/эпигамия и другие (Н.А. Бутинов, А.Д. Дридзо, М. Мосс, Д.А. Ольдерогге, А.Р. Рэдклифф-Браун). Наконец, третья перспектива, представляющая наибольший интерес в рамках данного диссертационного исследования, – это изучение биологических и социальных основ родственных отношений, а также характера их соотношения. С середины 20 века наблюдается постепенное увеличение внимания исследователей к этой проблематике, причем характер дискуссий касался обсуждения универсальности биологических оснований родства (Дж. Барнс, Э. Геллнер, Э. Лич, Р. Нидхем, Д. Шнайдер).

К настоящему моменту изучение «биологического» и «социального» в родстве является доминирующей перспективой в рамках англоязычных социальных исследований родства, соединяя социологическую и социально-антропологическую традиции. Биологическая и социальная природа родства исследуется авторами в контексте новых репродуктивных технологий (С. МакКиннон, Х. Рагон, М. Стразерн, О. Ткач, С. Франклин, Дж. Эдвардс), однополых отношений (Д. Берковиц, К. Вестон, Д. Воронцов, Ж. Дешу. Э. Левин, Н. Нартова), адаптации (С. Бен-Цион, Т.А. Гурко, Б. Ингвессон, Дж. Карстен, Э. Ким, Дж. Модэл, С. Хоуэлл).

Нивелирование универсальной значимости биологических оснований приводит к появлению работ, исследующих «практическое родство», то есть то, как родственные отношения создаются в процессе повседневных взаимодействий через встречи, помощь, общение, заботу (Э. Бауэр, Ф. Вебер, Дж. Карстен, М. Маршалл). В этой же перспективе становится актуальным сопоставление родственных отношений и дружеских или исследование первых как формы вторых (Г. Аллан, С. Ван дер Геест, Дж. Кирпатрик, Р. МакКинли, М. Маршалл, Р. Эдвардс).

В рамках социально-конструктивистского взгляда на родство также становится важным динамический характер родственных отношений, что находит отражение в работах,

исследующих, как родственные отношения меняются на протяжении жизни и в разных социокультурных контекстах (Р. Астути, Э. Бауэр, Ю. Паули, А. Гёттинг).

Различные формы родственных отношений и категории родственников исследуются с точки зрения социально-конструктивистской и символической перспектив, что предполагает внимание к практикам, паттернам и значениям, наполняющим ту или иную конкретную форму отношений – родительские, сиблинговые, отношения кузенов (Дж. Александр, М. Маршалл, М. Сегален, Д. Шнайдер).

Еще одна современная перспектива изучения родства основывается на переходе от классических исследований родства как отдельной и отчасти автономной системы отношений к изучению родства в контексте других социальных отношений и категорий, таких как гендер, миграция, личность, дом, публичная сфера (Дж. Карстен, М. Пелец, Р. Рапп, М. Стразерн, С. Янагисако).

С методологической точки зрения важным моментом становится постепенное расширение объекта антропологических исследований за счет включения обществ культурно и географически близких исследователю в сферу изучения, что приводит к появлению работ, осмысляющих характер исследований родства и других социальных отношений «у себя дома» (П. Швайцер, Дж. Эдвардс, М. Стразерн). Темы, проблематизирующие объект на котором исследуются родственные отношения, возникают также в работах, выполненных на материале большого города и позволяют проследить характер родственных отношений в условиях гетерогенного городского пространства (Б. Адамс, Э. Ботт, Р. Фирт, М. Янг и П. Вильмонт).

Методологическое разделение между «семьей» и «родством» как исследовательскими категориями, имеющими достаточно строгую привязку к определенным дисциплинам и объектам, часто становится источником внимания и обсуждения в современных социологических и социально-антропологических исследованиях родства (Э. Бауэр, Дж. Карстен, М.С. Куропятник, М. Сегален, Л. Стоун, П. Швайцер).

Сетевая перспектива исследования родства позволят использовать категорию сети для концептуализации родственных отношений, уделяя особое внимание конфигурациям родственников внутри сети. Социально-конструктивистский подход к понимаю родственной сети позволяет проанализировать ситуативный характер таких конфигурации, а также проследить, как переосмысляются границы, установленные рангом родства (Э. Ботт, Г. Аллан, Э. Альберт, Э. Видмер, Р. Гувейя, К. Коу, Н. Элиас).

Цель диссертационного исследования – выявить социокультурные паттерны родственных отношений в большом городе на примере Санкт-Петербурга.

Для реализации поставленной в диссертации цели требуется решение ряда задач:

1. Проанализировать существующие в социологии и социальной антропологии подходы к определению понятия «родство».
2. Проанализировать основные способы концептуализации родственных отношений на основании категорий «родство», «семья», «сеть».
3. Проанализировать основные положения концепции исследования родства Дэвида Шнайдера и ее ключевую роль в процессе становления современных исследований родства.
4. Выявить основные методологические характеристики современного этапа исследования родственных отношений в социальных науках.
5. Обозначить основные подходы к исследованию сиблинговых отношений как одной из форм родственных отношений.
6. Охарактеризовать основания сиблинговых отношений и социокультурные паттерны, которые формируются на базе этих оснований.
7. Выявить социокультурные паттерны сиблинговых отношений в условиях пространственной и культурной мобильности.
8. Выявить социокультурные паттерны взаимодействия сиблингов с другими родственниками.

Объектом исследования является родство как социокультурный феномен.

Предметом исследования являются социокультурные паттерны родственных отношений в Санкт-Петербурге.

Теоретическая и методологическая основа исследования

В основе диссертационного исследования лежит сочетание социально-конструктивистского и символического подходов, взятых в узком понимании, используемом в рамках современных социальных исследований родства. Соединение этих перспектив осуществляется с опорой на работы Д. Шнайдера и основывается, во-первых, на переосмыслении универсальности биологических оснований родства, а, во-вторых, как следствие, на необходимости изучать индигенные концепции того, что значит быть родственником в разных культурных контекстах. Из переосмысления универсальности биологической связанности вырастает конструктивистская перспектива, предполагающая

особый интерес к процессу каждодневного создания родства. Из необходимости изучать индигенные значения того, что значит быть родственником вырастает интерпретативная и символическая перспектива, акцентирующая внимание на смыслах, значениях и контекстах родственных отношений на разных уровнях (Д. Шнайдер, Дж. Карстен, М. Маршалл).

В основе исследования лежит подход, предполагающий синтез социологической и социально-антропологической перспектив исследования родства. В этом контексте важными становятся работы, в которых изучение родственных отношений выполнено на материале большого города в обществах культурно и географически близких исследователю (Б. Адамс, Э. Ботт, Р. Фирт)

В рамках данного диссертационного исследования были также важны следующие концепции и положения:

Во-первых, концепции, направленные на интеграцию биологических и социальных уровней родства (Ф. Вебер, Д. Шнайдер, М. Салинз).

Во-вторых, концепции, анализирующие социокультурные механизмы и паттерны создания, поддержания и переосмысления родства (Дж. Карстен, С. Хоулли), а также отражающие динамичный, изменяющийся, процессуальный характер родства (Р. Астути, Э. Бауер, А. Гёттинг, Ю. Паули). Концепция связанности Дж. Карстен явилась отправной точкой для исследования многообразия социальных оснований родства, а также того, как родство создается через повседневные практики.

В-третьих, отдельные теоретические положения из работ, анализирующих нормативные представления в пространстве родственных отношений, а также соотношение нормативных представлений и практик (П. Бурдые, С. Тойшер, С. Янагисако).

В-четвертых, отдельные теоретические положения из работ, анализирующих родственные отношения через категорию сети (Г. Аллан, Э. Альберт, Р. Гувейя). В этой перспективе важной являлась работа Э. Ботт, в которой автор определяет разницу между сетью и организованной группой при исследовании родства, а также анализирует характер влияния родственной сети на различные формы родственных отношений.

Методы и методика

Диссертационное исследование выполнено в качественной методологии, позволяющей проанализировать смыслы, значения и контексты, которые конкретизируют общие паттерны родственных отношений в каждой конкретной ситуации. Кроме того, так как родственные

отношения достаточно часто являются личной темой для обсуждения, то формат живого межличностного общения в форме полуструктурированного глубинного интервью позволяет зафиксировать не только то, что говорят информанты, но и характер их высказываний, реакцию и эмоции, как на вопросы интервьюера, так и на собственный рассказ.

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составляют 47 полуструктурированных глубинных интервью с 30 парами взрослых сиблингов (старше 18 лет), где хотя бы один из сиблингов состоит в официальном или гражданском браке и / или имеет несовершеннолетних детей. Из 30 пар сиблингов в 17 парах было взято интервью у обоих сиблингов, в оставшихся 13 – у одного; 9 пар сиблингов состояли из двух братьев, 11 пар сиблингов включали двух сестер, 10 пар сиблингов являлись смешанными.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

Во-первых, диссертационное исследование построено на синтезе социально-антропологической и социологической перспектив изучения родства, что предполагает переосмысление понятия «родства», а также методологии и объекта исследования родственных отношений на основании современных концепций и подходов.

Во-вторых, родство исследуется через отношения, паттерны и практики, что отличает данную работу от классического анализа родства, ориентированного на изучение структур и систем терминов.

В-третьих, в фокусе данного диссертационного исследования находятся сиблинговые отношения – одна из форм родственных отношений, недостаточно изученных в рамках социологии и социальной антропологии.

В-четвертых, выявлены основания сиблинговых отношений, подразумевающие артикуляцию кровного родства, нормативных представлений, общего прошлого и дружеской взаимозависимости в настоящем, что расширяет ранее существующие модели родственных отношений. Показаны возможные социокультурные паттерны, возникающие как результат соединения разных оснований, а также следствия отсутствия артикуляции отдельных оснований.

В-пятых, разница в возрасте между сиблингами, а также отношения между младшими и старшими сиблингами проанализированы с точки зрения социально-конструктивистской перспективы, которая позволяет увидеть, с одной стороны, сохранение паттерна старший /

младший во взрослом возрасте, а, с другой стороны, ситуационный и колеблющийся характер приписывания к «старшим» и «младшим» во взрослом возрасте.

В-шестых, ситуация мобильности рассмотрена как создающая новые паттерны взаимодействия, в рамках которых существующий характер сиблинговых отношений сохраняется, а изменению подвергаются практики и механизмы поддержания отношений.

В-седьмых, в родственной сети выявлены горизонтальные конфигурации, на основе которых складываются паттерны взаимодействия сиблингов с супругами или двоюродными / троюродными сиблингами.

Положения, выносимые на защиту:

1. Социокультурные паттерны родственных отношений представляют собой устойчивые формы взаимодействия с родственниками, в основе которых лежат социальные механизмы поддержания родства, направленные на усиление или ослабление биологической связи, данной от рождения. Из всего многообразия социальных отношений, существующих в конкретном социокультурном контексте, только некоторые рассматриваются как родственные отношения и оказываются выбранными в качестве таковых в соответствии с теми основаниями, которые считаются значимыми в данном контексте.
2. Изучение родства в современной социологии и социальной антропологии ориентировано на исследование социокультурных механизмов создания родства и основывается на таких категориях как «связанность», «взаимозависимое существование», «становление родственником». Использование социально-конструктивистского подхода для исследования паттернов родственных отношений позволяет определить родственные отношения в изучаемом социокультурном контексте как через социальные основания, так и через биологические. В первом случае родственные отношения концептуализируются на основании паттернов поддержания отношений через повседневные взаимодействия с родственниками. Во втором случае родственные отношения концептуализируются через паттерны придания значения кровному родству как неоспоримому основанию родства.
3. Сиблинговые отношения как одна из форм родственных отношений базируется на основаниях, актуализирующих кровное родство, нормативные представления, общее прошлое и дружескую взаимосвязанность в настоящем. Эти основания образуют кумулятивную систему уровней, где каждый следующий добавляет в сиблинговые

отношения некое новое качество. Различные сочетания оснований создают различные по форме и степени насыщения социокультурные паттерны сиблинговых отношений.

4. Сложившаяся в детстве асимметрия между «старшим» и «младшим» в отношениях сиблингов, во взрослом возрасте может сохраняться, нивелироваться или приобретать «маятниковый эффект», предполагающий ситуационную идентификацию «старший» / «младший», независимую от фактического возраста. В основе «маятникового эффекта» лежит идея о социальном конструировании возрастных границ через практики и достижения.
5. Наличие географической дистанции между сиблингами создает новые паттерны взаимодействия, которые продолжают развивать существующий характер сиблинговых отношений, но не изменяют их коренным образом ни в сторону улучшения, ни в сторону ухудшения. Характер восприятия географической дистанции и паттерны взаимодействия в ситуации мобильности зависят от характера отношений между сиблингами: чем менее близкие отношения, тем меньше ситуация мобильности переживается как значимая и трансформирующая сложившиеся социокультурные паттерны взаимодействия.
6. Родственная сеть, рассмотренная в рамках социально-конструктивистской перспективы, может быть представлена как состоящая из двух кругов родственников – близких, имеющих важное значение для человека и формальных, которые признаются как родственники, однако не играют значимой роли в жизни человека. Граница между близкими и формальными родственниками не всегда проводится в соответствии с рангом родства, а также может не соответствовать разделению между нуклеарной семьей и более широким кругом родственников. Динамический характер родственной сети проявляется в возможности постоянного переопределения границ между близкими и формальными родственниками за счет механизмов символического удаления и приближения родственников.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в переосмыслении социально-конструктивистского подхода, применяемого в современных исследованиях родства, в рамках конкретного социокультурного контекста. Переосмысление подразумевает невозможность полного отрицания биологической связанности как основания родства и создание четырехосновной модели сиблинговых отношений, которая учитывает, как биологический, так и социальный фундаменты родства. Кроме того, многие паттерны, сценарии и механизмы, выделенные на основе исследования сиблинговых отношений, могут быть использованы как исходная точка для исследования других форм родственных отношений.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использовать результаты эмпирического исследования для разработки и реализации проектов и программ развития социокультурной сферы большого города.

Некоторые положения диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке лекций, семинаров и спецкурсов, читаемых на факультете социологии СПбГУ.

Степень достоверности результатов обеспечивается теоретико-методологической проработанностью проблемы, предполагающей глубокий и длительный анализ актуальных научных исследований по теме родственных отношений в целом и сиблинговых отношений в частности; тщательной операционализацией изучаемых понятий в соответствии с предметом и задачами исследования; обращению в рамках эмпирического исследования к опыту обоих сиблингов, а также иногда и других родственников в рамках исследуемых случаев.

Апробация результатов

Основные результаты исследования прошли апробацию на Восьмых Ковалевских чтениях (Санкт-Петербург, СПбГУ, 15-16 ноября 2013); Международной научно-практической конференции "Образование. Наука. Культура. Роль в модернизации России" (2 декабря 2013); XVIII Международной конференции памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования» (Екатеринбург, УрФУ, 19-20 марта 2015); Десятых Ковалевских чтениях (Санкт-Петербург, СПбГУ, 13–15 ноября 2015).

Публикации

Основные положения диссертационного исследования отражены в 7 публикациях (общим объемом 3,75 п.л.). 3 статьи (объемом 2 п.л.) изданы в рецензируемых журналах, вошедших в Перечень рекомендованных ВАК Министерства образования РФ.

Структура и объем работы

Структура и объем диссертации определены поставленными задачами и порядком их решения. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и 2 приложений, общим объемом 189 страниц. Список литературы включает 180 наименований на русском и английском языках.

Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования родства в социальных науках

Исследователи, занимающиеся изучением родственных отношений в социологии и социальной антропологии, обычно сходны в выделении общей логики развития этой исследовательской области. Так, отмечается главенствующая роль исследований родства в социальной антропологии до середины 20 века, затем кризис и своеобразное табуирование этой темы в 70-80х годах, вследствие, в первую очередь, исследований, проведенных Дэвидом Шнайдером и дискуссии, последовавшей за этим (Schneider 1980 [1968]; Schneider 1984), и возрождение интереса к теме родства в 90х годах, благодаря исследованиям в ряде смежных с родством областей, таких как гендер, однополые отношений, новые репродуктивные технологии, миграция, идентичность. Таким образом, постулируется, что исследования родства активно развивались до 70х годов, потом оказались забыты на некоторое время и возродились в 90-е годы в новом качестве.¹ Говоря «в новом качестве», мы подразумеваем, что изучение родства, начиная с 80-90-х годов, не является продолжением предыдущих исследований, и поэтому очень оправдано может называться «новым родством», что подразумевает не только изменения в формах отношений, но и новую логику рассуждения о них.

Многие исследователи, изучающие родственные отношения, стремятся определить контуры пространства современных исследований родства, среди основных вопросов называя такие, как изменение методологии родственных исследований и появление новых – феминистской, социально-конструктивистской, символической – перспектив исследования; переосмысление соотношения социального и биологического, частного и публичного в родственных отношениях; переопределение основополагающих понятий – «семья», «родство», «родительство», «брак» (Peletz 1995, Holy 1996: 143-173, Carsten 2000, Johnson 2000, Schweitzer 2000, Faubion 2001, Ebtehaj 2006). Мы подробно остановимся на двух темах, которые представляют особую важность в рамках нашего исследования.

Во-первых, это дивергенция или «размывание» методологии исследования родственных отношений: по сути, классическая антропология родства с явным доминированием структурного функционализма закончилась в 70-е годы 20 века, чтобы в конце 90-х возродиться уже в новом качестве, акцентируя внимание на более широких и не являющихся специфическими для социальной антропологии темах таких, как исследования гендера, новых

¹ Сюжеты, связанные с падением и возрождением интереса к антропологии родства во второй половине 20 века, а также ключевой ролью в этих процессах фигуры Д. Шнайдера, хорошо прописаны во вводных главах большинства монографий и сборников, посвященных современным исследованиям родства (см., например, Carsten 2000: 1-14; Franklin, McKinnon 2001: 2-3; Stone 2002: 1-10; Feinberg 2002, Godelier 2011: 1--22).

репродуктивных технологий, однополых отношений в рамках широкой палитры символических, конструктивистских и структурных подходов.

Во-вторых, это способы концептуализации родственных отношений, и, как следствие, терминологическое и дисциплинарное разделение, которое возникает при описании родственных отношений в социальных науках. Понятия «семья» и «родство» отсылают не столько к разным аспектам отношений, сколько к лишь частично пересекающимся дискурсам, что во многом определяет характер того, как родственные отношения видятся и анализируются в разных областях социальных наук.

1.1 Современная методология исследования родства в социологии и социальной антропологии

Смена исследовательской оптики в социологических и социально-антропологических исследованиях родства проявляется, прежде всего, в постепенном переходе от структурного функционализма как основного подхода к символическому и социально-конструктивистскому подходам, что существенно меняет основные направления исследований. Вместо изучения структур, позиций, норм и правил исследователи начинают уделять внимание тому, как соотносится биологическое и социальное в родстве, каковы исторические контексты развития родственных отношений, как отношения создаются через повседневные практики и меняются на протяжении жизни, каково взаимовлияние родства, гендера и этнических, классовых, властных отношений. Мы остановимся более подробно на четырех перспективах, которые представляются актуальными в рамках данного исследования. Во-первых, это логика символического анализа, во-вторых, процессуальный взгляд на родство, в-третьих, создаваемый – в противовес данному – характер родственных отношений, и, наконец, связь культурной, нормативной и поведенческой систем в пространстве родственных отношений.

1.1.1 Символический анализ родства

Символический подход к исследованию родства, а также конструктивистская перспектива, частично вырастающая из него – это та методологическая база, на которой во многом развиваются современные исследования родства в социальных науках. Формально эти два подхода не тождественны друг другу, однако в пространстве исследования родства они оказываются достаточно сильно связаны. Логику символического анализа родственных отношений задает в 70-е годы 20 века Д. Шнайдер, постулируя необходимость исследования родства как культурной системы символов (Schneider 1980). Такая постановка вопроса предполагает культурную специфичность родства, то есть то, что эта категория может пониматься по-разному в разных культурах. Именно в рамках символического подхода понятие

«родство» проблематизируется и из категории, рассматриваемой как нечто само собой разумеющееся, превращается в отдельную тему исследования, в основе которой лежат непрекращающиеся до сих пор споры о природе родства. Если до 70-х годов 20 века существовало универсальное определение родства как системы отношений, основанной на соединении биологического уровня и социального, где первый рассматривался как базовый, то в последней четверти 20 века в рамках культурно-специфического понимания родства универсальность такого определения и, прежде всего, биологическая связанность как равнозначимое для всех культур основание родства, были поставлены под сомнение. Эта перспектива положила начало переосмыслению и переопределению родства через новые, не завязанные на биологии, основания. Таким образом, символические исследования родства как культурно-специфической системы смыслов и значений стали основой для развития социально-конструктивистского взгляда на родство, предполагающего, что родственные отношения создаются в процессе взаимодействий, а не задаются фактом рождения.

Одним из основных понятий символического подхода к исследованию родственных отношений для Д. Шнайдера становится категория «культурная система». Предпринимая анализ родства, Д. Шнайдер вслед за Т. Парсонсом разводит культурную систему, включающую значимые символы, и социальную систему, включающую нормы и паттерны реального поведения. Именно первая становится предметом его исследования, причем автор отдельно подчеркивает необязательность обращения к практикам родства, чтобы изучить символы родства. «Символы» – еще одно важное понятие в рамках данного подхода. Каждая культура создает свои символы, чтобы выразить родственную связанность. Так, например, американские представления о родстве могут быть выражены через такие категории, как «семья», «дом», «кровь», «любовь», «брак», «сексуальные отношения» (Schneider 1980), а малайцы с острова Лангкави выражают родство через такие символические категории как «дом», «домашний очаг», «кормление», «сiblingовые отношения», «женщины» (Carsten 1995). Причем в обоих случаях эти символы составляют систему, то есть взаимосвязаны. Кроме исследования символов, символический анализ родства представлен работами по культурной специфике терминов родства, то есть, того, что, например, значит быть родственником (Alexander 1976, Schneider 1980), сиблингом (Marshall 1977, *Siblingship in Oceania* 1981), кузенном (Baumann 2001) в разных культурах. Хороший пример представляет исследование категории «тетя» в американской культуре (Aunting... 2010). Авторы предлагают рассматривать это понятие через практики, то есть через то, что делают люди, которых в американской культуре определяют как «тетя». Таким образом, понятие оказывается освобождено от генеалогической привязки и позволяет выйти за границы традиционной структуры, чтобы

проанализировать гибкость и наличие выбора при определении человека в эту категорию. Исследователи уделяют особое внимание тем ролям, которые играют тети в семейной сети, отмечая, например, такие распространенные роли как «водитель» и «вторая мама» для своих племянников. Тети часто выступают медиаторами в отношениях между родителями и детьми, а также теми, кто организует общесемейные встречи. Отношения между тетями и племянниками меняется на протяжении жизни, включая как периоды близкого общения, так и ситуации длительной разлуки. Тем не менее формат отношений предполагает реципрокацию, которая становится особенно значимой, когда тети достигают пожилого возраста. Авторы не очень подробно останавливаются на этой теме, однако было бы интересно проанализировать, насколько нормативные представления о реципрокации между родителями и детьми отличаются от тех, которые формируют отношения тетей и племянников. В целом термин «тетя» оказывается применим в американской культуре как для тех, кто генеалогически ему соответствует, так и для тех, кто соответствует ему с точки зрения поведения. В последнем случае дальние родственники, друзья или соседи могут быть, в определенной степени, включены в круг близких родственников. Такой же пример демонстрирует Э. Бауэр, которая исследует родственные отношения выходцев из стран Карибского региона в Великобритании: близкая подруга, пережившая вместе с информанткой многие трудности, воспринимается ею как сестра для себя и тетя для ее детей (Bauer 2010: 79-107).

Таким образом, символический взгляд на родство предлагает достаточно широкую и не детерминированную «биологическим» рамку для анализа, в которой развиваются более частные перспективы, связанные с исследованием родственных отношений в рамках категорий «процесс» и «практики». В следующих разделах мы проанализируем их более подробно.

1.1.2 Родство как процесс

«Каждая семья *делает* родство...через гибкие и разнообразные механизмы пересоздания, переизобретения, включения, адаптации, согласования социальных и культурных процессов, которые касаются как биологических, так и небологических родственников» (Bauer 2010: 79, курсив мой). Как показывает эта цитата, процессуальная перспектива исследования родства основывается на идее создания родственных отношений в процессе взаимодействия и тем самым оспаривает данность таких отношений от рождения. С одной стороны, такой подход предполагает, что из всего круга биологических родственников мы выбираем тех, с кем хотим поддерживать отношения, таким образом, надстраивая над биологическим уровнем родства социальный, основанный на выборе и личных предпочтениях. С другой стороны, процессуальная логика исследования родства может нивелировать различия между

родственниками и не-родственниками, опираясь на то, что не кровное родство, а само общение «создает» отношения родства. Таким образом, процессуальный взгляд на родство позволяет рассмотреть последнее как гибкую и эгоцентрированную систему паттернов отношений. Каким образом это работает хорошо показывают Д. Мэйсон и Б. Тайпер, исследуя стратегии английских детей по «созданию» родственников (Mason, Tipper 2008). Авторы выделяют пять основных категорий, по которым дети распределяют родственников, а также анализируют паттерны причисления того или иного родственника к определенной категории.

Первую группу составляют «настоящие» родственники. В эту группу попадают родственники, отношения связанности с которыми невозможно оспорить. В данном случае действует формальный паттерн определения родственников либо через связь по крови, либо через связь по браку. Иногда дети точно уверены, что человек является их родственником, но не могут подобрать точный термин или проследить генеалогическую связь. Такие «формальные» паттерны определения родства, скорее всего, основаны на повседневных практиках и разговорах, в которых старшим поколением очерчивается нормативный круг тех, кого надо считать родственниками. Это пространство концептуализации родственников является базовым для всех последующих.

Вторая группа родственников рождается в процессе углубления понимания «настоящих» родственников. На этом уровне концептуализации у детей появляется представление о том, что генеалогические связи не всегда отражают истинные отношения. Так, например, отношения с двоюродным братом могут быть лучше, чем с родным, а младшая мама двоюродная сестра может быть ближе, чем кузина. Углубленное понимание родства реализуется в том, что дети пытаются реинтерпретировать существующую номенклатуру родства за счет паттернов, подразумевающих создание своей внутренней терминологии. Авторы указывают на то, что 26 из 49 проинтервьюированных детей в некоторых ситуациях не употребляли с терминами родства префиксы, которые указывали на менее близкие отношения (например, «step mother» превращалось в «mother», а «half brother» в «brother»).

Третья группа родственников основана на паттернах дистанцирования от «настоящих» родственников и является зеркальным отражением предыдущей: среди «настоящих» родственников есть не только те, кого дети хотят «приблизить» к себе, но и те, с кем у детей отношения не складываются, и это влечет за собой желание отдалить таких родственников от себя. Механизмом снова выступает реинтерпретация существующей терминологии: ребенок не может оспорить родство с «настоящим» родственником, поэтому прибегает к использованию термина, обозначающего дальнейшее родство. Например, практика называния своих старших кузин

через добавление к их имени слова «тетя». Социокультурные паттерны «углубления» и «дистанцирования» являются хорошим примером того, как реально присутствующие или отсутствующие отношения «создают» систему родства параллельную той, которая существует на основе предзаданных категорий родства.

Четвертая группа формируется на основе паттернов, предполагающих выбор из потенциальных родственников. Эту группу образуют люди, которые, с точки зрения детей, не являются «настоящими» родственниками, но потенциально могут такими стать. К этой группе, в первую очередь, относятся сожители кого-то из «настоящих» родственников. Что же может превратить потенциального родственника в «настоящего»? Во-первых, к классическим паттернам причисления к родственникам через «общую кровь» и «заключение брака» можно добавить такой, как наличие детей. С точки зрения детей, если один из партнеров (в ситуации сожительства) является «настоящим» родственником, то факт появления детей у такой пары, автоматически превращает не-родственника в «настоящего» родственника. Во-вторых, важным фактором становится время, так как невозможно «стать родственником» мгновенно. В-третьих, статус «настоящего» родственника можно заработать через участие в рутинных повседневных семейных практиках. В-четвертых, для детей, с точки зрения признания человека как родственника, представляется важным, чтобы человек в своих действиях был ориентирован на них и на их интересы.

Наконец, пятая группа родственников формируется на основе паттернов, включающих отношения похожие на родство. Д. Мэйсон и Б. Тайпер отмечают, что 65% детей указали на то, что имеют такие отношения, которые похожи на родство, но не в полной мере им являются. Во-первых, это отношения с друзьями опрашиваемых. Здесь актуализируется паттерн, основанный на идее «разделенной биографии», подразумевающий, что человек чувствует общность с тем, с кем проводит много времени, вместе растет и развивается. Для многих детей фраза «мы знакомы с рождения» является фактом, говорящим об очень близких отношениях. Во-вторых, в эту группу попадают друзья родителей. Авторы называют такой паттерн формирования связанности «родством по доверию»: отношение к родителям дети переносят на близких друзей родителей. И в этом контексте как раз могут возникнуть родственники, попадающие в категорию «тети», которую мы рассмотрели выше. В-третьих, в ситуациях описания отношений похожих на родство, очень часто возникают домашние животные, которых дети рассматривают как членов своей семьи.

Таким образом, исследование Д. Мэйсона и Б. Тайпера показывает, что наряду с формальной терминологией родства существует своя внутренняя система называния

родственников, которая находит отражение в ряде социокультурных паттернов причисления к родственникам. При этом родственные отношения понимаются детьми как то, что может создаваться в процессе совместных практик и совместного общения.

Кроме гибкости системы причисления процессуальный взгляд на родство позволяет проанализировать динамический аспект родственных отношений. В данном случае родство понимается как никогда не заканчивающийся процесс становления собой (Carsten 1995: 223), который идет на протяжении всей жизни и находится под влиянием различных событий. Э. Бауэр, анализируя трансформации в родственных отношениях на протяжении четырех поколений одной семьи, выделяет несколько важных моментов процессуального понимания родства (Bauer 2010: 53-62). Во-первых, процесс родства складывается из «разделения прошлого опыта и будущих ожиданий», то есть связь выстраивается не только через общее прошлое, но и через предполагаемое взаимосвязанное будущее (Bauer 2010: 58). Во-вторых, отношения родственников всегда есть результат «прошлой истории взаимоотношений»: поведение родственников в каждой конкретной ситуации не может быть рассмотрено абстрактно без учета того, какие отношения у них были в прошлом (Bauer 2010: 54). В-третьих, если отношения в прошлом влияют на отношения в настоящем, то в эту рамку также попадают и биологические отношения, которые могут, например, очень сильно отличаться от нормативных представлений о том, какие они должны, потому что в каждом конкретном случае будут основаны на личном и субъективном опыте. В-четвертых, – и на это обращают внимание многие исследователи (Carsten 2000:14, Franklin, McKinnon 2001: 18) – процессуальный подход к исследованию родства позволяет анализировать не только, как отношения создаются, но и как они разрушаются и пересоздаются вновь. В этом смысле Э. Бауэр делает интересное замечание по поводу отношений после развода: в то время, как принято считать, что развод – это то, что прекращает отношения, действительность оказывается более сложной, и часто отношения между супругами после развода продолжают – например, из-за общих детей, просто приобретая другие формы. Наконец, важным фактором, дающим почувствовать процессуальный характер родства, становится память об умерших родственниках. Э. Бауэр пишет, что невозможно разделить реальную жизнь и воспоминания о близких людях, потому что они живут в высказываниях, делах, привычках, в соблюдении каких-то норм, и этим виртуально связывают предыдущие, настоящие и будущие поколения (Bauer 2010: 61).

Исследование Р. Астути, выполненное с точки зрения процессуальной перспективы, позволяет увидеть, как меняется конфигурация родственной сети и представления о месте человека в ней в течение жизни (Astuti 2000: 90-103). Автор, анализируя рассказы своего информанта о родственниках и данные из других исследований, представляет три паттерна

концептуализации родственной сети: с точки зрения молодого человека, с точки зрения пожилого человека и с точки зрения умершего человека (последний вариант рассматривается на основе существующих в обществе представлений о предках, а также поведения членов семьи после смерти человека). Р. Астути решает эту задачу со структурной позиции, показывая, что в одном и том же обществе могут одновременно сочетаться киндред, когнатная десцентная группа и унилинейная десцентная группа. Киндред отражает представление о родственной связанности молодого человека, который видит себя, окруженный разными по степени близости к нему родственниками. Когнатная десцентная группа – образ, с помощью которого родственную сеть описывает пожилой человек, рассматривающий себя в качестве «прародителя» рода. Унилинейная десцентная группа – понятие, описывающее представления потомков о родственной сети умершего и основанное на том, что после смерти человек должен быть похоронен там же, где и его умершие родственники, и так как похоронить человека одновременно в нескольких местах невозможно, то родственники определяются по одной, в данном случае, мужской линии. Однако в рамках нашего исследования интерес представляет не столько структурные характеристики групп родственников, сколько сам факт того, что и паттерны отношений, и паттерны восприятия связанности меняются на протяжении жизни. Р. Астути очень точно отмечает, что «если мы хотим понять, как люди становятся связанными друг с другом, мы не можем ограничивать наш анализ исследованием одного момента во времени. Даже если связанность создается через порождение..., самая интересная часть истории начинается после этого. Именно поэтому, мы должны описывать, анализировать и понимать, как связанность возникает, развивается и прекращает существовать параллельно с появлением, развитием и смертью людей, которые ее создают» (Astuti 2000: 101).

Разнообразие представлений и конфигураций связанности вырастает, в том числе из эгоцентрированного характера родственных сетей и, следовательно, невозможности формировать дискретные родственные группы в рамках билатеральных систем родства. Реальные и воображаемые границы родственной группы могут передвигаться, включая разное число родственников в разных ситуациях. Так, с одной стороны, пожилой человек рассматривает всех своих потомков как происходящих от него и прочерчивающих родственную связь именно с ним. С другой стороны, в рамках этой же сети внук этого человека может связывать себя не только с одним дедушкой, но и с другими бабушками/дедушками. Таким образом, человек может по-разному видеть свою родственную сеть, и ее конфигурация может отличаться от представлений других членов этой сети.

Р. Астути обращает внимание на то, что изменения в паттернах восприятия себя и своего места в сети родственников связаны не столько с возрастом, сколько с социальным контекстом.

Например, ребенок, окруженный большим количеством родственников, рассматривает себя как точку, к которой тянется много ниточек по вертикали и горизонтали; появление детей позволяет молодым родителям поместить себя в условный центр сети, подразумевая тем самым, что есть те, кто был до них, а теперь есть те, кто будет после них; смерть последнего из родственников старшего поколения символически перемещает взрослого человека в ранг «самого старшего в роду», превращая его в точку, от которой вниз тянутся вертикальные ниточки ко всем остальным родственникам.

Р. Астути также отмечает, что на структуру и конфигурацию родственной сети оказывает влияние «память пожилых мужчин и женщин, которые знают, как люди были связаны в прошлом, и как эти отношения простираются и разрастаются в настоящем» (Astuti 2000: 94). Следовательно, обширная родственная сеть является результатом паттернов поддержания отношений с теми, кого мы знаем как родственников. Р. Астути приводит интересный пример по этому поводу. Этническая группа везо, которую она изучала, придерживается экзогамной брачной нормы, предписывающей выбор брачного партнера из группы не-родственников, которую везо называют «другие люди». Однако, если человек знает и помнит очень много своих родственников, он тем самым существенно сужает себе возможность выбора брачного партнера. Это приводит к тому, что некоторые истории о родственных связях в предыдущих поколениях специально не воспроизводятся, чтобы родственная связь в настоящем оказалась забыта, и возникла возможность вступить в брак. При этом человек, возможно, вступит в брак со своим дальним родственником, однако брак будет считаться правильным, так как не существует знания о родственной связи между ними. Родство как основанное на биогенетической связанности подменяется знанием о родстве, а люди оперируют скорее дискурсом родства («родственник – это тот, кого я знаю, как родственника»), нежели опираются на данные от природы связи и факты.

Таким образом, процессуальная перспектива позволяет увидеть, что круг тех, кого мы считаем родственниками, не задается единожды и не остается неизменным на протяжении жизни. Скорее, он пересматривается, проверяется и заново утверждается в различных жизненных ситуациях. Родственники не формируют постоянно взаимодействующую и одинаковую по составу группу, а следовательно, даже в один момент времени представление об участниках и границах родственной сети у самих родственников могут отличаться. Кроме того, подвижный и динамичный характер родственной сети придает то, что она зависит от наших знаний о родственных связях, а следовательно, изменение этих знаний – естественное или спровоцированное – обеспечивает регулярное «обновление» сети.

1.1.3 Родство как практики

Процессуальный взгляд на родство и исследование родства через категорию практик взаимно дополняют друг друга: если родство рассматривается как создающееся на протяжении жизни, то именно повседневные практики становятся тем «материалом», из которого оно возникает. Несмотря на то, что многие исследователи отмечают «практики» как один из способов, через который концептуализируются родственные отношения в последней четверти 20 века, другие категории, такие как «процесс», «индивидуальные действия» и «личность» получают намного больше внимания со стороны исследователей, в то время, как в отношении «практик» присутствует, скорее, простое постулирование их важности при исследовании (см., например, Carsten 2000: 17-18).

Говоря об изучении родства через категорию практик можно выделить два уровня исследований. С одной стороны, исследователей интересуют сами практики, то есть «маленькие, кажущиеся тривиальными или само собой разумеющимися действия, такие как совместный прием пищи, угощение соседей приготовленным блюдом, приглашение на чашечку кофе» (Carsten 2000: 17).

С другой стороны, «с конца 70-х и 80-х гг. XX века наблюдался отчетливый поворот интереса исследователей в сторону более динамичных концепций структур и функционирования домовых сообществ, форм семьи, родственных связей: это был поворот от изучения ... структурных черт в сторону пристального «чтения» отношений между людьми, с повышенным вниманием к поступку и деятельности, к выбору и к стратегии, к пространству для маневра, доступному при ведении переговоров» (Зоколл, Кошелева, Шлюмбом 2004: 26). Этот поворот принято связывать, прежде всего, с работами П. Бурдьё, который критиковал предыдущих исследователей в том числе за «некритичное повторение местных представлений» о родстве (Schweitzer 2000: 9) и обращал внимание на то, каким образом связано «официальное родство» и «практическое родство» или, если сформулировать по-другому, уровень нормативных представлений и практических действий (Бурдьё 2001: 312-387). Таким образом, в данном случае предметом исследования выступают не столько сами «практики», сколько их соотнесение с культурной и нормативной системами.

Первый уровень исследований хорошо иллюстрирует работа Ф. Вебер, в которой на примере жителей Франции проанализированы паттерны «практического родства», складывающиеся из трех измерений: крови, имени и повседневности (Weber 2010). «Кровь» отсылает к уровню родства, основанному на актуализации биологической репродукции, «имя» включает юридически оформленные отношения родства, а «повседневность» выступает

«забытым измерение родства» и отсылает к рутинным каждодневным родственным обменам (Weber 2010: 2-3). Последние автор определяет через категорию «заботы», уделяя таким образом особое внимание тому, как формируются паттерны повседневного родства в тех семьях, где есть родственники, которые не могут сами о себе позаботиться – несовершеннолетние дети, пожилые люди, нетрудоспособные / больные родственники. Понятие «повседневного родства» кажется очень удачным и позволяет обратить внимание на то, как родственные отношения создаются и пересоздаются в процессе каждодневного общения. Автор с помощью этого понятия анализирует чувство долга, финансовые потоки среди родственников, эмоциональную и материальную составляющую родственных отношений. Частично Ф. Вебер затрагивает и второе направление исследования практик, которое мы обозначили. Так, она обращает внимание на часто присутствующий разрыв между юридическими обязательствами и практиками реальной помощи, который выражается в двух возможных паттернах поведения: либо те, кто должен, не помогают, либо помогают те, кто не обязан (Weber 2010: 10). Изменчивый – гибкий, но при этом достаточно хрупкий – характер повседневного родства, зависящего от очень большого числа мелких и кажущихся неважными действий – еще одна его характеристика. Особый акцент Ф. Вебер делает на том, как в каждой конкретной ситуации соединяются или не соединяются три способа концептуализации родства – «кровь», «имя» и «повседневность». Автор обращает внимание на то, что повседневное родство не имеет никакого закрепленного статуса, в отличие от родства по крови или юридически оформленных отношений. Одна из информанток Ф. Вебер – Виолетт – воспитывалась вторым мужем своей матери вместе с появившимися позже общими детьми пары. После смерти ее «социального» отца между сводными сестрами возникает конфликт из-за наследования, связанный с тем, что Виолетт ни биологически, ни юридически не была связана с тем, кто ее воспитывал. Таким образом, родные сестры, претендующие на наследство своего биологического отца, обращаются к аргументации через «кровь» и «имя», в то время, как Виолетт объясняет свои права через категорию «повседневного родства», которое имеет моральную силу, но не юридическую (см. обсуждение этого примера в: Dechaux 2008: 229-230). В этом примере также виден «временный» характер повседневного родства – оно существует только пока есть составляющие его отношения и может исчезнуть со смертью человека. Однополюсные отношения и родственные сети партнеров, состоящих в таких отношениях, являются хорошим пространством для исследования того, как соединяются и разъединяются три паттерна концептуализации родства. Эти сюжеты отсылают к классической в рамках данной тематики работе К. Вестон, в которой автор противопоставляет семьи, «данные» нам от рождения и те, которые мы приобретаем (Weston 1997). Она показывает, что первые часто отказываются

поддерживать отношения с родственниками, после того, как узнают об их сексуальной ориентации, и эти отсутствующие отношения заменяются другими – с друзьями или с дальними родственниками, которые и становятся семьей по выбору – теми, кто ведет себя как семья, независимо от биологических оснований и юридического признания. Таким образом, в данном примере работает исключительно паттерны повседневного родства. В целом современные трансформации пространства родственных отношений дают достаточно много примеров, когда три способа концептуализации родства, выделенные Вебер, функционируют отдельно друг от друга. Автор, однако, показывает, что практически всегда разъединение трех измерений ведет к возникновению проблемных и неоднозначных ситуаций, превращая родственные отношения в напряженные или открыто конфликтные. В этом смысле показателен пример, который приводит Э. Бауэр (Baueг 2010): тетья информантки поддерживает отношения с двумя из четырех своих внучатых племянников, потому что первые являются детьми ее племянницы, а вторые – детьми партнера ее племянницы, которых последняя взяла на воспитание. В этом примере также показательно, что на ситуацию, кроме внутренних – родственных – мотивов влияют внешние – то, что новый партнер племянницы является выходцем из стран Карибского региона; таким образом, и он сам, и его дети ни с точки зрения родства, ни с точки зрения происхождения не вписываются в группу родственников тети информантки, которая является «чистокровной» англичанкой. Таким образом, перед нами «пустое» пространство отношений – место, где они могли бы быть в силу институциональных условий, но отсутствуют во всех трех измерениях.

Еще один взгляд на практическое родство представляет Ю. Ян в рамках исследования, выполненного в сельских областях северного Китая (Yan 2001). Обращение к изучению родства через категорию практик, по мнению исследователя, является адекватным ответом на социально-экономические и культурные изменения, которые происходили в Китае во второй половине 20 века после коммунистической революции: «эти изменения раскрыли другую сторону родственных отношений: на практике родство является набором достаточно гибких межличностных отношений, согласованных индивидуальными агентами в ответ на социальные изменения» (Yan 2001: 226). Центральное для анализа Ю. Яна понятие – это «guanxi» – одновременно и социальная эгоцентрированная сеть, и символ, «индигенное пространство морали», в которое включен весь остальной мир. «Guanxi» – это не только родственная сеть, она включает также друзей, коллег, родственников по браку. В этом смысле человек не оказывается включен в нее фактом рождения, как это могло бы быть с родственной сетью; она есть результат «индивидуального выбора и действий» (Yan 2001: 230). На примере того, насколько могут быть разнообразны паттерны взаимодействия между родственниками внутри

этой сети, Ю. Ян демонстрирует как работает принцип повседневного родства. Во-первых, автор обращает внимание на то, как интерпретируется родственная дистанция: с точки зрения патрилинейного счет родства братья должны рассматриваться как более близкие родственники, чем братья жены, однако информанты часто отмечали, что родные братья им ближе, однако с братьями жены отношения лучше – менее формальные и более равные. Таким образом, паттерны практического родства в данном случае пересекается и перекрывает паттерны «официального» родства. Во-вторых, автор отмечает изменяющуюся природу родственных союзов. Если нормативные представления требуют объединения близких родственников против дальних или всех родственников против не-родственников в критических ситуациях², то действительность оказывается более сложной. Ю. Ян отмечает, что часто разные интересы родственников приводят к тому, что каждый человек обращается за помощью или ищет себе союзника, исходя из принципа общности цели, нежели руководствуясь исключительно правилами родства. Хорошо эту идею иллюстрирует пример пяти братьев и сестры, которые в ситуации выборов деревенского партийного секретаря, поддерживали разных кандидатов, и, таким образом, находились по разные стороны баррикад. Реальное поведения каждого из сиблингов оказалось более влияющим на сплочение / разобщение, чем нормативные представления о «солидарности сиблингов». Это естественно не значит, что повседневное родство противоречит нормативным представлениям; скорее, можно говорить о том, что нормы и практики существуют в разных, но взаимодополняющих и взаимоограничивающих полях, что опять возвращает нас к исследованию не столько практик самих по себе, сколько их во взаимосвязи с нормами. Этот же сюжет проявляется в смене символической оси, вокруг которой выстраивается семья: вместо привычной для патрилинейных систем родства линии «отец-сын» утверждается горизонтальная линия, основанная на супружеской паре и коллатеральных родственниках того же поколения, что и эго. Ю. Ян подчеркивает, что молодые люди, желая утвердить свою самостоятельность, после брака отселяются от родителей и ориентированы на то, чтобы большую часть «guanxi» составляли родственники, друзья и знакомые поколения эго, а не старшие члены семьи. Таким образом, опять практически реализуемое родство отчасти спорит с существующей идеологией родства. Наконец, обращая внимания на эмоциональную составляющую родства и частично опираясь на предложенное П. Бурдые разделение между «официальным» родством и «практическим родством», Ю. Ян выделяют две формы взаимодействия – «wanglai» и «zoudong». Первая предполагает взаимодействия с теми, с кем предписывают родственные нормы, а вторая – общение с тем, с

² Одна из арабских пословиц, на которую ссылается К. Калхун при исследовании национализма, очень хорошо иллюстрирует это нормативное представление о родстве: «Я против своих братьев, я и мои братья против моих двоюродных братьев и я, мои братья и мои двоюродные братья против остального мира» (Калхун 2006: 92).

кем хочет сам человек. «С одной стороны, мораль и принцип родства требует сохранения определенного типа формальных отношений для выполнения институализированных и предписанных норм взаимодействия с родственниками. С другой стороны, можно также найти пространство для развития эмоциональных уз с некоторыми людьми с точки зрения более близких неформальных и неритуализированных отношений в повседневной жизни, которые часто и являются примером практического родства» (Yan 2001: 236).

Таким образом, Ю. Ян показывает, что эгоцентрированная сеть «guanxi» существует как на уровне социокультурных паттернов, отражающих «идеальные» представления о том, какое должно быть родство, так и на уровне паттернов реального поведения, где последние полностью зависят от практик и действий конкретных индивидов.

Еще одно исследование, которое также акцентирует внимание на повседневном родстве и соотношении его со сферой нормативных представлений, – это работа историка С. Тойшера, который при помощи изучения частной переписки, биографий и судебных протоколов описал социальные связи в Берне на рубеже 15-16 веков (Тойшер 2004: 200-242).

Во-первых, С. Тойшер указывает на то, что члены семьи в Берне в исследуемый период обозначались термином «Frund», который использовалось для всего многообразия родственников без четкого различия ранга родни. Автор отмечает, что многие из терминов родства, которые дошли до наших дней, раньше имели более свободные границы, то есть применялись к большому числу очень разных с точки зрения генеалогической близости родственников. Это идея представляется интересной, потому что категория «родственники» или «родня» в русском языке также лишена какого-либо внутреннего деления за исключением подкатегорий «близкие родственники» и «дальние родственники», которые являются описательными и ситуативными.

Во-вторых, С. Тойшер при определении родственников затрагивает тему «взаимной лояльности и солидарности среди родных» (Тойшер 2004: 209). Однако в отличие от другого историка семьи Л. Стоуна, который просто обозначил взаимность обязательств как одну из определяющих черт родственников (Stone 1979: 28-29), С. Тойшер указывает на различия между нормативными представлениями родственников и их реальными действиями в отношении друг друга. «Взаимопомощь была чем-то само собой разумеющимся только в отдельных особых случаях, а нормальное положение дел было очевидно таково, что «родственники» все время заново устанавливали путем переговоров свои взаимные обязательства и услуги, приспособливая их к своим индивидуальным и ситуативным потребностям и порой не проявляя при этом большой готовности идти навстречу» (Тойшер

2004: 231, курсив мой). Таким образом, С. Тойшер акцентирует внимание на том, что, исследуя родственные отношения, важно уделять внимание не только предписанным правилам, но и тому, как эти правила трактуются, соблюдаются или нарушаются в ходе повседневных взаимодействий.

В-третьих, разделение между нормативными представлениями и реальным поведением приводит С. Тойшер к мысли о том, что «родственная солидарность не обладает сама по себе никаким автоматизмом» (Тойшер 2004: 221), то есть наличие родственников предполагает возможность к ним обратиться, но не гарантирует помощь или поддержку. С. Тойшер на примере нескольких родственных связей одного из жителей Берна (Тойшер 2004: 221-231) показывает, насколько разнообразны могут быть паттерны отношений между родственниками, и что в каждом конкретном случае конечный результат зависит не только от изначально заданного ранга родства, но и от действий родственников и постоянного процесса переопределения взаимных обязательств и представлений. По мнению С. Тойшера, именно этот процесс переговоров по поводу отношений и создает «практическую родню» (термин С. Тойшер заимствует у П. Бурдые) – круг родственников, которые связаны не столько набором абстрактных взаимных предписаний, сколько историей реальных отношений друг с другом. Если посмотреть на это утверждение с другой стороны, то получается, что история реальных отношений между родственниками – это то, что формирует паттерны родственных отношений в большей степени, нежели нормативные представления: родственные отношения возникают как следствие контактов, обменов, общения, а не как результат предписания по поводу того, с кем и какие родственные отношения должны быть.

Как мы показали, во многих исследованиях родственных практик достаточно сложно не сопоставлять их тем или иным образом с нормативными представлениями по поводу этих практик. Однако при исследовании родства, кроме практического и нормативного уровня, мы можем также анализировать культурный уровень. Пример такого анализа представляет С. Янагисако, анализируя родственные отношения среди американцев японского происхождения, проживающих в Сиэтле. Основным теоретическим принципом автора становится разделение социальной и культурной систем, что возвращает нас к работе Д. Шнайдера, с которой мы начинали этот параграф, и в которой присутствует такое же разделение. Под социальной системой С. Янагисако подразумевает «структурирование реальных социальных взаимодействий между родственниками, включая ролевые отношения и институционально организованные структуры», в то время, культурная система родства – это «система символов и значений, включенная в нормативную систему» (Yanagisako 1975: 198-199). Однако, если Д. Шнайдеру это размежевание было нужно, чтобы объяснить возможность исследования только

культурной системы родства, то С. Янагисако ставит перед собой задачу изучить, как две системы влияют друг на друга.

Главное темой, к которой обращается С. Янагисако, становится ключевая для японской культуры роль наследника. Автор показывает, что в рамках традиционной японской культуры последний рассматривался как соединяющий в себе несколько ролей: главы семейного домохозяйства, руководителя семейного бизнеса, наследника собственности, человека, отвечающего за заботу о пожилых родителях и поклонение предкам. Можно обратить внимание на два важных момента. Во-первых, чаще всего наследником становился старший сын; при его смерти / болезни / отказе – младший или кто-то из мужских родственников по браку. Во-вторых, принцип наследования предполагал, что все достается одному сыну, который оставался в родительском доме, чтобы управлять хозяйством и заботиться о родителях, в то время, как младшие сыновья после свадьбы съезжали из родительского дома и организовывали свои собственные хозяйства.

С переездом первого поколения японцев в США идея одного наследника, соединяющего в себе несколько функций, продолжала работать, опираясь, прежде всего, на преобладающий тип хозяйства – семейный бизнес, который скреплял всю эту структуру. Однако середина 20 века характеризуется рядом социально-экономических преобразований, которые изменили тип занятости в исследуемом сообществе: если перед Второй мировой войной около 77% американских японцев были заняты в собственном семейном бизнесе, то к 70-м годам большинство из второго поколения были заняты на оплачиваемой работе вне семьи и только 29% включены в семейный бизнес (Yanagisako 1975: 202). Автор указывает на то, почему эти экономические изменения оказали влияния на устоявшуюся модель социальных отношений (Yanagisako 1975: 206). Во-первых, само понятие «семейного бизнеса» для многих семей американских японцев перестает существовать, если большая часть семьи устроена на разных, не связанных друг с другом работах. В результате наследнику в принципе оказывается нечего наследовать. Во-вторых, дети становятся в равной степени независимы от родителей, семейного бизнеса и друг от друга, что снижает значение традиционной иерархии «старший – младший» или «наследник – не-наследник». Следствием этого, становится постепенная дифференциация роли наследника – процесс, которому С. Янагисако уделяет наибольшее внимание, потому что он иллюстрирует, что происходит с культурной системой, когда социальная система начинает меняться.

Автор подробно рассматривает компоненты, составляющих функции роли наследника, и показывает, как они изменяются. Главная идея заключается в том, что сами компоненты

остаются прежними, а изменяются механизмы их реализации и субъекты за них отвечающие. Прежде всего, это проявляется в том, что все функции, которые раньше выполнял один человек распределяются равномерно среди сиблингов, но с учетом традиционных культурных представлений. Например, финансовая помощь родителям ожидается в первую очередь со стороны сыновей, но не со стороны дочерей, в то время, как совместное проживание с пожилыми родителями и уход за ними наоборот возлагается на дочерей и практически никогда на сыновей или даже на жен сыновей. Функция финансовой помощи родителям запускает паттерны совместного участия: братья либо поддерживают родителей равными взносами, либо разными – в соответствии с уровнем дохода. Такой же паттерн взаимодействия только уже между сестрами обеспечивает регулярную заботу и помощь родителям, когда не требуется совместного проживания с ними. С. Янагисако интересно описывает, что такой механизм иногда оборачивается тем, что родители живут по очереди в домах всех своих дочерей. Это, однако, представляет неудобным, и обычно одна из дочерей все-таки рассматривается как несущая основной груз заботы, что иногда приводит к конфликтам среди сиблингов (Yanagisako 1975: 211). В целом С. Янагисако поясняет, что такое разделение функций становится возможным за счет «использования традиционных гендерных конструктов, чтобы создать новые нормативные правила» (Yanagisako 1975: 214). Традиционные функции перераспределяются среди сиблингов таким образом, что мужчины отвечают за «внешнее» – возглавляют семью, представляя ее интересы, оказывают финансовую поддержку родителям и являются официальными наследниками, в то время, как женщины – за «внутреннее»: заботу, помощь и, если необходимо, совместное проживание с родителями. Таким образом, разделение функций наследника показывает, как при изменяющемся поведении (социальной системе) сами функции, выражающие значимые символы японской культуры, остаются неизменными (культурная система).

Однако такое соотношение социальной и культурной систем не является единственно возможным среди американских японцев. Автор показывает на примере с разделением категорий «официального наследства» и «личного наследства», что изменение практик может приводить к изменению культурной системы. Понятие «официальное наследство» подразумевает семейный бизнес, который достается наследнику. Это наследство не является личным, потому что, во-первых, оно предназначено не столько конкретному человеку, сколько роли – «наследнику», а во-вторых, должно использоваться последним для помощи и поддержки все семьи, а не в личных целях. Однако так как семейный бизнес перестает быть доминирующей формой трудоустройства американских японцев к 70-м годам 20 века, то категория «официального наследства» постепенно заменяется категорией «личного

наследства», предполагающей получение конкретным членом семьи каких-то вещей в личное пользование после смерти родителей. На первый взгляд кажется, что «личное наследство» также, как и ранее рассмотренные компоненты роли наследника, может вписаться в традиционную японскую систему ценностей. Однако этого не происходит, потому что этот компонент является новым и, в определенной степени, вырастает уже из американской системы ценностей, которая в отличие от японской, построенной на принципе старшинства, оперирует принципом равенства (Yanagisako 1975: 216). Автор указывает на то, что, если в отношении «официального наследства» всегда есть общее понимание того, что оно должно достаться тому, кто готов управлять семейным бизнесом и заботиться о всех остальных членах семьи, то по отношению к распределению «личного наследства» возникает много споров. Часть информантов высказываются в пользу равного деления такого наследства среди сиблингов, другая часть предлагает неравное распределение с акцентом на тех сиблингах, которые или заботились о родителях, или больше финансово нуждаются. При этом само понятие «личного наследства» лежит за границами традиционной ценностной системы японцев, потому что представляет собой просто вещи, в то время как «официальное наследство» – это символ единства семьи и поколений. На этой основе часто возникает конфликт между старшим поколением, придерживающимся традиционных японских ценностей и желающим передать наследство в одни руки, и младшим поколением, которое ориентировано на равное деление наследства и рассматривает его скорее с материальной, нежели с символической точки зрения. Таким образом, паттерны поведения, основанные на иных культурных ценностях, в данном случае постепенно изменяют свою систему ценностей.

Подводя итог, можно выделить два процесса соотношения социальной и культурной системы: с одной стороны, изменения в социальной системе могут встраиваться в культурную систему на новых основаниях, не меняя последнюю. С другой стороны, социальные изменения, полностью привходящие извне, не всегда могут встроиться в существующую культурную систему, и, как следствие, меняют ее.

В рамках параграфа «Современная методология исследования родства в социологии и социальной антропологии» мы остановились на ключевых моментах, которые отличают современный характер анализа родства в социальных науках. С одной стороны, можно говорить о разнообразии тем, подходов, уровней и объектов анализа. С другой стороны, это многообразие хорошо вписывается в рамку, заданную соединением социально-конструктивистской и символической перспектив, которые предлагают «освободить» родство от обязательного биологического фундамента и рассматривать социокультурные паттерны родственных отношений как создающиеся и изменяемые. При таком подходе логичным

выглядит обращение авторов к категориям «процесс» и «практики». Первая позволяет проанализировать динамическую природу и гибкий характер как родственной сети, в целом так и отдельных форм родственных отношений. Идея рассматривать родство как процесс создает «текучий», постоянно изменяемый образ родственных отношений, где каждая отдельная ситуация – конфликт, помощь или отказ в таковой – может быть понята только с учетом того, что у каждого отношения есть прошлое, которое влияет на характер отношений в настоящем. Категория «практик» дает возможность переориентировать внимание с изучения норм и правил на конкретные, повседневные действия, через которые родственники создают родство. При этом практики всегда неразрывно связаны с нормами таким образом, что, либо насыщают и подтверждают их, либо спорят с ними и перекрывают их. В рамках рассматриваемых нами подходов вторая перспектива оказывается более востребованной: нормы выступают статичным и ригидным фоном, на котором разворачивается логика практик. В целом в рамках символического и социально-конструктивистского подхода к исследованию родства главным становится идея «создания родства», которая подразумевает, что не факт рождения, а действия людей по отношению друг к другу на протяжении жизни создают социокультурные паттерны родственных отношений.

1.2 Исследование родства через групповые и сетевые категории

Дж. Сена-Ривьера в 70-х годах 20 века, анализируя исследования родственных отношений в США, выделял две соперничающие перспективы – идею изолированной нуклеарной семьи³ и идею модифицированной расширенной семьи (Sena-Rivera 1979). Про прошествии полувека мы можем говорить, что споры о наиболее адекватных моделях описания родственных отношений продолжаются, однако принимают иные формы. С одной стороны, существуют подходы, в рамках которых родственные отношения изучаются через групповые категории такие, как семья, домохозяйство, семейная группа. С другой стороны, можно выделить подходы, в рамках которых исследователи, изучая родственные отношения, стремятся выйти за пределы групп с точно определенными границами и оперируют такими понятиями, как киндред, сеть, конфигурация. В рамках данного параграфа мы проследим возможности использования разных паттернов концептуализации родственных отношений, а также

³ Сильный импульс к исследованию нуклеарной семьи и процессов нуклеаризации в современном обществе возник в середине 20 века после публикации статьи Т. Парсонса, в которой он исследовал американское родство и пришел к выводу, что одной из его черт является структурная изоляция супружеской пары и семьи, основанной на ней, от остального круга родственников (Parsons 1943). Именно оспаривание этой идеи, как отмечает Б. Адамс, привело к разнообразным исследованиям родства в рамках городских пространств индустриализированных обществ (Adams 1970: 575).

обозначим, почему сетевые категории представляются более отвечающими цели и задачам нашего исследования, нежели групповые категории.

Одна из базовых категорий исследования родственных отношениях – это «семья». Семья, в отличие от родства, всегда являлась одним из классических предметов социологии. Именно поэтому, в социальных науках сложилось достаточно устойчивое разделение на социологию, в которой родственные отношения чаще всего концептуализируются с помощью понятия «семья», и социальную антропологию, в которой для анализа той же сферы используется понятие «родство».

На первый взгляд эти понятия выглядят плохо сравнимыми, так как являются разными по своей сути: если семья – это группа, то родство – это принцип, в соответствии с которым определенные группы возникают. Однако традиция использования «семьи» и «родства» как основных категорий в социологии и социальной антропологии соответственно приводит к тому, что эти понятия начинают восприниматься, если не как оппозиция, то как определяемые в противовес друг другу. В различие содержания этих понятий можно выделить два ключевых момента. Во-первых, для социальных наук конца XIX — первой половины XX в. было характерно, что социологи использовали понятия «семья» для анализа родственных отношений в «своем» обществе, в то время как социальные антропологи были ориентированы на понятие «родства», с помощью которого исследовали «других», то есть культурно и географически удаленные от исследователя общества (Firth 1956: 11-13, Edwards 2000: 25-26, Franklin, McKinnon 2001: 8, Segalen 2001: 246, 253, Stone 2002: 1, Bauer 2010: 45-47, Эриксен 2014: 139, 157). Таким образом, понятия «семья» и «родство» оказались достаточно сильно разделены и содержательно связаны не только с разными формами родственных отношений, но и с разными дискурсами по поводу того, что такое родственные отношения. Так, например, привычный для антропологии родства язык включал и включает такие понятия, как «системы родства», «счет родства», «патрилинейность / матрилинейность», «линидж», «клан», «авункулат», «генерационный скос» и т.д.⁴ Социологическое описание семьи обычно предполагает такие категории, как «нуклеарная семья», «кризис семьи», «брачность», «рождаемость», «репродуктивное поведение», «межпоколенные отношения» и т.д. Несмотря на то, что с середины 20 века начинается постепенное расширение объекта исследования социальной антропологии через включения «западных»⁵ обществ в сферу научного интереса, регулярное

⁴ На проблему использования такого классического языка для анализа родственных отношений обращает внимание Д. Шнайдер (Schneider 1984).

⁵ В целом сами категории «западные / незападные общества» и «западные незападные исследования» являются неоднозначными и порождают вопросы о границах тех областей, которые они описывают. Однако это противопоставление является значимым для понимания характера тех изменений, который происходят в

воспроизведение в исследованиях этой границы между «семьей» и «родством» привело к тому, что за «родством» закрепился определенный смысл, который предполагал, что это то, что есть у «других», но чего нет у нас самих – в «западных» обществах, к которым принадлежали исследователи (Carsten 2004: 15). Таким образом, изучение родственных отношений в пространстве большого города в обществе, которое культурно и географически близко исследователю, предполагает соединение социально-антропологической и социологической перспектив. Такой синтез подразумевает, что понятие «родство», традиционно использовавшееся для изучения родственных отношений в обществах, культурно и географически удаленных от исследователя, начинает использоваться для анализа родственных отношений в тех обществах, откуда родом исследователь. Именно на основе соединения двух перспектив возникает пространство современных исследований родства.

Во-вторых, разные дисциплинарные дискурсы по поводу родственных отношений влияют еще на один момент, связанный с различием и частичным противопоставлением категорий «семья» и «родство». Модальный, то есть самый статистически распространенный тип семьи в современном обществе, – это нуклеарная семья (Антонов, 1999). Следовательно, использование категории «семьи» без дополнительных уточнений чаще всего подразумевает «нуклеарную семью», то есть очевидную и четко очерченную группу людей. Понятие же «родство» отсылает к категории «родственники», то есть к широкой гетерогенной и не имеющей четких границ сети родственных отношений⁶. Таким образом, понятие «семья» оказывается связано с достаточно четко определенным набором, во-первых, отношений (супружеские, межпоколенные, сиблинговые) а, во-вторых, вопросов, которые исследуются на примере этих отношений (уменьшение числа браков, увеличение числа разводов, гендерные роли в семье, уменьшение числа детей и т.д.). Понятие «родство» отсылает к менее ясным и менее артикулируемым формам родственных отношений, которые, кроме того, могут протекать и быть исследованными за границами нуклеарной семьи.

Подытоживая, родственные отношения могут формировать родственные группы, например, семью, родню или кланы, однако сами отношения не являются группой. Именно поэтому, когда в фокусе исследований лежит изучение отношений и механизмов, формирующих эти отношения, а не изучение родственных групп, как таковых, категория «родства» выглядит более подходящей. Дж. Мердок хорошо обозначает это различие на примере, с одной стороны, семьи, сибя, клана или общины – групп, создающих общность, и, с

современных исследованиях родства, поэтому в рамках данной работы, когда это необходимо, мы будем использовать эти категории, заключая их в кавычки.

⁶ Такое разделение очень точно выражает устойчивое словосочетание «семья и родство» (“family and kinship”) (Harris 1970: 2)

другой стороны, системы родства, которая не является социальной группой, а «представляет собой структурированную систему отношений, в рамках которой индивиды связаны между собой сложными переплетающимися и ветвящимися связями» (Мердок, 2003: 119).

Категория, которая часто возникает в социологических исследованиях вместе с семьей – это «домохозяйство». Исторически понятия «семья» и «домохозяйство» часто рассматривались как неразделяемые, что видно на примере исследований, выполненных на материале Англии, Италии, России, Франции (Laslett 1972: 28, Stone 1979: 28, Абрамсон 1996: 103, Ле Руа Ладюри 2001: 37-38, Найденова 1996: 303). Тенденция не всегда разграничивать эти понятия отчасти сохраняется, что находит отражение в научных дискуссиях (см., например, Gordon 1970, Ball 1972, Hareven 1974). В целом важно отличать общность, образующуюся за счет общего места проживания / хозяйства / бюджета, от общности, основанной на кровной и супружеской связи. Соединение семьи и домохозяйства в одно понятие можно объяснить тем, что категория домохозяйства превращает «семью» в четко измеряемую единицу анализа, структуру, границы и численность которой можно достаточно точно вычислить. Т. Зоколл, О. Кошалева и Ю. Шлюмбом, что категория «домохозяйства» хорошо работает при изучении структурных черт, однако не всегда актуальна, если мы изучаем паттерны взаимодействия отдельных индивидов внутри домохозяйства или поверх его границ (Зоколл, Кошалева, Шлюмбом 2004: 25-26). Общность проживания берется как исходная переменная, однако не ставится вопрос, в результате каких отношений сложилась та или иная конфигурация этой общности. Таким образом, понятие «домохозяйства» не всегда позволяет проблематизировать сущность и характер тех отношений, которые в нем складываются и его формируют.

Проблема подмены категории «семьи» «домохозяйством» становится ощутимой, когда мы говорим о нуклеаризации как процессе обособления нуклеарной семьи. Это процесс предполагает «дробление больших семей» (Янкова 1979: 32) и приводит, по мнению исследователей, к уменьшению значения родственников в жизни нуклеарной семьи. Однако, на наш взгляд, термин «нуклеаризация» может включать несколько не всегда тождественных процессов. С одной стороны, мы можем говорить об обособлении жилища, хозяйства и бюджета, то есть подразумевать, что происходит территориальное разделение семьи, и одна нуклеарная семья начинает представлять одно домохозяйство. С другой стороны, мы можем говорить о том, что происходит «обособление нуклеарной семьи от широкого круга родственников» (Ружже, Елисеева, Кадибур 1983: 46). В первом случае, мы говорим об изменении размера и структуры домохозяйства, в то время как вопрос о том, что происходит с отношениями остается открытым. Предполагается, что отдельное проживание и ведение хозяйства уменьшает число контактов между родственниками, однако не совсем правомерно

сравнивать число контактов в случае совместного и раздельного проживания с учетом явно изменяющегося характера общения. В этой же логике рассуждает Р. Зидер, отмечая, что «от четко выраженной тенденции жить «малой семьей» следует отличать вопрос о характере взаимных посещений и оказания помощи» (Зидер 1997: 256). Для описания последних некоторые исследователи используют понятие модифицированной расширенной семьи⁷ (modified extended family). Р. Зидер отмечает, что это понятие относится к области социального взаимодействия, в то время как понятия «малая семья», «семья из трех поколений», «нуклеарная семья» используются для описания структуры домохозяйств. Таким образом, мы можем говорить об изменении структуры домохозяйства или об изменении структуры отношений. Именно изменения мотивов, паттернов, структуры общения и отношений представляют интерес в рамках данного исследования. Акцентируя внимание именно на изменении, а не на уменьшении значимости родственных отношений, мы подразумеваем более сложный характер изменений, нежели простое сокращение контактов. Обособление жилища и обособление контактов часто оказываются связаны между собой, однако факт обособленного проживания нуклеарной семьи не позволяет однозначно судить о значимости или незначимости контактов с другими родственниками для членов этой нуклеарной семьи. Хорошим примером могут служить результаты исследования З.А. Янковой, проведенного в Москве. Так, по мнению автора, с одной стороны, можно зафиксировать переход от регулярного общения к периодическому, обусловленному каким-то поводом – помощью, совместным времяпрепровождением вне дома, семейным праздником. С другой стороны, сокращение частоты общения не только не влияет на его качество, а, скорее, наоборот укрепляет отношения: редкость и событийность контактов помогает сделать их более значимыми для родственников. Исходя из этого понятным выглядит «желание большинства респондентов жить достаточно близко с родственниками, чтобы поддерживать с ними постоянный контакт, но достаточно далеко, чтобы не находиться всегда под их непосредственным наблюдением и контролем» (Янкова 1970: 3). К аналогичным выводам приходят и другие исследователи (см., например, Young, Willmott 1992: 35, Карцева, Васильев 2009: 74, Leutloff-Grandits 2012: 71).

Различие между нуклеаризацией как процессом изменения домохозяйств и нуклеаризацией как процессом изменения отношений фиксирует такое понятие, как «семейная группа». Термин был предложен А.Г. Харчевым и более подробно разработан В.Л. Ружже, И.И. Елисеевой и Т.С. Кадибур в ряде публикаций (Ружже, Елисеева, Кадибур, 1976, 1983). Под семейной группой понимается «группа семей (две или более), находящихся в прямом родстве или свойстве (родственники одного из супругов), проживающие раздельно или совместно,

⁷ Характеристики такого типа семейного объединения хорошо обозначает Ю. Литвак (Litwak 1959)

связанных общностью материальных интересов, морально-психологических и эмоциональных отношений, заинтересованностью во взаимной помощи, информации и общении» (Ружже, Елисеева, Кадибур 1983: 19). Важным отличием семьи от семейной группы является отдельный бюджет и – не всегда, но часто – отдельное жилище и хозяйство. Таким образом, семейная группа – это союз семей, каждая из которых представляет отдельное домохозяйство, но ориентирована на поддержание родственных отношений с семьями, в которых присутствуют прямые родственники или свойственники. Самой распространенной формой семейной группы выступает объединение, включающее нуклеарную семью и семью родителей одного из супругов, проживающую отдельно, то есть сеть родственников – детей, родителей и бабушек/дедушек, которые не проживают все вместе, но поддерживают регулярные отношения друг с другом. Авторы отмечают, что именно процесс нуклеаризации «запускает» образование семейных групп, так как «разделяясь, семьи сохраняют потребность во взаимном общении» (Ружже, Елисеева, Кадибур 1983: 11). Более того, «качественное своеобразие семейной группы состоит в более свободном по сравнению со сложной семьей характере отношений между поколениями... Это выражается в освобождении от вынужденных контактов, порождаемых общим ведением хозяйства и общим бюджетом, и индивидуализации образа жизни каждой семьи. Следствием этого является усиление стимулов межсемейного общения, базирующихся на интересах воспитания потомства, взаимопомощи, наследования» (Ружже, Елисеева, Кадибур 1983: 18). Таким образом, концепт семейной группы, учитывает нуклеаризацию хозяйства, но при этом не отрицает роль родственных отношений для членов нуклеарной семьи и позволяет исследовать характер трансформации этих отношений.

В целом категории «семейной группы» и «модифицированной расширенной семьи» в отличие от «нуклеарной семьи» позволяют более четко разграничить форму проживания и форму взаимодействия, а следовательно, проанализировать роль родственников за границами нуклеарной семьи и домохозяйства в жизни этой семьи. Однако все эти категории в большей степени ориентированы на то, чтобы, во-первых, фиксировать структуру, границы и позиции, а не изменения и динамику отдельных отношений, а, во-вторых, анализировать отношения родства как отношения групп и создавать статичную и негибкую модель родства.

На эту проблему обращает внимание Д. Сэбиан, когда поднимает вопрос о том, что мы должны и можем исследовать, когда приступаем к изучению родства. Он предполагает, что есть науки, которые специализируются на исследовании людей и групп, и рассматривающие их как источник социальных преобразований, а есть науки, которые ориентированы на исследование отношений между людьми, и индивид в рамках таких наук рассматривается как результат тех отношений, в которые он включен. Применяя эту логику для исследования родства, Д. Сэбиан

заключает: «изучая родственные отношения, нам приходится заниматься не формальным анализом группы, а исследованием стратегий и обменов», то есть тех отношений, которые возникают между людьми как членами родственных групп (Сэбиан 2004: 247-248).

Семья представляет собой наиболее очевидную, однако не единственную устойчивую форму, в которую укладываются родственные отношения. Более подвижная и эгоцентрированная модель исследования родства становится возможной, если мы используем понятия «киндред» и «сеть». Среди основных отличий киндреда или родни от семьи можно выделить следующие (Freeman 1961, Мердок 2003: 84-92, Куропятник 2005: 89-95). Во-первых, родня – это эгоцентрированное объединение родственников, которое составляют те, кого эго считает своими родственниками, а не потомки одного предка. Во-вторых, родня уникальна по своему составу практически для всех индивидов за исключением полных сиблингов до их вступления в брак. В-третьих, родня не формирует организованную группу или дискретную единицу, то есть общество не может быть поделено на взаимоисключающие группы, которые будут родней, и человек одновременно может принадлежать к киндреду нескольких людей (например, для одного он будет дядей, для другого – братом, для третьего – внуком и т.д.). Также в этом смысле показательно наблюдение Д. Шнайдера и Дж. Хоманса по поводу терминов родства в американской культуре (Schneider, Homans 1955). Они отмечают, что нуклеарная семья является намного сильнее осознаваемой и выражаемой группой, нежели киндред. Терминологически это проявляется в большом разнообразии терминов и их значений для членов нуклеарной семьи и достаточно ограниченном характере терминов и их разнообразном характере для тех родственников, кто находится за границами нуклеарной семьи. Таким образом, граница между родственниками, входящими в нуклеарную семью, и теми, кто входит только в киндред, очевидна по различию плотности и терминологической насыщенности. Главным «недостатком» понятия «киндред» является его узкая специализация: оно применяется в основном этнографами и социальными антропологами в рамках структурных исследований билатеральных систем родства и редко появляется в иных, более широких контекстах. Однако для нашего обсуждения важно, что в основе киндреда лежит скорее идея сети, в которой разные пересекающиеся части актуализируются и действуют как единое целое, когда это необходимо, нежели идея группы, которая обладает постоянством состава и дискретностью (Pherson 1957: 41). Таким образом, именно понятие «киндреда» позволяет при исследовании родственных отношений сместить акцент с групповых категорий на сетевые категории концептуализации родственных отношений.

Важно отметить, что в отличие от всех понятий, рассмотренных в этом параграфе ранее, категория «сети» не является категорией родства, но она *может* применяться для анализа

родственных отношений. Например, Э. Ботт, исследуя супружеские роли и факторы, которые влияют на эти роли среди 20 семей Великобритании, делает важное с теоретической точки зрения различие между понятиями «сети» и «организованной группы», предлагая использовать первое понятие для описания родственников, которые окружают нуклеарную семью⁸ (Bott 1964: 58). Организованная группа, по мнению Э. Ботт, представляет собой объединение с четкими границами, все участники которого действуют как целое и связаны отношениями друг с другом. В противовес организованной группе сеть не представляет собой социальное целое с однозначными границами: сеть дает возможность для различных конфигураций, – объединения некоторых участников сети в определенной ситуации – но не предполагает обязательного объединения всех. Кроме того, важной отличительной чертой сети, по мнению Э. Ботт, становится то, что не все ее члены обязательно знакомы и общаются друг с другом. Например, родственники со стороны жены и родственники со стороны мужа могут активно общаться с супругами, но не иметь отношений между собой. В таком случае их сложно рассматривать как группу, то есть предполагать, что они составляют единое целое с точки зрения целей и действие. «Конфигурация» становится важным понятием в рамках концептуализации родственных отношений через сетевые категории, отсылая, в том числе к понятию «фигурации» Н. Элиаса – пространству социальных отношений, которое возникает как следствие вкладов отдельных, но при этом взаимозависимых участников (Элиас 2000). Сторонники конфигуративного подхода при исследовании родственных отношений настаивают на том, что необходимо «пересечь границы нуклеарной семьи» и сделать акцент на ситуациях, когда «индивиды выбирают своих значимых других на основе различных критериев определения близости» – таких, например, как качество и длительность отношений, эмоциональная близость (Gouveia 2014: 25, 18). Таким образом, единицей анализа становится не семья как целостная ячейка, а разные конфигурации отношений, которые могут складываться как внутри нуклеарной семьи, так и выходить за ее границы, а в основе идеи конфигурации лежит возможность выбора того, кого поместить в категорию близких и значимых родственников. Хорошим примером того, что представляют собой конфигурации внутри родственной сети, служит одна из семей, исследованных Э. Ботт. Автор обращает внимание на семью Ньюболт с четко разделенными семейными ролями и сплоченной родственной сетью, отмечая, что «женские родственники миссис Ньюболт обеспечивают помощь и эмоциональную поддержку, которую жены в других исследуемых семьях ожидают получить от своих мужей» (Bott 1964: 69). Миссис Ньюболт имеет очень близкие отношения со

⁸ Схожим образом разграничивает понятия родственной сети и родственной группы Б. Адамс (Adams 1968: 7), а Р. Фирт акцентирует внимание на недостатках понятия «группа» при изучении родственных отношений (Firth 1956: 16-17).

своей матерью, которая проживает недалеко, и миссис Ньюболт, ее мать и сестра ее матери часто навещают бабушку миссис Ньюболт по материнской линии. «Внутри родственной сети, таким образом, получается ядро, включающее бабушку, ее дочерей и дочерей ее дочерей; отношения этих женщин достаточно интенсивны и характерны, чтобы оправдать применения к ним термина «организованная группа»» (Bott 1964: 69). Таким образом, в родственной сети некоторые ее члены оказываются в большей степени связаны друг с другом, чем другие, и образуют устойчивые конфигурации, функционирующие как организованные группы.

Кроме отрицания институциональных критериев определения общности, конфигуративный подход предлагает рассматривать отдельные отношения – например, сиблинговые или супружеские – как погруженные в родственную сеть, а следовательно, одновременно находящиеся под ее влиянием и влияющие на другие отношения в этой сети (Gouveia 2014: 36). В этом контексте проблема нуклеаризации семьи начинает выглядеть по-другому. Так, нуклеарная семья оказывается включена в социальную сеть, которую наряду с родственниками составляют друзья, соседи и коллеги. Эта социальная сеть выступает своеобразным буфером в отношениях нуклеарной семьи с окружающим миром. В рамках сети социально-значимых людей протекает большая часть человеческих взаимодействий таких, как общение, эмоциональная и материальная поддержка, помощь в выполнении дел и обязательств. Именно поэтому, по мнению Э. Ботт, не совсем верно говорить об изоляции нуклеарной семьи: «ни одна городская семья не сможет выжить без своей сети внешних отношений» (Bott 1964: 98). Однако наличие сети не обязательно предполагает прямое ее влияние на нуклеарную семью. Важной характеристикой сети является ее гетерогенность и то, что она не предстаёт и не действует как организованная группа. Нуклеарная семья оказывается встроенной в социальные сети отношений таким образом, что разные части сети (дальние родственники, друзья, коллеги, соседи) могут оказывать влияние на разные сферы жизни семьи, но при этом ни одна часть сети не способна контролировать все стороны семейной жизни. «В итоге, социальный контроль над семьей распределяется среди множества агентов, среди которых ни один из них не имеет постоянной и абсолютной власти, и семья может принимать решения и регулировать свои дела» (Bott 1964: 100). Для описания этой двойственности – с одной стороны, включенности нуклеарной семьи в социальную сеть отношений, а, с другой стороны, относительную независимость нуклеарной семьи – Э. Ботт предлагает термин «индивидуализация» (individuation), который в большей степени, чем понятие «изоляция», позволяет проанализировать роль социального окружения в жизни нуклеарной семьи. Использование понятия «индивидуализация» дает возможность объяснить большое разнообразие в семейных

правилах и практиках множественностью агентов влияния, не отрицая при этом роль родственных и других социальных сетей.

Таким образом, все многообразие паттернов, с помощью которых концептуализируются родственные отношения в социальных науках, можно поделить на два кластера: первый отсылает к идее организованной группы с точными границами и взаимодействием всех членов группы друг с другом, а второй – к идее сети, которая, не имеет четких границ и выстраивается в логике «групповости» (Брубейкер 2012: 30-31), предполагающей возможность разных участников временами объединяться, создавая различные конфигурации, но не действовать постоянно как единая группа. Вторая перспектива в большей степени отвечает логике социально-конструктивистского подхода, давая возможность представить родство как сложную и постоянно изменяющуюся сеть отношений, которую через паттерны повседневного родства создают и изменяют участники сети.

Выводы по первой главе

В первой главе мы рассмотрели основные методологические и концептуальные вопросы, касающиеся современных исследований родственных отношений в социальных науках. Мы обратили внимание, прежде всего, на смену исследовательской оптики, которая произошла в последней четверти 20 века и повлекла за собой развитие новых, лишь отчасти связанных с предыдущими исследований родства. Современные направления исследований вырастают как из изменений в самом мире – развитие технологий, появление новых форм семьи, так и из внутренних изменений в самой исследовательской области, связанных с проблематизацией универсальности биологических оснований родства. На этом фоне возникают новые темы, исследовательские поля и способы концептуализации родственных отношений. Символический анализ родства, а также понятия «процесса» и «практик» становятся той методологической рамкой, к которой прибегают многие исследователи для того, чтобы описать характер родства «свободного» от биологии: в таком случае родственные отношения рассматриваются не как данные от рождения, а как создаваемые в процессе взаимодействия и каждодневных рутинных практик. Логика данного исследования, однако, не столько предполагает уход от биологии, сколько возможность использовать процессуальное и практическое понимание родства для более внимательного анализа социальных механизмов родства в независимости от того, отрицается биологический уровень родства или нет. Категории «процесс» и «практики», перенесенные на поле исследований родства, позволяют обратить внимание на ряд важных моментов. Во-первых, это динамический аспект родства, то есть изменяемый характер родственных отношений на протяжении жизни. Во-вторых, это гибкость отношений родства,

которая проявляется в том, как эго выстраивает свою сеть значимых других, часто перекрывая биологические законы близости. В-третьих, это уровень практического родства, которое не так просто уловить, потому что оно проявляется в незаметных, рутинных, каждодневных действиях, без которых, однако, может существовать родство как норма, но не родство как практика. В-четвертых, это связь между нормативными представлениями и практическим родством, которая может быть представлена в очень разных вариациях. В целом категории «процесс» и «практики» представляются важным инструментом исследования родственных отношений.

К «процессу» и «практикам» как категориям, во многом являющимися определяющими для социально-конструктивистского анализа родства, можно добавить «сеть» и «отношения». Если первые две категории, скорее, относятся к тому, что с родством происходит, то две последние – к тому, чем родство является. «Отношения» – как диадная связь между двумя родственниками – становятся «кирпичиками», из которых возникает родственная сеть. В рамках данного исследования концептуализация родственных отношений через сетевые категории представляется актуальной, так как дает возможность при изучении родства сфокусировать внимание на отношениях как единице анализа и зафиксировать, во-первых, гибкий, меняющийся и процессуальный характер родственных отношений, во-вторых, многообразие ситуативных конфигураций, которые могут возникать на основе родственной сети, в-третьих, характер взаимоотношений между различными конфигурациями в сети. Таким образом, понятия «отношения», «сеть», «практики» и «процесс» составляют концептуальный аппарат, позволяющий проанализировать родственные отношения в рамках социально-конструктивистской перспективы, и дают возможность исследовать родственные отношения, как через биологические основания, актуализирующие паттерны придания значения кровному родству, так и через социальные основания, актуализирующие паттерны поддержания отношений через повседневные взаимодействия с родственниками.

Глава 2. Родство: основные подходы к определению понятия в социологии и социальной антропологии

Ключевой темой современных работ по родству становится вопрос о том, что представляет собой родство – перенесенное из привычного пространства исследований культурно и географически удаленных обществ в работы, анализирующие общества культурно и географически близкие исследователю. Не только определения, но и профиль современных исследований родства – темы, подходы, заявляемые проблемы – позволяют дать ответ на этот вопрос.

Родственные отношения представляют собой предмет настолько само собой разумеющийся, что часто оказываются в зоне трудно определяемого. Можно перечислить тех, кого эго считает своими родственниками или описать круг взаимных обязанностей, которые связывают родственников, однако определения формата «родство – это...» / «родственные отношения – это...», требующие формулировки общего принципа, лежащего в основе родственных отношений, часто могут поставить в тупик. Отсутствие четких определений понятия «родства» также характеризует и исследовательское пространство: отдельные практики и паттерны родства могут быть описаны достаточно подробно на разном материале, однако без уточнения по поводу того, что понимает под родством исследователь. Очень точно эту идею выражает Г.В. Дзибель, отмечая, что «коренная причина царящего в антропологии родства хаоса, сделавшего понимание этого феномена сугубо делом принадлежности конкретного исследователя к тому или иному интеллектуальному «братству» и фактически отбросившего систематичность его общенаучного описания на доморгановскую стадию, заключается в отсутствии у антропологов четкого представления о сущности родства, ... сопряженное с глубоким переживанием родства как общественной ценности, от верного определения которой зависит состоятельность антрополога как профессионального знатока истинного бытия человека» (Дзибель 2001: 69-70).

Несмотря на кажущееся многообразие современных направлений исследования родства, значимая часть из них в той или иной мере затрагивает фундаментальные для изучения родства вопросы социального и биологического. Начиная с самых ранних работ, родство рассматривалось как имеющее два основания – биологическую связанность и социальную связанность. В определенной степени история изучения родства и родственных отношений может быть представлена как история изменения представлений о соотношении, границах и содержании категорий биологического и социального родства. Среди основных вопросов, определяющих это направление исследования, можно выделить следующие. Является ли

биологическая связанность первичной по отношению к социальной, когда мы говорим о родстве? Каковы паттерны создания социального уровня родства? Правомерно ли строгое выделение «биологического» и «социального», и какие смыслы мы вкладываем в эти понятия? Является ли отношение между биологическим и социальным родством культурно-специфическими или универсальными?

Рассматривая «биологическое» / «социальное» как осевую тему в исследованиях родства, можно выделить два основных этапа развития представлений о родстве в рамках социологических и социально-антропологических исследований. Первый этап, включающий период с середины 19 века по середину 20 века, дал понимание родства как социального осознания биологических фактов. Второй этап, начинающийся со второй половины 20 века, представляет культурно-релятивистский подход к родству, подразумевающий, что родство – это культурная система, которая не обязательно основана на биологических фактах. Между этими этапами хорошо уместаются две работы Д. Шнайдера, которые на первый взгляд кажутся противоречащими друг другу, однако при внимательном изучении очень наглядно демонстрируют переход от первого этапа ко второму.

2.1 Родство как социальное осознание биологических фактов

Изначально «под родством подразумевались исключительно биологические отношения, вытекающие из факта полового размножения. Социальные или культурные компоненты родства заключались в знании факта существования всех или некоторых из этих отношений» (Schneider 1984: 53). Такое понимание родства лежит в основе классического определения родства как «социального осознания биологических фактов» (Schneider 1984: 95). В данном случае биологический и социальный компоненты взаимно ограничивали друг друга: с одной стороны, только те, кто был связан биологически, могли попасть в категорию родственников, с другой стороны, только та часть биологических родственников, которая осознавалась и культурно признавалась, оказывалась действительно родственниками. При этом биологическое родство рассматривалось как основа для социального родства, и, следовательно, как первичное по отношению к нему. В целом биологические и социальные основания родства были не равны друг другу: первые принадлежали к области реально существующего, в то время как вторые – к области воображаемого, зависящего от знаний и представлений. Это породило понятие «фиктивного родства» – любых форм связанности, которые признаются в культуре как родство, однако не имеют биологического основания (Schneider 1984: 99). Кроме того, биологические основания родства рассматривались как основной фактор отличающий родство от других форм связанности: биологическая связь в отличие от связи между коллегами, друзьями или соседями

рассматривалась как неоспоримая и неизменная, а следовательно, родство – как изначальная и более укоренённая форма связанности. Таким образом, при таком понимании родства биологический компонент обеспечивал связанность, а функция социального сводилась только к знанию и признанию части из биологически созданных отношений. Область социального родства представлялась полностью включенной в область биологического родства.

К концу 19 – началу 20 века ситуация начинает меняться, и это происходит, в первую очередь, за счет работ Э. Дюркейма, А. Ван Геннепа и У. Риверса (Schneider 1984: 99-108). Опираясь на анализ их работ, предложенный Д. Шнайдером, можно выделить несколько основных моментов. Во-первых, они утверждают важность социального в родстве наравне с биологическими, иллюстрируя это положение, например, тем, что только социальное признание факта рождения и совершение соответствующих обрядов придает смысл и значение биологическому рождению, в то время как биологическое рождение само по себе может быть не значимо. В таком случае области биологического и социального родства могут быть представлены как равноценные и частично пересекающиеся. Во-вторых, «родство» и «кровное родство» перестают рассматриваться как тождественные понятия. Авторы выделяют социальное родство как самостоятельную сферу, которая может не зависеть от биологического родства, то есть иметь не биологические основания связанности, а социальные, например, такие как общая территория или разделение пищи. Например, У. Риверс, разрабатывая социальное понимание родства, в определенной степени возвращается к идее «социального осознания», однако не основывает этот процесс на биологических фактах. Он предлагает определять родство через категорию «генеалогии», которая основывается на тех знаниях о родственниках, которые существуют в изучаемой культуре. Таким образом, он смещает акцент с исследования «реальных» биологических фактов в сторону изучения представлений, которые могут основываться на этих фактах, но могут их не учитывать. Если довести эту точку зрения до крайности, то биологическое (кровное) родство не только перестает быть главным, но и вообще становится вторичным. Э. Дюркейм закрепляет такое понимание родства утверждением, что родство – «или это социальные узы, или ничто» (цит. по Schneider 1984: 100). Правда, Д. Шнайдер справедливо замечает, что понимание родства исключительно как социальных отношений достаточно бесполезно, потому что не дает возможность выделить родство как специфическую систему связанности из любых других отношений, создающихся на основе социальной связности; в таком случае непонятно, чем родство отличается, например, от соседства или коллегиальности.⁹ Интересное развитие идеи дистанцирования родства от

⁹ Неспецифичность отношений родства, если они рассматриваются исключительно как социальные и без опоры на биологическую связанность, – эта тема, которую Д. Шнайдер затрагивал неоднократно в своих работах (Schneider

кровного родства предлагает А. Ван Геннеп. Не оспаривая связь между зачатием ребенка и установлением вследствие этого зачатия отношений родства между матерью и ребенком, он разделяет непосредственно факт зачатия и представления о том, как ребенок был зачат: «если родство выводится из акта зачатия, тогда мы должны понять местные теории зачатия, прежде чем мы сможем сказать, что то, что связывает мать и ребенка – это отношения родства» (цит. по Schneider 1984: 101). Эта идея о концепциях зачатия и рождения получила дальнейшее развитие в работе М. Салинза (Sahlins 2013: 76-86).

Таким образом, первая половина 20 века становится временем пристального интереса к социальным основаниям родства. Однако определения родства, основанные на этом интересе, строятся скорее через отрицание биологического, нежели через поиск специфической характеристики социального родства. Д. Шнайдер очень точно отмечает эту особенность как отсутствие «самодостаточного определения родства, свободного от отсылок к биологии» (Schneider 1984: 101).

2.2 «Не существует такой вещи, как родство»: концепция Дэвида Шнайдера

Анализируя работы, появившиеся в 60-70-х годах 20 века, Д. Шнайдер обращает внимание на смещение интереса в сторону биологического родства, а точнее того, что подразумевает эта категория. Так, он отмечает, что «биологическое родство» постепенно перестает пониматься как категория, относящаяся к реальным и неоспоримым фактам. Это происходит, прежде всего, потому что, изучая биологические основания родства, мы всегда имеем дело не столько с фактами, сколько с представлениями по поводу биологии, то есть со сложившимися паттернами описания и концептуализации родственных отношений. Причем эти паттерны имеют две формы: научное знание о биологических процессах, лежащих в основе родства и обыденные, специфические для каждой культуры, представления об этих биологических процессах. При этом важно отметить, что представления по поводу биологических процессов, лежащих в основе отношений родства, и сами биологические процессы естественно не равные. Представления не оспаривают биологические факты, а придают или не придают значение некоторым из них. Именно «биологические» факты, которым придано значение, по мнению Д. Шнайдера, являются тем, что изучается как родство в социальной антропологии.¹⁰ Процесс придания значения подразумевает, что из многообразия

1964: 180, Schneider 1965: 122, Schneider 1984: 108), и которая легла в основу отрицания им отношений родства как таковых – однозначно выделяемых, универсальных и имеющих четкие границы и содержание.

¹⁰ Для Д. Шнайдера понятия «биология», «биологические факты», «биологическая связанность» представляются проблематичными. Он исходит из того, что понятие «биологического» само по себе и его содержание, то есть, что считать биологическим, является результатом категоризации, то есть процесса социального и культурного. Следовательно, говоря о биологических основаниях родства, исследователи используют то понимание

фактов оказываются выбраны некоторые, которые становятся базовыми в рамках какой-то категории. Например, для «западных» представлений о родстве таким базовым фактом становится связь между сексуальным контактом, зачатием и появлением ребенка на свет, а также возникающая из этой связи биологическая или врожденная связанность. В этом смысле показательны примеры с восприятием родства и связанности в ситуации адопции и появления детей с помощью новых репродуктивных технологий. Процедура непридания значения может быть связана с тем, что тот или иной факт неизвестен. Работа Д. Шнайдера сама по себе является хорошим примером. Так, обсуждая содержание таких понятий как «генетически отец» / «социальный отец», Д. Шнайдер отмечает, что ни в одном обществе не существует способов, позволяющих однозначно определять, кто является генетическим отцом (Schneider 1984: 110). Д. Шнайдер в данном случае не ошибается, потому что способ, позволяющий установить отцовство, был открыт примерно в то самое время, когда Д. Шнайдер заканчивал или уже закончил работу над книгой. Таким образом, утверждая невозможность этой процедуры, Д. Шнайдер находился не столько в пространстве фактов, сколько в пространстве представлений об этих фактах, характерных для того времени.

Следовательно, такая концептуализация родственных отношений подразумевает, что биологические основания родства есть на самом деле представления о биологических основаниях, и в той же степени, что и социальные, являются конструируемыми и зависят от того социокультурного контекста, в котором создаются.

Именно неуниверсальность биологических оснований родства становится одной из центральных тем в работах Д. Шнайдера. Его научная биография, включающая переход от структурного функционализма в ранних работах к символическому подходу в более поздних и смещение интереса от исследования родства у этнической группы яп к изучению американских представлений о родстве, сама по себе достаточно ярко демонстрирует изменения, которые происходили как в социальной антропологии вообще, так и в антропологии родства в частности.

Кажущаяся противоречивость его работ также является результатом последовательного перехода от одной точки зрения к другой и наглядно показывает путь, который прошел исследователь, переосмысляя родство как антропологическую категорию. В работе 1968 года «American kinship: cultural account» Д. Шнайдер однозначно утверждает, что для американского общества биологическая связанность родственников является первоочередной по отношению к

«биологического», которое сложилось в их культуре, и которое может не совпадать с представлением о «биологическом/небиологическом» в других культурах. Кроме того, самих категорий «биологическое» / «небиологическое» может не существовать.

социальной и использует категорию «родство» как центральное понятие для своего анализа (Schneider 1980). В 1972 году выходит его статья по результатам лекции – «What is kinship all about», в которой автор, разбирая историю исследования родства в социальной антропологии, начиная с работ Л.Г. Моргана, приходит к бесконечно растиражированному утверждению о том, что родство – это понятие, которое существует в умах антропологов, но не в культурах, которые они изучают (Schneider 2007: 269-270). Примечательно также, что в этой работе понятие родство хоть и является основным, но используется исключительно в кавычках, чтобы подчеркнуть его изобретенный, придуманный исследователями характер. В этой же работе Д. Шнайдер выражает сожаление, что поторопился поместить в название своей предыдущей работы категорию «родство», потому что те принципы, которые он выявил относятся к американской культуре вообще, а не являются специфической чертой родственных отношений в этой культуре (Schneider 2007: 269, см. также: Schneider 1980: 118). В 1980 году выходит второе издание «American kinship: cultural account», включающее кроме оригинального текста, главу «12 лет спустя», в которой видно, насколько далеко за эти 12 лет автор ушел от первоначальных и ключевых положений в книге. Из важных замечаний можно отметить, что Д. Шнайдер критикует попытки перенесения схем, которые он разработал на примере американской культуры, на другие культуры, а также подчеркивает, что его критика в отношении понятия «родства», высказанная в публикации 1972 года, не нашла отклика и должной реакции среди академического сообщества (Schneider 1980: 119). Результатом этого становится его публикация 1984 года «A Critique of the Study of Kinship», в которой все идеи и наработки предыдущих лет выстраиваются в общую и связную концепцию, отрицающую родство как адекватную исследовательскую категорию (Schneider 1984). Таким образом, за 16 лет от исследования родства в американской культуре Д. Шнайдер доходит до утверждения о невозможности в принципе исследовать родство, так как делали это социальные антропологи.

Продемонстрировав изменения взглядов Д. Шнайдера хронологически, мы теперь нарушим эту хронологию и обратимся сначала более подробно к работе «A Critique of the Study of Kinship», чтобы показать, какое развитие в ней получает линия «биологического» / «социального» в родстве, а затем вернемся к работе «American kinship: cultural account», которая хоть и была отчасти раскритикована самим автором, представляет несомненную ценность в рамках данного исследования как пример антропологического изучения родства в городской среде общества культурно и географически близкого исследователю.

2.2.1 Проблема «общепринятых допущений» при антропологическом исследовании родства

Структура книги «A Critique of the Study of Kinship» примечательна сама по себе – сразу становится понятна вся сложность той цели, которую Д. Шнайдер ставит перед собой. Он посвящает две первые главы разбору того, что он называет «определение один» и «определение два», за которыми скрывается достаточно привычные, на первый взгляд, описания социальной организации этнической группы яп. Однако идея Д. Шнайдера заключается в том, чтобы в первом определении использовать классические для антропологии родства способы и термины описания социальной организации такие, как «патрилинидж», «расширенная патрилокальная семья», «экзогамный матрилинейный клан» и так далее (Schneider 1984: 11-19). Второе определение представляет собой более сложный текст: Д. Шнайдер пытается уйти от «языка родства», то есть от предзаданных формулировок и способов категоризации и, тем самым, нивелировать ошибки и недостатки первого определения. При этом Д. Шнайдер несколько раз подчеркивает, что второе описание ситуации не является более удачным, цельным или правильным: оно исключительно инструментально и выполняет четкую задачу – указать на недостатки первого. Таким образом, две первые главы книги вторят друг другу: в них описаны одни и те же вещи, однако акценты расставляются по-разному.

Что это дает Д. Шнайдеру? По сути, он пытается осуществить деконструкцию практик описания и исследования родства, которая приводит к последующему пересмотру содержания самого понятия «родство». Однако эта операция требует внимательного изучения существующего понимания родства, которое и предпринимает Д. Шнайдер.

В центре работы Д. Шнайдера стоит вопрос о том, что такое отношения родства, или, если сформулировать это по-другому, что делает какие-либо отношения – отношениям родства. Представления о родстве, о содержании и основаниях этого понятия во многом зависят от исследователя. По мнению Д. Шнайдера, родство как система отношений не существует сама по себе. Социальные отношения – существуют, однако то, какая часть из них называется родством – это операция, лежащая не столько в плоскости самих отношений, сколько в плоскости представлений и – более широко – в плоскости культуры. Таким образом, каждая культура сама создает основания, по которым определяется наличие или отсутствие отношений родства. С этой точки зрения, любые паттерны отношений, создающие общность, могут быть описаны как родственные отношения – если соответствуют критериям того, что считать родством или как неродственные отношения, если этим критериям не соответствуют. Это представляется достаточно очевидным в том случае, когда мы имеем дело с ясными критериями родства. Так, например, в «западной» культуре общность по крови признается как

основание для наличия отношений родства, а близость проживания – как основание для возникновения отношений соседства, которые не считаются родственными, так как объединяют людей не на основании общей крови. Однако можем ли мы утверждать, что те критерии разделения родства и не-родства, которые существуют в нашей культуре, универсальны? Д. Шнайдер видит основную проблему в том, что то, что считается родством в европейской и американской культуре берется за основание для анализа сферы родства в других культурах. В этом смысле показателен пример с определением и наполнением содержанием двух категорий, с помощью которых Д. Шнайдер описывает яппи – «*citamangen*» и «*fak*». Автор отмечает, что данные термины применяются к людям, связанным неравными взаимными обязательствами и отношениями, где за «*citamangen*» закрепляется «власть, превосходство и независимость», а за «*fak*» – «зависимость, послушание и уважительное отношение» (Schneider 1984: 17). В одном и том же обществе может наблюдаться большое разнообразие случаев, когда такие отношения возникают. Так, например, молодой человек, заботящийся о пожилым, взрослый, заботящийся о ребенке, человек, предоставляющий пищу тем, кто в ней нуждается, отношения того, кто владеет землей и того, кто ее наследует – это некоторые из тех примеров, которые могут быть описаны с помощью категорий «*citamangen*» и «*fak*». Если посмотреть на этот ряд с точки зрения европейских представлений о родстве, то некоторые из этих отношений могут быть описаны с помощью терминов родства, однако некоторые не попадут в эту категорию, так как связывают людей, не имеющих общей крови. Так, забота взрослого о ребенке, а молодого человека о пожилым описывается Д. Шнайдером как обязанности, связывающие родителей и детей или тех, кто выполняет эти роли в отношении друг друга. Пример с предоставлением пищи и наследованием земли относится к другой категории и не может быть однозначно описано как процесс, связывающий родственников, на что указывает Д. Шнайдер. «Землепользователь может передать землю тому, кто заработал право на нее, и тот, кто не может выполнить роль «*fak*», согласно установленным для этой роли стандартам, может потерять все права даже после многих лет работы... Если человек, который исполнял роль «*fak*», терпит неудачу в своих обязанностях, а (другой) человек... приходит и берет на себя эту роль, бывший «*fak*» теряет все права, и новый человек становится «*fak*» даже тогда, когда никаких отношений «родства» (между «*citamangen*» и «*fak*») не существовало и не существует. Аналогично в военное время служащие в колонии жили за счет земли, принадлежащей другим, становясь «*fak*» по отношению к землепользователям, своим «*citamangen*»» (Schneider 1984: 31-32). Таким образом, в данном случае отношения «*citamangen*» и «*fak*» связывали тех, кто *не* являлся родственниками, с точки зрения «западных» представлений о родстве. Следовательно, можно ли считать отношения «*citamangen*» и «*fak*» – родственными? С точки зрения

европейских представлений о родстве – нет, так как они выходят за границы родственных отношений. Если бы мы применяли нейтральную систему наименования, мы бы должны были обозначить эти отношения как отношения «заботящегося» и «получающего заботу», не привязывая их однозначно к области родственного, политического или экономического. Однако, наблюдаемые у тех, кого с точки зрения европейских и американских представлений о родстве считают родственниками, эти отношения получили перевод «отец» и «сын» соответственно. И были описаны как родственные отношения, которые *также* распространяются на некоторые другие формы отношений, которые могут быть описаны как фиктивное родство. Таким образом, перед нами логика переноса «западных» представлений о родстве на «незападные» общества¹¹.

Еще один пример, который может проиллюстрировать эту же идею, касается таких понятий, как «искусственное родство», «родство по кормлению», «братство по кораблю» – во всех этих терминах подчеркивается, что описываемые паттерны отношений похожи на родство по типу взаимодействия, но не являются ими в полной мере (Дридзо 1977, Бутинов 1981, Юссен 2000). В наблюдаемых обществах были зафиксированы нормы поведения, в соответствии с которыми люди, не являющиеся кровными родственниками, используют по отношению друг к другу термины родства и ведут себя как родственники. Однако такая форма взаимодействия, осмысляемая самими участниками как отношения родства, не была описана «западными» исследователями как родственные отношения в полном смысле этого слова, так как не вписывалась в существующее понятие родства, подразумевающее очень узкий круг возможностей быть родственником, но при этом не быть связанным по крови – брачные отношения и адопция. Именно такое понятие «родства» подвергает критике Д. Шнайдер, указывая на то, что другие паттерны установления отношений через договор, кроме существующих в «западных» обществах, могут рассматриваться как родственные в «незападных» обществах, а понятие «родства», сформулированное в рамках «западной» научной традиции и на основе «западного» опыта, является слишком узким и некорректным для описания всех обществ.

Эти примеры позволяют увидеть то, что Д. Шнайдер называл «общепринятыми допущениями или традиционным образом мысли при исследовании родства» (*received wisdom of the study of kinship*), который лежит в основе антропологических исследований родства и

¹¹ Придерживаясь противоположной Д. Шнайдеру позиции, тем не менее аналогичным образом рассуждает Э. Геллнер (Gellner 1960: 187), задаваясь вопросом, на основании чего те или иные отношения, которые наблюдает исследователь в незнакомом для себя обществе, могут быть отнесены к области родственных отношений. По его мнению, это возможно только в том случае, если большая часть проявления этих отношений так или иначе является отношениями физического или биологического родства. В противном случае наблюдаемые отношения будут отнесены, например, к области политических или экономических отношений.

является, по мнению Д. Шнайдер, ошибочным. Это выражается в том, что категориальное разделение отношений на «родственные» и «неродственные» осуществляется на основе тех форм концептуализации, которые существуют в «западных» обществах, то есть «европейские социальные исследователи использовали свою собственную европейскую культуру как источник большинства, если не всех способов понимания и концептуализации» родственных отношений (Schneider 1984: 193). На основе этого Д. Шнайдер приходит к утверждению о том, что «западные» представления о родстве, основанные на биологической связанности и сексуальном контакте, нужно использовать для анализа сфер близких отношений в других культурах очень аккуратно, постоянно сверяясь с тем, насколько исследовательское определение родства соответствует тому, что об этом думают представители исследуемого общества (Schneider 1984: 200). Однако с практической точки зрения эта идея представляется трудно выполнимой, поскольку требует от исследователя, по сути, отказаться не только от «общепринятых допущений», но и от каких-либо исходных точек в определении того, что значит быть родственником. Если мы убираем из определения родства биологическую связанность как отличительную черту этих отношений, как нам понять, что перед нами отношения родства, а не соседства, дружбы или коллегиальности? Или если последние понимаются как родство в изучаемом обществе, в чем тогда специфика родственных отношений и существует ли она? Наконец, если в разных культурах мы имеем дело с формами связанности, основанными на разных идеях – кровного родства, общности жизни, разделения приема пищи – являются ли эти формы связанности просто вариантами одного и того же принципа – родства – или представляют собой несводимые к общему паттерны поведения? И если они не сводимы, то что такое тогда родство, как не изобретение, которое создано по образу и подобию своей культуры и которое существует только в умах социальных антропологов? Все эти вопросы, прямо или косвенно поставленные Д. Шнайдером или сформулированные его последователями, полностью переопределили характер поля современных социологических и социально-антропологических исследований родства.

Однако прежде чем обратиться к современным подходам в определении родственных отношений как форме реакции на выводы, к которым пришел Д. Шнайдер, мы вернемся к другой его работе, чтобы продемонстрировать, в каких условиях категория родства, по мнению Д. Шнайдера, все-таки может работать.

2.2.2 Закон природы и закон поведения: исследование родственных отношений в США

Как мы обозначили выше, основная идея критики Д. Шнайдера – это европоцентричность понятия родства, то есть перенесение «своих», «западных», представлений

о родстве на «незападные» культуры, которые долгое время являлись классическим объектом для антропологических исследований. Однако, если мы приступаем к исследованию «западных» обществ, можно предположить, даже учитывая критику Д. Шнайдера, что понятие «родство», разработанное на основе «западных» представлений, в данном случае будет вполне адекватно отражать существующие отношения. Отчасти это подтверждает сам Д. Шнайдер – по крайней мере, во втором издании работы «American kinship: cultural account» он не столько опровергает свои предыдущие находки, сколько настаивает на том, что все характеристики, которые он описал, являются специфическими чертами американской культуры, и поэтому не могут быть автоматически перенесены на другие культуры (Schneider 1984: 201)¹². Следовательно, мы попробуем рассмотреть исследование Д. Шнайдера с точки зрения того, какие из его идей по поводу американского родства могут быть полезны в рамках нашего исследования. Для этого есть ряд оснований. Во-первых, родственные отношения в США, как и в России, могут быть описаны как относящиеся к билатеральной системе родства, что позволяет соотнести некоторые базовые характеристики такой системы в разных культурах – например, наличие нуклеарной семьи и киндреда как основных родственных единиц, а также отсутствие корпоративных дискретных групп. Во-вторых, материал, на который опирается Д. Шнайдер, собран в Чикаго, что позволяет рассматривать это исследование как пример исследований родства, выполненных на материале большого города. Наконец, исследование Д. Шнайдера является редким примером работы по изучению родства, в которой результаты исследования не просто описываются и помещаются в уже существующую теоретическую рамку, а разрабатывается теория на основе материала, полученного при изучении «западных» стран, что дает возможность взять его концепцию за основу при анализе материала нашего исследования. Последний момент представляется особенно важным. В целом, начиная с середины 20 века, социологи и социальные антропологи планомерно исследуют разные аспекты семейно-родственных отношений в пространстве больших городов и тех обществ, которые культурно и географически близки исследователю; таким образом, корпус работ по этой проблематике, пусть собранный в рамках очень разных методологий и с использованием разных методов, достаточно велик. Однако результаты этих исследований скорее можно использовать для сравнения с новым материалом, нежели для его концептуализации, так как выводы чаще всего суммируют отдельные находки, не выводя их на уровень теоретических обобщений. В этом

¹² Поясним, что критика Д. Шнайдера в отношении своей собственной работы носит, скорее, концептуальный и методологический характер: он ставит под сомнения не столько данные, которые получил, сколько способ осмысления и концептуализации этих данных, то есть возможность выделить в обществе и культуре область, которую можно идентифицировать как родственные отношения. По мнению Д. Шнайдера, родственные отношения всегда являются чем-то кроме самих себя – гендерными, возрастными, социальными отношениями – и, как следствие, не существуют в «чистом» виде (Schneider 2007).

смысле работа Д. Шнайдера представляет возможность не столько анализировать родство с точки зрения отдельных практик, сколько с точки зрения принципов и оснований, которые его создают.

В работе «American kinship: cultural account» Д. Шнайдер предпринимает попытку выделить отличительные черты «чистого» родства, то есть то, что составляет характеристики исключительно родственных отношений и никаких других¹³. В центре внимания антрополога оказывается американское родство как культурная система, что предполагает изучение не практик поведения, а представлений и символов, которые жители США используют, описывая свои родственные отношения. Идя от определения, что родственник – это человек, который связан с тобой через кровь или через брак, Д. Шнайдер выделяет два принципа, которые лежат в основе американских представлений о родстве: закон природы и закон поведения.

Первый закон предполагает, что в основе родственных отношений лежит актуализация биогенетической общности людей, или, как это описывали информанты Д. Шнайдера, общая плоть и кровь. Эта общность формируется в момент зачатия и рождения ребенка, который получает генетический материал как от отца, так и от матери, тем самым создавая со своими родителями биогенетическое родство. Можно выделить несколько основных характеристик этого типа связанности. Во-первых, это отношения, которые не могут быть разорваны; Д. Шнайдер отдельно отмечает, что родственники, связанные таким образом, могут не общаться или даже не знать друг друга, однако при этом все равно останутся родственниками с той точки зрения, что они являются носителями общей – разделенной между ними – биогенетической субстанции. Во-вторых, биогенетические отношения не являются результатом выбора, то есть человек, рождаясь, оказывается автоматически помещен в сеть отношений с теми людьми, которых он не выбирал. В-третьих, на основе такой общности формируется общая идентичность: темперамент, внешний вид, привычки рассматриваются как следствие разделения общей биогенетической субстанции. Здесь представляется важным пояснить один момент: говоря о такой форме связанности следует отличать *общность*, которая создается на основе разделения чего-то между участниками, от *отношений*, которые могут возникнуть на

¹³ В определенной степени такая постановка вопроса сама по себе проблематична, и во многом становится основой для критических выводов в отношении родства, к которым приходит исследователь. Д. Шнайдер исходит из того, что в отличие от «незападных» обществ, в которых родственные отношения прочно переплетены с экономическими и социальными, в «западных» обществах родство свободно от взаимовлияния с другими сферами жизни, и именно поэтому можно исследовать его «чистую», сущностную форму. Однако результаты, полученные Д. Шнайдером, о взаимопроникновении разных систем идентификации – родственной, гендерной, половой – по сути, опять же указывает на отсутствие «чистого» родства и невозможность сегментированного и изолированного его изучения. Д. Шнайдер, однако, на основе этого приходит к выводу об отсутствии каких-либо характеристик, которые можно было бы считать специфическими для родства, а следовательно, невозможности выделить эти отношения из совокупности других социальных отношений.

основе этой общности. Следовательно, даже, если отношения не возникают, это не разрывает общность, потому что «то, что можно разорвать – это отношения, но ребенок не может быть «забран обратно» или представлен как никогда не существующий» (Schneider 1980: 71). Таким образом, факт рождения устанавливает между ребенком и родителем связь, которая не может быть оспорена и которая относится к закону природы, именно потому, что находится вне влияния человека на нее. В этом смысле показателен факт, что информанты Д. Шнайдера при ответе на вопрос о том, кого они считают своими родственниками испытывали затруднение в отношении того, можно ли относить к этой категории своих умерших родственников: смерть, как пишет автор, разрывает отношения, однако не сам факт связи между живыми и умершими кровными родственниками.

Закон поведения, в отличие от закона природы, полностью зависит от действий человека и предполагает, что родственники – это те, кто ведут себя в соответствии с определённым сводом правил, который предписывает, что значит быть «мужем», «женой», «братом», «сестрой» и так далее. Самым ярким примером реализации этого закона служат супружеские отношения, в которых общность формируется не за счет разделения общей субстанции, а за счет определенных паттернов поведения супругов в отношении друг друга. Основные характеристики родственных отношений, создающихся на основе закона поведения, противоположны тем, что мы сформулировали выше: отношения являются результатом договоренности, а следовательно, могут быть как созданы, так и разорваны. Если биогенетическая связанность может существовать в форме общности и не поддерживаться в форме активных контактов, то такой вариант по определению невозможен для отношений, основанных *только* на законе поведения: отношения между супругами зависят от самих отношений, то есть от «усилий и действий участников, потому что в отсутствие биогенетической общности не могут зависеть отчего-то другого» (Schneider 1980: 92).

На основе двух, описанных выше законов, Д. Шнайдер выделяет три группы родственников: от рождения, по поведению, по крови. Первая группа основана только на законе природы и включает, например, детей, от которых отказались родители. В данном случае между родителем и ребенком существует биогенетическая общность, однако никакие отношения в дальнейшем не поддерживаются. Вторая группа родственников основана только на законе поведения и включает супругов и родственников супругов. В данном случае между это и тем, кого он может назвать родственником нет биогенетической общности, однако существуют устоявшиеся формы поведения. Третья группа родственников основана на двух законах одновременно и включает ближайших кровных родственников это – родителей, сиблингов, детей и так далее. В данном случае, как предполагает Д. Шнайдер, отношение к

родственнику строится как на основе биогенетической общности, так и на основе поведенческих паттернов. Если в отношении супругов иногда возникали вопросы – относить ли их к родственникам, то последняя группа в наиболее полной мере выражает общие представления американцев о родстве как об отношениях, сочетающих биогенетическую общность и взаимно ориентированные паттерны поведения. Однако закон природы и закон поведения не равны по значимости между собой: первый, по мнению Д. Шнайдера, представляется для американцев более важным, чем второй, а оба вместе более важные, чем любой один. Это проявляется в том, что человек, связанный с эго только законом природы, вероятнее будет назван как родственник, чем тот, кто связан с эго только законом поведения. Например, усыновленный ребенок, который начинает поиски своих «настоящих» родителей действует, исходя из того, что закон природы – биогенетическая связь с тем, кто его зачал и родил – важнее, чем закон поведения – социальная связь с теми, кто его воспитал. Еще один пример – это использование выражения «он мне *как* брат» для близких друзей: в данном случае видно, что закона поведения – вести себя как брат – оказывается недостаточно, чтобы считаться братом на полных основаниях из-за отсутствия закона природы, то есть биогенетической общности. Таким образом, для американской культуры общность, устанавливаемая по рождению через общую кровь и плоть, оказывается важнее связи, которая возникает вследствие отношений, развивающихся на протяжении жизни. Этот вывод Д. Шнайдера представляется очень важным по двух причинам. С одной стороны, эта работа появляется в тот момент, когда все громче начинают звучать голоса тех, кто призывал отойти от привычного рассмотрения биологических оснований родства как доминирующих над социальными и, если не развернуть эту иерархию наоборот, то придавать равное значение как биологическому, так и социальному в родстве. С другой стороны, важно понимать, что акцент на «внимание к социальному» возникает при анализе в рамках классических антропологических исследований, выполненных на материале культурно и географически удаленных от исследователя обществах. Таким образом, выводы Д. Шнайдера о главенстве закона природы выглядят выпадающими из общих рассуждений того времени, потому что выполнены на другом материале, но при этом абсолютно адекватны своему объекту – культуре американского («западного») общества. Именно поэтому, Д. Шнайдер предостерегает своих коллег от переноса его концепции на другие страны, например, Индию (Schneider 1980: 120).

Закон природы и закон поведения представляются в достаточно степени противостоящими друг другу. Тем важнее для Д. Шнайдера оказывается найти те точки, в которых присутствует либо один из этих законов, либо оба эти закона соединяются. Эти «точки», по сути, становятся теми символами, которые лежат в основе американского родства и

представляют собой то, о чем упоминали информанты, когда описывали, что для них значат родственные отношения, и в чем они проявляются. Среди значимых символов, соединяющих оба закона, Д. Шнайдер выделяет любовь и сексуальные отношения. Любовь – базовый символ родственных отношений, то, что объединяет родственников. При этом любовь может быть родственной (между родителями и детьми) – и это будет проявление закона природы – и супружеской – и это будет проявление закона поведения. Супружеская любовь, в свою очередь, выражается в сексуальных отношениях, которые, по мнению Д. Шнайдера, являются ключевым символом в американском родстве. Сексуальные отношения, с одной стороны, соединяют разных людей на основе брак, то есть закона поведения, а с другой стороны, служат основой для зачатия и рождения ребенка, то есть установления отношений в соответствии с законом природы.

Д. Шнайдер делает попытки определить категорию родства в американской культуре без привязки к биологии. Он определяет родство как отношения, основанные на разнонаправленной и гетерогенной общности, которая выдерживает испытание временем и не является ситуативной, то есть не формируется для решения конкретной проблемы (*enduring diffuse solidarity*) (Schneider 1980: 52-53). Однако сам же автор отмечает, что в таком случае родство не предстаёт как определенный тип отношений, который можно отграничить от других; например, дружба также может быть определена через эту категорию. Таким образом, получается, что можно с разных сторон смотреть на то, как формируется социальный уровень родства в представлении американцев, однако без биологического уровня социальный существует лишь в очень малых, легитимно признанных как родственные паттернах отношений. Именно закон природы специализирует отношения родства для американцев, выделяя их из всех остальных форм социальных отношений.

Закон поведения, однако, представляет важность потому, что, будучи основанным на отношениях, он создает вариативность родственных отношений среди континуума биогенетических отношений. Д. Шнайдер, например, отмечает, что физическая, эмоциональная и генеалогическая дистанция – это те социальные факторы, которые детерминируют биологически заданные отношения родства.

Социальный характер родственным отношениям придает еще и то, что у любого человека есть не только родственные характеристики, но и общечеловеческие – пол, возраст, социальное положение. Таким образом, в каждой отдельно взятой ситуации человек выстраивает отношения со своими родственниками, исходя не только из нормативных

представлений о том, как надо себя вести с тетей, сестрой или бабушкой, но и из того, например, одного ли пола с ним человек или какая между ними разница в возрасте.

Как работает вариативность в родственных отношениях американцев видно не только на примере самих отношений, но и на примере использования терминологии родства, например, с обращением к дядям и тетям. Д. Шнайдер и Дж. Хоманс (Schneider, Homans 1955) показывают, что форма обращения зависит от пола говорящего – мужчины чаще обращаются к тетям и дядям по имени, нежели женщины – а также может меняться и зависеть от социального возраста говорящего: так, часть информантов указали на то, что стали обращаться к тетям и дядям по имени после того, как поступили в колледж. В целом авторы предлагают разнообразные объяснения для этих закономерностей. Общая идея заключается в том, что обращение по имени / с использованием термина родства в той или иной степени связано с представлением о дистанции и равном или неравном отношении между родственниками. Обращение с использованием термина родства может, например, говорить о более формальных, менее близких и эмоциональных отношениях. Эмоциональную составляющую авторы отмечают отдельно. По их мнению, если отношения сильно эмоционально насыщены – позитивно или негативно, тогда используется наименование только по имени, в то время как в ситуации спокойных, не очень близких, но и не конфликтных отношений обращение включает как термин родства, так и имя.

В целом, подводя итог исследованию родственных отношений в США, Д. Шнайдер обращает внимание на то, что родство представляет собой, прежде всего, культурную систему. Основу этой системы для американцев составляют социальные конструкты по поводу биологических фактов, то есть представление о наличии связи между родителями и детьми на основе общей биогенетической субстанции. Таким образом, в США «родство не является теорией по поводу биологии, однако биология служит для того, чтобы сформулировать теорию по поводу родства» (Schneider 1980: 115). Именно эта связь «биологического» и «родственного» характеризует американские представления о родстве.

2.3 «Биологическое» как «социальное» в современных исследованиях родства

Несомненной заслугой Д. Шнайдера является привлечение внимания к европоцентризму как основной характеристике существующего понятия «родство». М. Оттхаймер, комментируя подход Шнайдера, обращается к разделению между этическим и эмическим подходами в исследовании (Ottheimer 2001: 206). В первом случае концептуализация понятий происходит на основе культуры исследователя, во втором – на основе культуры исследуемых. Именно второй подход рассматривал Д. Шнайдер как альтернативу существующему универсальному этик-

понятию «родство». Однако идея Д. Шнайдера исследовать, описывать и концептуализировать культурные феномены с точки зрения культуры исследуемых, по сути, является обратной стороной критикуемого им европоцентризма. М. Оттерхайм называет такой подход не релятивистским, а «локалоцентристским» (localcentric), замечая, что «для достижения успеха в антропологическом исследовании родства или любого другого аспекта человеческого поведения антрополог должен перестать рассматривать этот феномен с точки зрения единственно возможной и верной концептуальной рамки, будь то европоцентристская или локалоцентристская» (Ottheimer 2001: 207). Только совмещение взгляда изнутри и взгляда снаружи способно обеспечить релятивизм в рассмотрении того или иного феномена.

В своем интервью в 1995 году Д. Шнайдер, говоря об изменениях в логике научного познания, обозначил переход от исследования структур сначала к исследованию практик, а затем к исследованию дискурсов (Schneider, Handler 1995: 194, также цит. в Carsten 2000: 2). Логика институционального анализа не позволяет в полной мере, по мнению Д. Шнайдера, зафиксировать мобильный, «текущий», нестабильный характер современного общества. И в этом смысле классическое понятие «родство», во многом опирающееся на структурно-функциональный подход, описывало мир, которого не существует. Однако, критикуя существующий концепт как неработающий и опирающийся на «старую» логику, Д. Шнайдер в своих работах 70-80х годов не делает следующий шаг и не предлагает новой логики анализа родства с точки зрения практики и дискурсов, тем самым на десятилетие «закрывая» тему исследования родства.

Таким образом, проблема, которую поставил перед будущими исследователями Д. Шнайдер, – неадекватность существующей универсальной модели исследования родства – оказалась в полной мере не преодолена вплоть до сегодняшнего дня. Нерешенность этой проблемы порождает основной вопрос: в рамках каких концептуальных схем возможно исследований родственных отношений сегодня?

Перспектива, предложенная Д. Шнайдером¹⁴, предполагала окончание антропологических исследований родства как таковых, по крайней мере, с использованием категории «родство» как универсальной. Однако исследования конца 20 – начала 21 века демонстрируют не отказ от категории родства, а попытки переосмыслить это понятие на новых

¹⁴ Отметим, что, безусловно, Д. Шнайдер был не единственным исследователем, поставившим вопрос о роли биологического и социального при определении родства; 50-70-е годы 20 века были очень плодотворны с точки зрения развития этой темы в работах разных исследователей (Gellner 1960, 1963, Barnes 1961, 1964, Leach 1961, Needham 1971). Однако работы Д. Шнайдера – и потому что они отчасти суммируют рассуждения его коллег, и потому что его позиция была более непримиримой по отношению к будущему антропологических исследований родства – могут быть рассмотрены как квинтэссенция этих рассуждений.

– социальных и культурных – основаниях. С одной стороны, появляются работы, в которых «биологическое» предстает лишь как одна из форм «социального», а не как оппозиция к нему. Новые репродуктивные технологии позволяют по-новому посмотреть на эту тему, показывая, что биологическое также может быть конструируемым, а следовательно, оспариваемым и в нашем собственном обществе (Strathern 1992; *Reproducing Reproduction...* 1998; *Relative values...* 2001; *Kinship and family...* 2007: 329-394; *European Kinship...* 2009, Ткач 2013). Сюда также можно отнести исследования, ставящие биологическое и социальное в один ряд, показывая тем самым, что «социальное» может стать «биологическим» и наоборот. Следовательно, разделение на «биологическое» и «социальное» рассматривается в таком случае просто как способ категоризации (Cultures of relatedness 2000, Bauer 2010).

С другой стороны, можно говорить о пристальном интересе к механизмам конструирования социального уровня родства. В данном случае исследователи сосредотачивают свое внимание на тех формах родства, где биологический уровень отсутствует, чтобы показать, как родство может быть «родством без биологии». Исследования в сфере однополых отношений запускают, например, механизмы переосмысления таких основополагающих понятий, как «мать», «отец», «брак», «семья», «родительство» (Allen, Demo 1995, Weston 1997, Patterson 2000, Воронцов 2004, Нартова 2004, Berkowitz 2009, Biblarz, Savci 2010). А изучение отношений адопции бросает вызов доминированию «биологического» над «социальным», так как процессы усыновления / удочерения занимают двойственное положение – не основанные на биологии, они при этом являются легитимно признанными (Terrell, Modell 1994, Wegar 2000, *Cultures of Transnational Adoption* 2005, Dorow 2006, Howell, Marre 2006, Howell 2009, Kim 2009, Kim 2010, Yngvesson 2010, Ben-Zion 2014). В целом исследования в этих областях возвращают к жизни классические вопросы о том, что такое родство, и на чем оно основано в условиях нового понимания категорий «биологического» и «социального».

Наконец, еще одним вариантом современных рассуждений о родстве служат исследования, пытающиеся уйти от жесткой оппозиции «биологического» и «социального» в пользу поиска универсальных, объединяющих разные природы, законов родственных отношений (New Directions... 2002, Schweitzer 2000, Sahllins 2013, Heady 2014)¹⁵.

¹⁵ Современные направления исследования «биологического» и «социального» в родстве не ограничиваются этими перспективами – например, мы можем говорить о продолжающейся традиции изучения родства в контексте социобиологии или эволюционной антропологии. Однако цели нашего исследования предполагают, скорее, осветить то, в каком направлении исследования родства стали развиваться после критики Д. Шнайдера и в целом после поворота к культурным и социальным основаниям родства. В этом смысле работы в рамках социобиологии изначально исходят из иных оснований, предлагают параллельную рассмотренной нами линию рассуждения и не испытывают значимого влияния со стороны конструктивистского взгляда на родство.

Ниже мы обратимся к трем концепциям, основанным на понятиях «связанности», «включения в родственный круг» и «взаимозависимого существования», которые представляют разные варианты переосмысления и концептуализации родства в рамках современных социальных исследований.

2.3.1 Локальные идиомы родства: концепция связанности Джанет Карстен

Одним из ответов на критику Д. Шнайдера можно считать концепцию связанности, разработанную Дж. Карстен (Cultures of relatedness 2000). Ключевая идея автора заключается в выборе нового способа концептуализации родственных отношений через категорию «связанности». Это понятие «используется взамен или наравне с понятием «kinship» так как является открытым для индигенных трактовок того, что значит быть связанным с кем-то («being related») в большей степени, нежели опирается на предзаданные определения или ранее существовавшие версии того, что значит быть чьи-то родственником» (Carsten 2000: 4). Дж. Карстен, предлагая этот термин, продолжает логику, предложенную Д. Шнайдером: отказ от единой европоцентристской схемы анализа родственных отношений в пользу разнообразных и культурно-специфичных способов понимания связанности и родства в разных культурах. Этот концепт также помогает преодолеть одну из основных характерных черт понятия родства как «западного» изобретения – исключительную роль биологической основы родственных отношений. Как показывают авторы сборника «Cultures of relatedness», во многих культурах чувство «связанности» может иметь как биологические, так и социальные основания. Остановимся более подробно на некоторых примерах.

Изучая механизмы связанности Ч. Стэффорд (Stafford 2000) отмечает, что многие исследователи китайского общества рассматривают его исключительно через призму принципа патрилинейности и идеи линиджа, а предметом изучения, когда речь заходит об отношениях родства, становится формальная родственная группа, то есть такая, где люди, могут проследить свое происхождение и связь друг с другом. При этом неформальные, гибкие повседневные паттерны взаимодействия тех, кто живет вместе и вовлечен в совместные дела по ведению хозяйства и уходу за детьми, также подвергаются изучению, но описываются через концепт «семья». При таком разделении сфер анализа система родства выглядит как очень формализованная и негибкая. На похожее концептуальное разделение «семьи» и «родства» при исследовании индийского общества указывает Х. Ламберт (Lambert 2000: 73)

Чтобы опровергнуть эту точку зрения, Ч. Стэффорд обращается к двум паттернам отношений, которые наряду с патрилинейностью обеспечивают связанность индивидов в китайском обществе: круг Yang (the cycle of yang) и круг Laiwang (the cycle of laiwang). Первый

ориентирован на связанность между теми, кто исполняет роль родителей и теми, кто исполняет роль детей, второй – на связанность между дальними родственниками, соседями и друзьями.

«Круг Yang в самом общем виде представляет собой совокупность обязанностей, выражающихся в идеи «возвращения» или «заботы» (вырастить цветы – yang hua, вырастить поросенка – yang zhu, вырастить ребенка – yang haizi)» (Stafford 2000: 41). Круг Yang основан на принципе реципрокальности, то есть подразумевает, что сначала родители заботятся о детях, потом дети заботятся о родителях. Причем в рамках патрилинейной системы сыновья «возвращают заботу» своим родителям, в то время как дочери переносят свой долг на родителей мужа: автор приводит пример, насколько ответственно родители выбирают жену своему сыну и связывает это в том числе с циклом Yang, частью которого станет жена сына. При этом Ч. Стэффорд отмечает, что, несмотря на такое разделение, в действительности все оказывается сложнее, и жена как часть рода мужа «возвращает долг» и своим родителям, и родителям мужа, и детям, и внукам, то есть, по сути, отвечает за установление отношений связанности между семьями и поколениями.

В такой интерпретации круг Yang выглядит лишь частным вариантом принципа патрилинейности и культа предков, однако это не так. Во-первых, круг Yang обеспечивает связанность между родителями и детьми даже в том случае, когда дети не являются биологически родными: на детей налагается обязанность заботиться о родителях в старости, потому что те заботились о них. Кроме того, круг Yang может работать и в обратную сторону: родители без детей путем включения молодых людей в круг Yang, «создают» себе детей. В данном случае круг Yang выступает своеобразным механизмом усыновления или удочерения, реализуемым через практики взаимной заботы.

Во-вторых, круг Yang может связывать людей, которые являются непрямыми родственниками, то есть не связаны линией порождения. Автор обращается к примеру, когда девушка после смерти матери взяла к себе на воспитание своих младших братьев, включив их в свой круг Yang. Когда они выросли, то стали заботиться о ней, так, как если бы были ее потомками. Таким образом, в круг Yang в данном случае оказываются включены как дети этой девушки, так и ее братья, то есть все те, о ком она заботилась.

Наконец, есть много примеров, когда нарушение обязательств круга Yang, приводило к разрыву отношений, несмотря на существующие кровные узы.

Таким образом, круг Yang, основанный на взаимных обязательствах и заботе, может возникать там, где люди не связаны кровным родством; невыполнение обязанностей круга Yang может приводить к тому, что отношений разрушаются, даже если они имеют биологическую

основу. Круг Yang хорошо иллюстрирует «процессуальную, текучую и подверженную трансформациям» природу родственных отношений (Stafford 2000: 43).

Круг laiwang – это реципрокальные отношения взаимопомощи, которые связывают неродственников или дальних родственников. Автор поясняет механизм действия этого круга обязанностей на примере свадебной церемонии: гости, которые туда приходят, могут быть не связаны узами родства с женихом и невестой, но связаны кругом laiwang, то есть кто-то из семей брачующихся сделал что-то для человека, который пришел. Человек, приходя на церемонию и внося небольшую символическую плату за банкет, поддерживает эти отношения и продолжает круг laiwang. Поясняя логику круг laiwang, Ч. Стэффорд обращается к китайской идиоме «li shang wang lai», которая может быть переведена как «вежливость требует взаимности». По мнению автора, именно практика «постоянно возвращаемой вежливости», реализуемая в различного рода церемониях, составляет сущность круга laiwang.

Таким образом, круг Yang и круг Laiwang являются примером работы над отношениями и «производства связанности» (Stafford 2000: 38) через повседневные паттерны реципрокальности, на основе которых могут быть как созданы новые отношения, не всегда учитывающие кровное родство, так и реинтерпретированы старые, если они не поддерживаются в повседневных практиках.

Б. Боденхорн, (Bodenhorn 2000: 128-148) рассматривая паттерны связанности среди иньюпиатов – китобоев северной Аляски, отмечает, что, хотя разговоры о том, кого считать родственником в этой группе строятся на двух основаниях – биологической связанности и определенном поведении, второе является более важным. В понимании иньюпиатов родственник – это тот, кто ведет себя как родственник.

Б. Боденхорн описывает усыновление как очень распространенный социокультурный паттерн в полярном регионе: в 80-90 годы около 40% всех детей были или усыновленные, или отданные на усыновление (цит. по Bodenhorn 2000: 139). Причины усыновления могут быть разные: отсутствие своих детей, желание иметь больше детей или, как пишет автор – «у нас слишком много мальчиков, мы хотим девочку» (Bodenhorn 2000: 139). В контексте нашего рассуждения важно отметить две вещи. С одной стороны, эта практика устанавливает такие отношения между ребенком и приемными родителями, которые *могут* рассматриваться как более важные, нежели между ребенком и его биологическими родителями, то есть в данном случае «вести себя как родители» оказывается более значимым, чем «быть биологическими родителями». Автор замечает по этому поводу, что игнорирование приемных родителей всегда подвергается осуждению, в то время, как игнорирование биологических – не сопровождается никакими комментариями. В этом смысле именно отношения с приемными родителями могут

описываться как «настоящие». С другой стороны, ребенок может ощущать себя частью двух «семей», если поддерживает отношения и с биологическими, и с приемными родителями. Таким образом, практика усыновления наглядно демонстрирует процессуальный и дискурсивный характер, который могут приобретать паттерны родства: отношения родства возникают в процессе создания и поддержания этих отношений, а не являются исключительно заданными биологической связью.

Имянаречение – еще один важный паттерн родственных отношений в жизни иньюпиатов. По словам одного из информантов, если люди хотят увековечить факт жизни другого человека, то они дают ребенку имя этого человека. При этом ребенок рассматривается не как новое или самостоятельное существо, а как продолжение того, чье имя он носит, то есть ребенок – это только проводник, через который имя «реализует» себя, и то, что было накоплено предыдущими обладателями этого имени (Bodenhorn 2000: 137). Давать имя могут родственники, но это не обязательное правило, кроме того родители могут вообще не принимать участия в выборе имени. У одного человека может быть несколько имен, если они даны ему разными группами, и он воспринимается каждой группой только в соответствии с тем именем, которое дала данная группа. При этом через практику имянаречения устанавливается связь между тем, кто дает имя и тем, кому дано имя. «Девочка может зваться «дедушкой» теми, кто является внуками того, кто дал имя этой девочке» (Bodenhorn 2000: 138). Следовательно, человек может являться одновременно не только обладателем нескольких имен, но и нескольких терминов родства в зависимости от того, с какой группой он взаимодействует: для одних он будет «дедушка», для других «сестра» и так далее. Таким образом, имянаречение создает параллельную в отношении биологического родства систему связанности и включенности.

Б. Боденхорн подчеркивает, что именно «работа над формированием связанности в большей степени, нежели труд по рождению ребенка или «факт» разделяемой субстанции, – это то, что отделяет сферу родства от потенциально бесконечного универсума родственников, которые могут быть, а могут и не быть связаны с человеком» (Bodenhorn 2000: 143).

Таким образом, для иньюпиатов родственные отношения определяются не столько фактом биологического порождения, сколько осознанными и взаимными действиями, которые люди совершают в отношении других людей. Является ли человек родственником, определяется не в статичной ситуации и не за счет строго зафиксированных фактов биологической связанности, а в динамичной ситуации взаимодействия. Именно эти действия и тот круг людей, на который они направлены, формируют родственную сеть.

Исследования, берущие за основу понятие связанности, показывают, во-первых, многообразие социальных оснований родства, во-вторых, возможность биологических оснований трансформироваться в социальные и наоборот и, наконец, отсутствие четкого различия между этими основаниями, так как в локальных идиомах родства не всегда понятно, что считается «биологическим», а что – «социальным»¹⁶ (Carsten 2000, Hutchinson 2000, Lambert 2000). Однако проблема понятия «связанность» в том, что не всегда можно точно обозначить, где заканчивается родственная связанность, и начинается процесс группирования, основанный на иных, нежели родство механизмах. Чувство связанности само по себе не является специфической чертой исключительно родственных уз: мы чувствуем связанность с соседями, друзьями или коллегами по работе. Правомерно ли тогда расширять понятие «родство» и включать в него такого рода отношения? Представляется, что нет: при таком подходе, родство становится всем, а следовательно, значимость этой категории с точки зрения анализа стремиться к нулю. Однако рассмотрение родственных отношений через категорию связанности дает возможность увидеть те аспекты родственных отношений, которые ранее оставались скрытыми. Например, принятие превалирования «биологического» в «западных» идиомах родства приводит к частичному игнорированию «социального». Отношения родства рассматриваются как возникающие *в один момент* фактом установления связи между людьми – так, например, факт деторождения, с этой точки зрения, устанавливает связь между людьми, превращая одних в родителей, а других в детей. Однако *момент установления связи* не тождественен *установлению отношений*: первое является единичным действием, второе – процессом, то есть чередой длящихся действий. *Отношения родства* – само слово «отношения» подразумевает длительность – возникают в результате процесса взаимодействия людей друг с другом, а не в результате единичного факта, утверждающего появление связи. Таким образом, в примере с деторождением родителями и детьми людей делает не *момент* рождения – в этот момент они лишь приобретают новые наименования, а *отношения*, которые формируют и развивают люди после этого момента. Учитывая это, классическую фразу «Поздравляю, вы стали отцом!» можно дополнить вторым предложением: «А станете ли вы отцом, покажут дальнейшие отношения». Понятие связанности, таким образом, позволяет не столько вступить в споры о биологической или социальной природе родства, сколько обратить внимание на процессуальный, создаваемый характер *отношений* родства, а также проанализировать ту работу, которую люди совершают, чтобы «привести в действие отношения

¹⁶ Многие авторы сборника «Cultures of relatedness» ставят под вопрос возможность четкого разграничения между «биологическим» / «социальным» в контексте их применения к родственным отношениям и обращают внимание на необходимость разобраться, «что мы, как антропологи, имеем в виду, когда используем эти термины» (Carsten 2000: 25).

родства» (Bodenhorn 2000: 144) и превратить потенциально возможные отношения в реально существующие.

2.3.2 Включение в круг родственников: социальные механизмы родства на примере адопции

Тема адопции достаточно хорошо представлена на примере исследования «незападных» обществ, однако до недавнего времени была лишь фрагментарно описана в рамках социальной антропологии на материале «западных» обществ. «Западные» представления о родстве основаны на превалировании биологической связанности, устанавливаемой через общую «плоть и кровь» над социальной связанностью, то есть биологическая связанность всегда рассматривалась как обязательное условие для «нормальных» родственных отношений. В этом смысле адопция представляет собой пограничный и в определенном смысле маргинальный паттерн родства: отношения, юридически признаваемые как родственные, не имеют под собой биологических оснований общности. Следовательно, изучение процессов формирования родственной связанности в контексте отношений адопции может не только представлять интерес само по себе, но и выступать как хороший инструмент для исследования исключительно социальных механизмов включения в родственный круг и становления родственником во всех формах родственных отношений. На эту же возможность использования исследований отношений адопции указывает Дж. Карстен (Carsten 2000: 695).

Для обозначения социальных процессов, сопровождающих адопцию, норвежский социальный антрополог С. Хоуэлл, предлагает термин «kinning», который, на наш взгляд, наиболее точно можно перевести как «вхождение в круг родственников» (Howell 2003). «Вхождение в круг родственников» – это «процесс, вследствие которого эмбрион, новорожденный или любой человек, не являющийся родственником оказывается включен в значимые и постоянные отношения с группой людей, которые описываются в терминах родства» (Howell 2003: 465). С. Хоуэлл отмечает два важных основания современных родственных отношений. С одной стороны, это биологическая общность родителей и детей, то есть общая кровь и плоть. С другой стороны, это социальные основания родства, которые предстают, по мнению С. Хоуэлл, в виде включения в относительную систему идентификации: процесс «вписывания» ребенка в пространственный и временной универсум семьи, в котором у каждого члена семьи есть свое место, а у каждого отношений – своя история, то есть определенное прошлое, без которого невозможна родственная общность в настоящем и будущем. «Родство – это то, что достигается через отношения с другими» (Howell 2003: 467-468), и если биологической общности достигнуть невозможно, то социальная устанавливается в процессе вхождения в круг родственников.

В основе этого процесса лежит идея транссубстанции (transubstantiation). «Транссубстанциация – означает, во-первых, замену одной субстанции на другую, а, во-вторых, в ситуации Причастия, транссубстанциацию хлеба и вина в тело и кровь Христа, в результате чего только внешний вид ... хлеба и вина сохраняется» (Howell 2003: 470), в то время как символическое содержание – меняется. Если перенести эту логику на отношения адаптации, то получим, что в процессе вхождения в круг родственников внешнее – отсутствие биологической общности между ребенком и родителями – сохраняется, однако при этой неизменности внешнего внутреннее – самоидентификация, чувство принадлежности и связанности – меняется / формируется заново.

С. Хоуэлл выделяет четыре стадии процесса становления родственником – предбеременность, беременность, рождение и повседневная жизнь¹⁷. Каждая из этих стадий связана с принятием новых знаний и формированием новых чувств. Так, например, первая стадия, когда родители только принимают решение об усыновлении, характеризуется постепенным отходом от представлений о «своем» ребенке к принятию идеи усыновления «чужого». Период «рождения» наступает в момент достижения договоренности по поводу того, какой ребенок отправится в новую семью. Будущие родители получают фотографию ребенка и с этого момента «процесс вхождения ребенка, который находится далеко, и которого они до этого не видели, в круг родственников, вступает в активную фазу» (Howell 2003: 471). Интересно, что С. Хоуэлл отмечает, что отношения родства начинают «складываться» еще до момента реальной встречи, что отсылает нас к идее о том, что родство – это не столько механизм для отношений с другими, сколько инструмент для познания себя. Так, приемные родители, как и любые родители, начинают примерять на себя роль и чувства родителей, и это меняет их самих задолго до появления ребенка в семье.

Тем не менее, с точки зрения исследования механизмов установления родственных отношений наибольший интерес для нас представляют действия, которые разворачиваются после прибытия ребенка к приемным родителям. С. Хоуэлл предлагает два взгляда, которые существуют на приемных детей в Норвегии. Первый предполагает, что приемные дети – чистый лист, на котором можно заново создать человека. Второй – получивший распространение в последнее время – предполагает, что приемные дети обладают генетическим и культурным багажом, которые надо учитывать при воспитании. Так или иначе, юридическое усыновление

¹⁷ С. Хоуэлл использует такую терминологию вслед за своими информантами, подчеркивая тем самым двойственный характер процесса адаптации – социальной связанность, которая стремится быть описанной с помощью биологических категорий (Howell 2001: 209). В этом смысле кажется очень верным замечание М. Пелеца, о том, что «даже если отношения не основаны на биологии, они четко определяются через отсылку к ней» (Peletz 1995: 348).

является актом социального рождения, за которым следуют процессы породнения с новыми родственниками.

Среди наиболее распространенных способов, которые используются для включения ребенка в сеть родственников, автор выделяет проживание в местности, с которой связано прошлое и настоящее приемной семьи, и где рядом находятся много родственников. Она отмечает, что на фотографиях, которые являются частью отчетов, присылаемых в организацию по усыновлению, приемные дети всегда окружены большим числом родственников, сняты на фоне семейных домов и как участники семейных или национальных праздников. Таким образом, «через фотографирование усыновленного ребенка в местах, откуда происходят его родители или которые принадлежат им, ребенок оказывается символически укоренен в них», то есть вписан в физическое и социальное пространство принявшей его семьи (Howell 2003: 472). Говоря о физическом пространстве, можно упомянуть предметный мир, который окружает человека и часто оказывается наделен определенными смыслами и значениями важными в контексте родственных отношений. Такими значимыми предметами, например, могут являться семейные реликвии или фотоальбомы. Дж. Карстен обращает внимание на то, что усыновленные дети часто очень бережно хранят любые предметы, которые напоминают об их биологических родителях, либо о том периоде, когда они не были усыновлены – части детской одежды, свидетельство о рождении, фотографии. При этом Дж. Карстен отмечает, что эти предметы оказывают двойственное влияние на человека – с одной стороны, в определенном смысле создают прошлое, которого приемные дети лишены по причине его незнания, а с другой стороны, являясь личными реликвиями, не имеющими такого значения для других членов семьи, эти вещи служат постоянным напоминанием о ситуации усыновления, а следовательно, об отсутствии общего семейного прошлого с приемной семьей (Carsten 2000: 696).

Важный момент, на который обращает внимание С. Хоуэлл, заключается в том, что процесс включения в семейную группу параллельно предполагает включение в национальную группу. Вхождения в родственный круг, которое С. Хоуэлл описывает на примере норвежских семей, предстает как процесс интеграции именно в норвежскую семью и предполагает формирование норвежской идентичности. Автор обращает внимание на традицию ношения национального костюма в определенные праздники, которая также интерпретируется как форма вхождения в родственный круг и связана, как и с семейными традициями, так и с национальными одновременно. Норвежский язык, норвежская еда, традиционные норвежские формы досуга – все это, естественно, не является привилегией усыновленных детей, однако именно в отношении них выступает инструментом интеграции в семью и культуру, к которому

прибегают специально и осознанно. В этом контексте интересно замечание С. Хоуэлл, что усыновленные дети проводят больше времени с дедушками и бабушками, чем биологически родные.

Дж. Карстен в процессе исследования воссоединения усыновленных детей и их биологических родителей обращает внимание на важность внешнего сходства как одного из механизмов установления общности. В детстве усыновленные дети часто чувствуют себя «чужими» в новой семье, в том числе и потому, что по каким-то внешним признакам – цвету кожи или волос, разрезу глаз – не похожи на своих приёмных родственников. Приемные дети ищут того, на кого они похожи, и встреча с биологическими родителями часто позволяет им заполнить этот пробел. С другой стороны, важно отметить, что мы имеем дело, скорее, не с внешней схожестью как объективным фактом, а с представлением о том, что эта схожесть должна быть, и что она доказывает связанность и родственность. Дж. Карстен обращается к примеру с усыновленным чернокожим мальчиком, который все детство чувствовал себя чужим и дома, и в школе из-за своего цвета кожи, а к тридцати годам нашел свою биологическую мать, с которой он, как можно предположить, надеялся почувствовать общность, в том числе по цвету кожи. Однако его мать оказалась белой, и молодой человек, несмотря на установление с ней хороших отношений, отмечал в интервью, что она предстала для него «абсолютно чужой»: «Вы не знаете этого человека, это абсолютный незнакомец. Это могла быть не моя мать, она могла послать кого-то еще» (Carsten 2000: 693). На данном примере хорошо видно, как именно *представление* о необходимом внешнем сходстве интерпретируется как часть процесса установления родственных отношений. Можно предположить, что вопрос: «На кого я похож?» - представляется важным не только для приемных, но и для биологических детей. На основе ответа на него – например, «ты весь в своего дедушку» – осуществляется процесс вписывания в родственную группу, который описала С. Хоуэлл. При этом очевидно, что схожесть может быть как реальной, так и конструируемой и касаться как физических аспектов (внешности), так и социальных (привычки, выбор профессии, предпочтения в еде и т.д.).

Подводя итог, на основе анализа процесса вхождения в родственный круг усыновленных детей можно выделить несколько паттернов установления и поддержания родственной связанности в ситуации адопции.

Во-первых, это укорененность в сетях отношений. Родственные отношения всегда основаны на присутствии людей, которых мы считаем связанными с собой. Эти люди образуют сеть, где каждый родственник – субъект и объект отношений внутри сети. Так как родство формирует относительную идентификацию, то невозможно существование родственника без

сети тех, кто его считает родственником. Таким образом, вхождение в родственный круг предполагает включение человека в сеть родственников и осознание им себя как родственника по отношению к другим членам сети. Одним из частных случаев действия этого механизма является процесс конструирования общности через физические или социальные сходства с другими членами семьи.

Родство как система отношений всегда связана с процессами идентификации и самосознания. Любой термин родства – это не абсолютная категория, а относительная. Это проявляется не только в том, что, когда мы говорим «сын», мы подразумеваем, что у этого человека есть отец и мать, но и в том, что содержание термина «сын» раскрывается через те отношения, которыми этот человек связан со своими родителями¹⁸. Эти отношения делают его «сыном», и эти отношения составляют часть его представлений о себе.

Во-вторых, это укорененность в пространстве и времени: родственные отношения часто основаны на связи с местом – местом рождения, родовым гнездом, городским районом и с историями этих мест. В отношении усыновленных детей С. Хоуэлл описывает распространенную практику путешествий на Родину – в страну или город, откуда усыновленный ребенок родом. Несмотря на отсутствие каких бы то ни было воспоминаний об этих местах, ребенок устанавливает символическую связь с ними и обретает – сам в своих глазах – какое-то прошлое. С другой стороны, физическое пространство, в котором мы живем, является неотъемлемой частью нашей жизни, прежде всего, потому, что мы наполняем его определенными смыслами и значениями. Дж. Карстен очень точно отмечает, что «дом – это социальные отношения тех, кто этот дома населяет» (Carsten 2007: 37). Она предполагает, что одна из причин, почему приемным детям бывает сложно установить отношения с биологическими родителями в настоящем, заключается в том, что у них (у детей и у родителей) нет общего прошлого, которое выражается в совместных повседневных практиках родства (Carsten 2000: 697). Итого, физическое пространство и родственные отношения связаны таким образом, что первое может выступать пространственным выражением второго. Приходя в дом, в котором он вырос, или, возвращаясь в свой родной город, человек погружается в определенный контекст и систему значений, отсылающих к общему для родственной группы прошлому.

В-третьих, это укорененность в культуре, в том ее понимании, в котором она может проявляться на уровне семьи и родственной сети. Родство представляет собой пространственно-временной универсум, (Howell 2003: 472) значимые основы которого могут

¹⁸ Эту же идею Г.В. Дзибель выражает через три модуса, на которые может быть разложено родство: взаимность, полнота и реляционность (Дзибель 2001: 107).

находиться не только внутри семьи, но и за ее пределами – в культуре того общества, в котором семья проживает. Аналогично с тем, как родственные отношения оказываются встроены в физическое пространство и превращают его в социальное пространство дома и семьи, точно также родственные отношения «преломляют» культуру, наполняя абстрактные культурные ценности конкретными, значимыми для отдельной семьи смыслами. Семейные традиции празднования Дня Победы или домашние застолья с современными интерпретациями традиционных блюд – все это примеры соединения локальной и глобальной истории и культуры, которое становится возможным благодаря родственным отношениям.

Еще один важный момент, на который позволяет обратить внимание работа С. Хоуэлл, связан с работой над родственными отношениями. Автор отмечает, что «включение в круг родственников усыновленных детей требует намного больше усилий, чем аналогичные действия в отношении биологических детей» (Howell 2003: 476). Когда мы говорим об усыновленных детях, необходимость каких-то действий по включению их в родственный круг представляется очевидной. Однако, если отойти от сравнения усыновленных и биологических детей, то важным становится утверждение о том, что любые отношения родства требуют работы и усилий по их установлению и поддержанию. С. Хоуэлл предлагает интересное сравнение усыновленных детей и мигрантов, которых объединяет то, что в момент прибытия они начинают делить пространство с «местными», однако не являются носителями общей разделяемой истории, культуры и прошлого. Однако отличие заключается в том, что у усыновленных детей есть новая семья, которая принимает самое активное участие в процессе включения ребенка в новую среду и совершает необходимую работу по установлению родственных отношений. Представляется, что для любых биологически связанных родственников эта идея также актуальна. Значимый круг родственников как раз составляют те, кто работает над поддержанием отношений с нами и те, в отношении кого, мы совершаем аналогичную работу. В этом смысле показательно замечание Дж. Карстен, которая, анализируя интервью со взрослыми удочеренными женщинами, отмечает, что право на участие в жизни своего ребенка не является автоматическим, а зарабатывается в процессе воспитания и заботы о нем (Carsten 2000: 691).

2.3.3 Родство как взаимозависимое существование: концепция Маршалла Салинза

Как мы показали выше, Д. Шнайдер, изучая американскую систему родства, ставил вопрос о превалировании в ней биологических оснований родства над социальными. Дж. Карстен и ее коллеги, разрабатывая понятие связанности, указывали на отсутствие четкого различия между этими основаниями. М. Салинз, несмотря на заявленное в названии и

структуре работы противопоставление этих категорий¹⁹, идет еще дальше, предлагая, по сути, вообще отказаться от разделения на «биологическое» и «социальное» по той причине, что все основания родства – независимо от их природы – являются только лишь формой проявления универсального родственного паттерна и выражают главное свойство этого паттерна – «mutuality of being» (Sahlins 2013). Эту категорию, которая становится центральной в работе М. Салинза, он многократно описывает и определяет, что создает трудности в выборе перевода, который бы наиболее точно отражал заложенный в нее смысл. В рамках данной работы мы будем использовать словосочетание «взаимозависимость существования».

Данная категория применяется М. Салинзом, чтобы очертить круг людей, которые составляют «неотъемлемую часть жизни друг друга», и «которые принадлежат друг другу, ... соприсутствуют друг в друге, и чьи жизни связаны и взаимозависимы» таким образом, что происходящее с одним членом семьи оказывает воздействие на других членов семьи (Sahlins 2013: 2, 21). В такой формулировке понятие «взаимозависимого существования» достаточно сильно тяготеет к таким характеристикам родства, как комплементарность и реципрокальность. Однако замысел М. Салинза заключается, скорее, в том, чтобы продемонстрировать наиндивидуальную природу родства как такового. Для этого автор обращается к аристотелевскому пониманию родства как «одной сущности, представленной в разных объектах» (цит. по Sahlins 2013: 20). Таким образом, М. Салинз подчеркивает, что родство – это представленность родственной группы в каждом ее члене и каждого отдельного человека в другом родственнике. Родственность предстаёт как некое свойство или качество, которым обладает человека как член родственной сети. Причем качество, которое не является внешней характеристикой или предрасположенностью к чему-то, а которое отсылает к самой сути родства – быть связанным со своими родственниками. Именно поэтому, родственники являются частью друг друга, одновременно частью более общего наиндивидуального целого – своей родственной сети и носителями свойств этой сети. Профессиональные династии или семейные сходства во внешности – это частные варианты проявления родственного порядка. По сути, любые концепции родства говорят именно об этом, используя, однако, разные символы для того, чтобы передать идею «развертывания» и проявления общего духа в отдельных индивидах – общую кровь, пищу, дом и так далее. В этом смысле, общая кровь или биологические основания родства являются, по мнению М. Салинза, не более чем одним из оснований для символического осмысления процессов связанности. М. Салинз достаточно подробно исследует представления о рождении, которые существуют в разных культурах (Sahlins 2013: 76-86) и приходит к выводу, что рождение – как физический акт – далеко не

¹⁹ Работа М. Салинза «What kinship is - and is not» состоит из двух глав – «What kinship is - culture» и «What kinship is not - biology» соответственно.

всегда осмысливается символически как процесс, создающий базовые отношения родства. Несмотря на то, что, физически рождаясь, ребенок устанавливает отношения с тем, кто его родил, интерпретация этой связи может быть не столь однозначна. Если учесть, что человек рассматривается не столько как самостоятельная сущность, сколько как неотделимая часть своей родственной сети и соединяющая разные свойства этой родственной сети, а также учесть то, что в разных культурах, такие основания связанности как кровь и сперма часто рассматриваются как очень тесно связанные с различными внечеловеческими субстанциями – водой, землей, дождем, пищей, скотом и так далее – тогда ребенок, рождающийся в рамках такой системы представлений, связан не столько с конкретным отцом или матерью, сколько со всей своей родственной сетью, предками, территорией. Физически – он рожден конкретными людьми, символически – в нем соединяется очень много разнообразных основ, которые сформируют его в дальнейшем. На основе этого М. Салинз делает вывод о том, что «отношения порождения и рождения оказываются культурно относительными, по-разному понимаемыми в разных обществах, в соответствие с местными «теориями репродукции»» (Sahlins 2013: 64). В этом смысле американские и европейские теории репродукции устанавливают связь между ребёнком и тем, кто его родил, облекая эту связь в биологические термины, то есть, опираясь на идеи общей крови и плоти и/или генетической наследственности. Для М. Салинза же принципиально важно, что то, что европейцам и американцам понимается как достоверное биологическое знание, для представителя другой культуры может выглядеть не более чем «народной биологией» (Sahlins 2013: 64), то есть системой представлений, не являющейся более точной или достоверной, чем другие. Такой системой представлений, какой выглядят «незападные» теории прокреации для «западного» человека. Таким образом, кажущееся отрицание М. Салинзом «биологического» есть продолжение популярных для современных исследований родства дискуссий о том, как знаниевые практики определяют конфигурацию того, что мы видим.

Содержательная сторона различных форм отношений также привлекла внимание М. Салинза. Он делает акцент на том, что во всех культурах, кроме разнообразных оснований для конструирования родства, существуют нормативные представления о том, что значит быть родственником. Следовательно, называя кого-то родственным термином, человек одновременно создает определенные ожидания по поводу того, как он будет себя вести и как будут вести себя с ним. М. Наттол, на которого ссылается М. Салинз, очень точно отмечает, что «в то время как гибкость системы родства позволяет людям выбирать, кого они хотят считать своими родственниками, а кого – нет, она не дает им право решать, как им следует вести себя с этим человеком» (цит. по Sahlins 2013: 10). Родство предстает как система отношений между

категориями, в которой содержание категорий может меняться, но отношение между ними остается постоянным. Таким образом, М. Салинз подчеркивает главенство родства – как системы социокультурных паттернов, включающих определенные типы отношений – над индивидуальными практиками, которые являются частными интерпретаций этих паттернов. С другой стороны, М. Салинз обращает внимание на современное разнообразие родственных практик, которые являются вариациями той или иной формы родственных отношений. По мнению М. Салинза, это не меняет сути отношений, однако, с исследовательской точки зрения, возникновение этих вариаций и трактовка их как нормальных или отклоняющихся представляет несомненный интерес.

Работа М. Салинза достаточно сильно выделяется на фоне других современных исследований родственных отношений. В целом, уходя как от изучения систем терминов родства, так и от исследования отдельных практик родства, автор через анализ разнообразных этнографических данных сосредотачивает свое внимание на сущности родственных отношений – на универсальном и общезначимом принципе, который лежит в основе любых отношений родства. Таким принципом становится «взаимозависимое существование». Однако после прочтения работы остается много вопросов. Так, практически все примеры, которые использует М. Салинз, чтобы продемонстрировать взаимозависимость существования родственников, взяты из разных культурных традиций, но не затрагивают «западные» представления о родстве. Исключение составляют замечание о роли биологии в «нашем собственном» понимании родства и ссылки на работы Дж. Эдвардс, М. Стразерн и Дж. Карстен, которые на примере исследования родства в Англии демонстрируют «что-то похожее» (Sahlins 2013: 22) на то, что разбирает М. Салинз на примерах из других культур. В таком случае возникает вопрос, насколько то, что формулирует М. Салинз в качестве универсального принципа родства, применимо к «западным» представлениям о родстве? Многочисленные примеры М. Салинза строятся на мировоззрении, достаточно сильно отличающемся от «западного», прежде всего, в понимании того, что такое личность и индивидуальность. Очень хорошо эту идею иллюстрирует рассуждение М. Салинза о роли миссионеров. «Будучи миссионером, Морис Линхард в разговоре с пожилым жителем Новой Каледонии предположил, что христианство принесло понятие духа в канакское мышление. «Духовное начало? Ба!» – возразил пожилой мужчина, – «вы не принесли нам его. Мы знали, что оно существует. Мы всегда действуем в соответствии с ним. Вот, что вы принесли нам – это тело». Комментируя этот обмен мнениями, Роджер Бастид писал: «Меланезиец не представлял себя иначе, чем точку пересечения действий. Он был снаружи больше, чем он был внутри самого себя». Бастид, таким образом, поясняет, что мужчина был частью своего линиджа, своего тотема, природы и социума. В

противовес этому, миссионеры учили его отделять себя от других, чтобы открыть свою настоящую идентичность, обозначенную границами его тела» (Sahlins 2013: 19). Таким образом, с одной стороны, у нас представление о человеке как невыделяемой части целого, а, с другой стороны, образ «открытия тела» как пример символического проведения границы между человеком и группой. «Западные» представления о себе, тяготеющие к все большей автономности и индивидуализации, являются примером второй перспективы. В этом смысле, интересно, что аналогичная логика рассуждения часто применяется к отношению между нуклеарной семьей и более широким кругом родственников. Например, английский историк Л. Стоун отмечает, что в 16 веке невозможно было выделить нуклеарную семью из сети родственных отношений. Формально, следуя определению Л. Стоуна, можно было назвать определенную группу людей нуклеарной семьей по определенным признакам, однако с точки зрения действий и отношений «семья ... не может быть рассмотрена изолированно, так как любое изменение было вызвано или связано с родственниками» (Stone 1979: 70). Такое понимание связи между нуклеарной семьей и другими родственниками очень хорошо вписывается в идею М. Салинза о взаимозависимом существовании. Однако в современном обществе отношения между нуклеарной семьей и более широким кругом родственников носят абсолютно иной характер: нуклеарная семья и территориально, и содержательно выделена из сети родственников, а последняя продолжает оказывать влияние на нуклеарную семью, которое, однако, является косвенным и более сложным, чем раньше. Точно также современные «западные» представления о родстве сложно полностью уместить в понятие «взаимозависимого существования» из-за иного характера связи между человеком и его родственной сетью. Читая М. Салинза, невозможно уйти от ощущения, что в «незападных» представлениях о родстве, взаимозависимость достигается практически автоматически, являясь непреодолимым следствием сосуществования всех во всех. «Западные» представления о родстве, на наш взгляд, более тяготеют к признанию связи между индивидами через общую субстанцию, однако не столько сильно основаны на идее внеиндивидуального общего основания в качестве объяснения этой связи. Рассмотрение связи с общим предком или осознание дома как родового гнезда в качестве примеров реализации принципа взаимозависимого существования, на наш взгляд, все-таки являются упрощением самой категории, помещением ее в тот контекст, в котором она в полной мере не работает. Родство в «западных» представлениях видится не как общий наиндивидуальный паттерн, а скорее, как индивидуальная, частная система отношений наряду с другими. Возможно, именно об этом пишет М. Салинз, когда отмечает, что не надо путать родственную организацию в обществе с теми способами, которыми она реализуется

конкретными людьми (Sahlins 2013: 66). Однако на практике представляется не очень понятно, как это сделать.

Интересно, что в наибольшей степени близким по значению к сформулированному М. Салинзом принципу взаимозависимого существования становится, по его мнению, понятие «делимой личности» или «множественной личности» (*dividual person, multiple person*), предложенное М. Стразерн (Strathern 1988). М. Стразерн выстраивает свою работу так, чтобы отразить специфическое меланезийское понимание личности как сложной, множественной и составной и найти такой термин, который в наибольшей степени подходил для этой идеи. М. Стразерн, однако, разрабатывает эту идею именно применительно к меланезийскому обществу, и в определенной степени в противовес «западному» разделению и противопоставлению общества и индивида.

Португальский антрополог Ж. Пина-Кабрал, анализируя работу М. Стразерн, отмечает, что, несмотря на желание переопределить некоторые антропологические конструкты об индивиде и обществе в Меланезии с позиции индигенных трактовок, М. Стразерн, проводя жесткую границу между «западным» и «незападным» обществами, сама конструирует образ «западного общества» – как чего-то кардинально отличающегося от изучаемого меланезийского. Учитывая это, Ж. Пина-Кабрал добавляет, что «черты, которые М. Стразерн выделила для меланезийского общества, являются на самом деле гораздо более универсальными» (Pina-Cabral 2013: 264).

К аналогичному утверждению, но уже немного на другом материале приходит Дж. Карстен (Carsten 2007: 83-108). Она задается вопросом, можем ли мы найти черты множественной «незападной» личности в своем собственном поведении и представлениях. Дж. Карстен останавливается на трех примерах – дискуссии о возможности использования спермы умершего мужа (без его прижизненного разрешения) для зачатия ребенка его женой, донорство органов и поиски усыновленными детьми своих биологических родителей. Объединяет эти случаи то, что они демонстрируют, «как близкие родственные узы являются неотъемлемым свойством социальной конструкции личности»²⁰ (Carsten 2007: 83).

В случае с использованием спермы умершего мужа для зачатия ребенка главным видится столкновение юридического законодательства с мнением общественности. С одной стороны, суды различных инстанций в своих отказах руководствовались отсутствием, полученного при жизни письменного разрешения на использование спермы. С другой стороны,

²⁰ Интересно, что и М. Салинз, и Дж. Карстен, чтобы описать роль родственников в жизни друг друга и в формировании личности используют одно и то же слово «intrinsic», которое можно перевести, как внутренний, присущий, свойственный. Таким образом, оба автора пытаются выразить идею, что отношения родства не просто устанавливают связь с другим, сколько являются частью самого человека, качеством формирующим его и вырастающим из него.

родители мужа и многие официальные лица, так или иначе привлеченные к этой истории, выказывали поддержку и понимание желанию Дианы Блад сохранить память о муже таким образом. Дж. Карстен приводит одно из ее высказываний: «Я считаю, что я имею больше прав, чем кто бы то ни был на сперму моего мужа, и я отчаянно хочу его ребенка» (цит по. Carsten 2007: 98). В этом высказывании показательно утверждение о праве на другого человека-родственника или на то, что осталось после его смерти, и единодушное подтверждение этого права окружающими людьми, которое, как мы можем предполагать, возникает на основании супружеских отношений. Таким образом, родство формирует чувство принадлежности родственников друг другу, и в какой-то степени ставит под вопрос идею, что человек сам себе хозяин (Carsten 2007: 100).

Обращаясь к примеру с донорством органов, Дж. Карстен делает акцент не столько на связи и отношениях между родственниками, сколько на распространённые представления о том, что с пересадкой органов другого человека реципиент получает что-то от этого человека, что может привести к изменению поведения. Например, ссылаясь на работы своих коллег, Дж. Карстен описывает опасения пациентки перед пересадкой сердца, связанные с тем, что после операции она может чувствовать к своему жениху что-то иное, чем сейчас (Carsten 2007: 102). В данном случае видно, что, согласно существующим в нашем обществе представлениям, пересадка органов устанавливает связь между донором и реципиентом и создает множественную и сложную структуру личности последнего.

Ситуация поиска своих биологических родителей усыновленными в детстве, но уже выросшими людьми наиболее ярко иллюстрируют представления о взаимозависимости и внутренней присущности родственников друг другу. Дж. Карстен задается вопросом, что заставляет ее информантов искать своих биологических родителей в ситуации, когда у усыновленных хорошие отношения со своими приемными родителями, и есть уже собственные семьи и дети. Одной из основных причин поиска становится желание почувствовать себя «цельным», завершённым (to be completed) (Carsten 2007: 104). Биологические родители в данном случае рассматриваются информантами как часть себя, то есть то, что способно «дополнить» их до целого.

Если рассматривать предложенные Дж. Карстен случаи как примеры реализации принципа взаимозависимого существования (который обеспечивается сложной, составной структурой личности), то эти примеры не выглядят достаточно убедительно. Автор признает, что выбранные для рассмотрения ситуации являются «экзотичными» (Carsten 2007: 102). В этом смысле они хорошо иллюстрируют ту идею, которую предлагает Дж. Карстен, однако не дают понимания того, как это идея будет работать на менее экзотичных примерах, то есть, если

оставить в стороне случаи с использованием новых репродуктивных технологий, пересадкой органов и усыновлением.

Таким образом, М. Стразерн разрабатывает концепт составной и делимой личности, который применим для Меланезии и ряда других «незападных» стран. Дж. Карстен раздвигает границы понятия, предложенного М. Стразерн, и распространяет его на «западные» представления, иллюстрируя это примерами отдельных и специфических родственных практик. М. Салинз частично основываясь на понятии М. Стразерн, формулирует универсальный для всех обществ принцип взаимозависимого существования, работу которого преимущественно иллюстрирует примерами из «незападных» культур, то есть в той же степени экзотичными и специфическими для «западных» представлений, что и примеры Дж. Карстен для отношений родства в целом.

Р. Брайтман, комментируя работу М. Салинза, отмечает, что она представляет собой связующее звено между старыми и новыми исследованиями родства (Brightman 2013: 267). Написанная и изданная в 2011-2013 годах, она отличается от аналогичных работ и по стилю и объекту тяготеет к классическим антропологическим текстам, посвященным исследованию родства. М. Салинз не касается таких популярных тем, как исследование новых репродуктивных технологий, однополых отношений, гендера и не делает предметом анализа отдельные практики; большое количество разнообразных этнографических данных в его работе не представляют для М. Салинза важность сами по себе, а выступают инструментом для исследования принципов и паттернов родственной организации в обществе. Однако, в определенной степени, именно предпочтение исследования общего принципа в противовес частым практикам не дает однозначного понимания того, как этот принцип может реализовываться на практике в «западных» странах. Тем не менее, попробуем сделать несколько предположений, в чем может проявляться принцип взаимозависимого существования с учетом «западных» представлений и практик родства.

Во-первых, это общность крови или, если следовать логике М. Салинза, символическая значимость крови, как объединяющей субстанции, разделенной между родственниками. «Западные» представления об общности родственников по крови вполне вписываются в представление о связи человека не только со своими основными родственниками, но и с предками и потомками. Кровь как биогенетическая субстанция рассматривается не только как связывающая, но и подчёркивающая «представленность» родственной группы в человеке – например, в форме рассуждений о наследственности или о «дурной крови».

Во-вторых, поиск внешних сходств между родственниками и особенно между предками и потомками. В рамках этого процесса происходит утверждение связи и преемственности, а

также символическое «проявление» одного родственника в другом. Отличной, но действующей в той же логике, можно считать практику имянаречения в честь кого-то из родственников.

В-третьих, это представление о том, что родственники разделяют существование друг друга. С одной стороны, это может проявляться в логике общих воспоминаний о прошлом, где родственники являются частями одной и той же истории, которую невозможно вспомнить, не вспоминая каждого из них. В данном случае родственники не просто участвуют, а создают прошлое своими отношениями друг с другом. С другой стороны, разделяемое существование может проявляться и в настоящем – через повседневные взаимные практики общения. Например, это представление о кровной мести или о том, что сын в ответе за отца. Косвенно эта идея находит отражение в исследовании лондонских семей Э. Ботт. Она отмечает, что «родственники в определенной степени являются частью нас, а мы – частью их, даже если никогда не видели их» (Bott 1964: 149). Родственники часто чувствуют ответственность за действия своих родственников и разделяют эмоции так, как будто непосредственно принимали участие в каких-то действиях. Это представление обеспечивает общность и прочную связь, которая иногда существует в латентных формах, но активизируется при возобновлении отношений. Такое взаимопроникновение часто приводит к тому, что родственники становятся основой для сравнения и, следовательно, косвенно участвуют в формировании представлений человека о самом себе. В символическом плане эта общность простирается в пространстве и времени, объединяя людей за счет общих норм, ценностей, памяти об определенных событиях и схожих интерпретациях этих событий. Механизмы, создающие родство и родственные группы, это то, что позволяет чувствовать общность с тем, кто далеко или даже с тем, кто еще не родился. «Родственники – это то, что связывает нас с прошлым и будущим. Они создают чувство непрерывности. Родственники умрут, но семья, в широком смысле слова, будет продолжать жить» (Bott 1964: 149).

В-четвертых, одним из следствий разделенного родственного опыта является представление о множественности вкладов родственников друг в друга. Перефразируя М. Стразерн (Strathern 1988: 13), человек предстает как результат тех отношений, в которые он включен, причем не столько в форме суммы навыков и умений, сколько в логике определения себя через другого – создания представления о себе на основе непрекращающегося «диалога» с родственниками.

Выводы по второй главе

Во второй главе через линию «биологическое» – «социальное» представлен анализ различных подходов к определению родства. Способы концептуализации родственных отношений постепенно меняются, двигаясь от идеи универсальности биологической природы

родства через критические замечания по поводу этой идеи Д. Шнайдера и социально-конструктивистские взгляды на родство в направлении синтеза «биологического» и «социального» на новом уровне.

Подытоживая дискуссии об актуализации «биологического» или «социального» в паттернах родственных отношений, можно отметить следующее. С одной стороны, как бы ни было велико желание отнести отношения, возникающие на основе адапции, новых репродуктивных технологий и однополых отношений к сфере маргинального или нетипичного родства, эти отношения существуют и начинают играть все большую роль в современном обществе. Вынесение их за границы обсуждения – это защитная и консервативная позиция, предлагающая, не замечать все, что не вписывается в то определение родства, которое существует. Если родство – это, прежде всего, биология, и, если мы не готовы описать эти отношения через категории фиктивного или искусственного родства, тогда, что перед нами? С другой стороны, сторонники отказа от «натурализации» и «биологизмов» в родстве попадают в обратную ловушку: бесконечно расширяя понятие родства, они включают в него настолько разнообразные формы связанности, что оно становится аналитически бесполезным²¹. Есть и еще одно важное замечание в данном случае. «Социальность» родства, нивелирующая значение биологии, в подавляющем большинстве случаев описывается на «незападных» обществах, где кровь, например, символически трансформируется в материнское молоко, а далее в еду, скот, ружья, деньги и бумагу, объединяя тем самым очень разные группы людей (Hutchinson 2000). Сторонники этого подхода всячески отрицают возможность универсального понимания того, что значит быть связанным с кем-то, однако, знакомясь с такими исследованиями, трудно удержаться от попыток найти общее основание – если мы продолжаем называть все эти разнообразные формы одним общим термином «родство» – и ответ на вопрос, в чем знание о связи между кровью и ружьями может помочь в понимании родства, например, в европейских культурах. В свою очередь, когда мы обращаем свой взор на «западные» страны, то подавляющее число исследователей в рамках этого подхода исследует родство в областях новых репродуктивных технологий и однополых отношений, создавая странное ощущение, что «старых» репродуктивных отношений и кровного родства больше не существует. Учитывая это, перспектива, реализуемая в рамках данного исследования, предполагает, что в изучаемом социокультурном контексте паттерны родственных отношений представляют собой устойчивые формы взаимодействия с родственниками, основанные как на социокультурных механизмах поддержания родства, так и на придании значения кровному родству.

²¹ Описывая схожие проблемы, касающиеся расизма, Р. Майлз и М. Браун предложили понятие «концептуальной инфляции», которое, на наш взгляд, очень хорошо отражает ситуацию с категориями «родство» (Майлз, Браун 2004).

Глава 3. Социокультурные паттерны сиблинговых отношений

3.1 Теоретические перспективы исследования сиблинговых отношений в социологии и социальной антропологии

Братско-сестринские или сиблинговые отношения – одна из форм родственных отношений. Они являются примером горизонтального типа связанности членов родственной сети и включают в себя отношения между людьми, имеющими общих родителей или родителей, которые являются сиблингами. Категория тех, кого мы можем назвать «сиблингами», представляется достаточно неоднородной, а само понятие отсылает к очень разным по интенсивности, обязательности и частоте паттернам отношений: мы подразумеваем не только родных братьев и сестер, но и тех, кто состоит в двоюродных, троюродных и более удаленных формах горизонтального родства. На первый взгляд кажется, что сиблинговые отношения наряду с отношениями между родителями и детьми и супружескими составляют корпус базовых отношений для любого человека. Говоря «базовый», мы опираемся на структурные представления о родстве, в рамках которых человека с его родителями, сиблингами и супругом связывают отношения с одинаковым рангом родства. Однако уже даже при такой постановке вопроса начинает проявляться одна из важных черт сиблинговых отношений – их двойственность, амбивалентность: являясь базовыми по структуре, сиблинговые отношения в определенной степени не являются витальными для человека и человечества в современном мире. «Самые дальние среди близких», «слабо нормативно прописанные», «вторичные», «компенсаторные», «волюнтаристские» и «необязательные» – это наиболее частые характеристики, которые приписывают сиблинговым отношениям. Длительные, однако при этом очень часто существующие в латентной форме, сиблинговые отношения в том или ином варианте проходят через жизнь каждого человека, представляя собой капитал, который можно актуализировать в случае необходимости, однако очень часто остаются незаметными как для самого человека, так и для исследователей.

Общим местом всех социологических работ, посвященных исследованию братско-сестринских отношений, является утверждение о существенном недостатке работ по данной проблематике, особенно в сравнении с количеством исследований супружеских и детско-родительских отношений. Например, среди аннотаций к научным статьям по семейной тематике за период с 1990 по 2011, посвященных психологическим и социологическим аспектам родственных отношений, сиблинговые отношения упоминаются 741 раз, в то время, как родительские – 33990, брачные – 8685, дружеские – 5059 (McHale, Updegraff, Whiteman 2012: 914). Еще одно исследование тематики публикаций 13 научных журналов по геронтологии с 1990 по 1999 показывает, что тема сиблингов и в этом сегменте представлена

малым количеством публикаций: 2,6 % по сравнению с 10,1% и 7.8% публикаций, посвященных отношениям родители/дети и бабушки/дедушки-внуки соответственно (Allen, Blieszner, Roberto 2000: 912). Отечественные исследования, правда за более ранний период, подтверждают общую тенденцию. Так, М.С. Мацковским было проанализировано 3018 работ по проблемам семьи и брака, вышедшим в период с 1968 по 1983. Работы были разбиты на рубрики, чтобы выделить наиболее популярные темы и проанализировать динамику исследований по той или иной теме. Автор отмечает, что наибольшее количество публикаций касается таких тем, как: рождаемость и репродуктивное поведение; профессиональная деятельность женщины и положение женщины в семье; воспитание детей, взаимоотношение детей и родителей. В рамках нашего исследования интересно обратить внимание на темы, которые не были освещены в публикациях. Так, М.С. Мацковский пишет о трех подрубриках, которые остались пустыми: во-первых, положение мужчин в семье, во-вторых, отношение разведенных супругов и детей, и, наконец, взаимоотношение братьев и сестер. По поводу последней рубрики автор замечает, что «нельзя, думается, ограничить изучение семейного воспитания только родительским воздействием на ребенка и игнорировать то огромное влияние, которое оказывают друг на друга и на родителей дети» (Мацковский 1989: 9-10).

Те исследования сиблинговых отношений, которые существуют, также имеют свою специфику. Во-первых, значимую часть среди всех исследований сиблинговых отношений составляют психологические работы, в рамках которых изучается формирование личности ребенка под влиянием родителей, сиблингов и различных структурных показателей (пол, возраст, число сиблингов), а также процесс социализации в контексте конфликтов, соперничества и ревности между сиблингами (Goetting 1986: 703, Thelen, Coe, Alber 2013: 4). Во-вторых, акцент на исследования семейно-родственных отношений через категорию нуклеарной семьи приводит к тому, что сиблинговые отношения в детском возрасте проанализированы намного более полно, чем отношения взрослых сиблингов, которые ускользают от внимания исследователей (Goetting 1986: 703, Troll 1971: 263, Allan 1977: 177, White 2001: 555). В-третьих, в монографиях, посвященных родственным отношениям, сиблинговые отношения часто не рассматриваются отдельно и помещаются в контекст «других родственных отношений». Таким образом, например, исследования, посвященные отношениям между сиблингами во взрослом возрасте, до недавнего времени были единичными (см., например, Adams 1968, Young, Wilmont 1992).

Однако проблема, на наш взгляд, заключается не столько в малом числе исследований, сколько в очень большом разнообразии и неоднородности этих исследований. Выполненные в рамках разных методологий, на материале разных социальных и этнических групп, с разными и

плохо соотносящимися друг с другом единицами анализа, такими как – «частота контактов», «близость», «помощь», «отношения» – эти исследования представляют собой очень сложное в смысле опоры на него и общих выводов поле для анализа. Показателем пример сборника «The anthropology of sibling relations», в котором исследования, выполненные в логике социально-конструктивистского взгляда на родственные отношения, предваряются в предисловии рассмотрением принципа эквивалентности братьев А.Р. Рэдклифф-Брауна – принципа, который является очень важным в рамках структурно-функционалистского рассмотрения сиблинговых отношений, однако, кажется трудно интерпретируемым и излишним, если мы исходим из логики символического анализа и социального конструктивизма (Thelen, Coe, Alber 2013: 5). Хорошие обзоры социологических и антропологических исследований сиблинговых отношений, позволяющие увидеть, как менялись темы, направления и методология, также представляют собой редкость и обычно оказываются заменены краткими ссылками на работы, с помощью которых можно проанализировать полученный материал (как исключение – см. Ramu 2006: 3-20).

Чтобы не усиливать впечатление о фрагментарности поля сиблинговых исследований простым перечислением предыдущих работ, ниже мы представим обзор литературы, посвященной социологическим и социально-антропологическим исследованиям сиблинговых отношений в формате нескольких перспектив. Каждая перспектива дает возможность увидеть какой-то из аспектов сиблинговых отношений, нераскрытый в другой перспективе. Данный раздел не претендует на охват всех существующих направлений исследований; мы сосредоточимся на трех перспективах, которые в наибольшей степени раскрывают те темы и вопросы, которые являлись ключевыми в ходе нашего эмпирического исследования. В рамках первой перспективы мы проанализируем «синтаксис и грамматику» родственных отношений – так метафорически М. Фортес описал структурные подходы исследования родства, которые дают возможность ответить на вопрос, что определяет позицию индивида в структуре, и как эта позиция влияет на его отношения с другими индивидами. Вторая перспектива соединяет в себе символический и конструктивистский подходы и вырастает из культурного анализа, который был предложен Д. Шнайдером. В данном случае центральным становится вопрос создания, актуализации и постоянного переосмысления отношений в процессе взаимодействия. Третья перспектива, названная нами динамической, опирается на концепции жизненного пути и жизненного цикла и дает возможность проследить, как меняются отношения между сиблингами на протяжении жизни, и какие факторы влияют на эти изменения.

3.1.1 Сиблинговые отношения в пространстве «грамматики и синтаксиса»: структурная перспектива

Исследования родственных отношений, выполненные в рамках структурных подходов, представляют собой исторически первую и, наверное, наиболее длительную перспективу, которая доминировала в социальных исследованиях большую часть 20-го века. Исследования А.Р. Рэдклифф-Брауна, К. Леви-Стросса, Э. Эванс-Причарда, Дж. П. Мердока, Т. Парсонса, М. Фортеса, Р. Фирта являются классическими и обязательными для любого, кто начинает заниматься темой исследования родственных отношений. Интересно, однако, что среди достаточно разнообразных исследований, посвященных семье и родству, сиблинговые отношения достаточно редко становились основным предметом исследования. В этом смысле показательны работы А.Р. Рэдклифф-Брауна и К. Леви-Стросса (Рэдклифф-Браун 2001, Леви-Стросс, 2008). В 1941 году в обращении к научному сообществу Королевского антропологического института А.Р. Рэдклифф-Браун использовал понятие «элементарной семьи», которая, по его мнению, включает в себя «три особых вида социальных отношений: отношения между родителями и ребенком; отношения между детьми одних и тех же родителей (сиблингами); отношения между мужем и женой как родителями одного и того же ребенка (или общих детей)» (Рэдклифф-Браун 2001: 66). Элементарная семья рассматривалась британским антропологом как основная «структурная ячейка, на которой строится система родства» (Рэдклифф-Браун 200: 65). Несколькими годами позже К. Леви-Стросс, обращаясь к исследованиям родства, дает определение понятию, которое он назвал элементом или атомом родства: «...для существования структуры родства необходимо наличие трех типов семейных отношений, всегда существовавших в человеческом обществе, а именно: отношения кровного родства, отношения свойства и родственные отношения порождения – другими словами, отношения брата к сестре, отношения супруга к супруге, отношения родителей к детям» (Леви-Стросс 2008: 59). Эти отношения на первый взгляд кажутся идентичными тем, которые сформулировал А.Р. Рэдклифф-Браун. Интересно, однако, что К. Леви-Стросс выбирает иную структурную конфигурацию для них. Так, если для А.Р. Рэдклиффа-Брауна эти отношения проявляются в том, что он назвал «элементарной семьей», то К. Леви-Стросс рассматривает эти отношения в контексте модели авункулата. Последняя предполагает определённые отношения между братом матери и сыном сестры. К. Леви-Стросс достаточно убедительно показывает, что суть и специфика этих отношений может быть понята только в контексте рассмотрения отношений «не между двумя, а между четырьмя лицами: братом, сестрой, мужем сестры и сыном сестры» (Леви-Стросс 2008: 54), то есть в контексте отмеченных выше базовых отношений родства. К. Леви-Стросс объясняет включение брата матери в рассмотрение

базовых отношений родства универсальным запретом на инцест, в рамках которого жена – это всегда сестра или дочь другого мужчины, который уступает ее (Леви-Стросс 2008: 59-60). Таким образом, на первый взгляд, для обоих социальных антропологов фигуры брата и сестры являются базовыми в структуре родства. А.Р. Рэдклифф-Брауном также были сформулированы принципы единства сиблинговой группы и эквивалентности братьев, которые до сих пор часто упоминаются как исходная точка в антропологических исследованиях родства. Однако более внимательное изучение работ и А.Р. Рэдклифф-Брауна, и К. Леви-Стросса делает очевидным тот факт, что сиблинговые отношения рассматривались обоими скорее с точки зрения того результата, который они оказывали на брачные и межпоколенные отношения, которые значимы в теориях альянса и десцента, соответственно, нежели как центральный объект исследования (Thelen, Coe, Alber 2013: 5). Этот пример показателен в том смысле, что обозначает основную логику структурных исследований родства, которая предполагает определение объективных факторов, которые детерминирует положение человека в социальной структуре. Если в ситуации, рассмотренной выше, сиблинговые отношения выступали таким фактором, то в дальнейшем мы обратимся к тем работам, где обозначается круг факторов, влияющих на характер сиблинговых отношений.

В рамках структурных подходов часто можно встретить сравнение сиблинговых отношений с отношениями между родителями и детьми. Причем последние всегда рассматриваются как первичные и более строгие – в нормативном плане – чем вторые (Cumming, Schneider 1961, Goetting 1986: 703, White 2001). Это приводит к утверждению о том, что сиблинговые отношения являются второстепенными и выходят на первый план только в форме компенсаторной функции, то есть при отсутствии родителей, детей и супругов. Разнообразие исследований по этому поводу, как и необходимость учитывать не только семейное положение, но и другие факторы не дает однозначного ответа на этот вопрос. Ряд исследователей указывают на то, что число контактов между сиблингами увеличивается после развода или вдовства одного из них (Connidis 1989a: 440, Rosenberg, Anspach 1973: 111, Young, Wilmont 1992: 78). Другие указывают на то, что в определенных ситуациях братья и сестры могут предпочесть своего сиблинга супругу или родителю (White 2001: 566). Анализируя паттерны оказания помощи среди сиблингов, Л. Кэмпбелл с соавторами тестирует три модели поддержки: иерархически компенсаторную, целеориентированную и функционально специфичную (Campbell, Connidis, Davies 1999). Первая предполагает строгое разделение отношений на первичные / второстепенные и обращение к последним только в случае отсутствия первых. Вторая модель предполагает, что разные типы помощи связаны с разными типами отношений. Третья основывается на предположении о том, что характер отношений,

которые складываются на протяжении жизни, а не строго закрепленные представление о первичности или второстепенности каких-то отношений, влияет на то, к кому сиблинг обратиться за помощью. В результате, автор приходит к выводу, что в некоторых случаях вторая, а в большинстве случаев третья модель наиболее адекватно объясняет паттерны оказания и принятия помощи среди сиблингов, опровергая тем самым положение сиблинговых отношений как второстепенных.

Еще один интересный сюжет, связанный со структурным взглядом на сиблинговые отношения, касается базовых характеристик, которые объединяют или разъединяют сиблингов. Можно выделить два основных модуса. Первый обычно касается отношений между однополыми сиблингами и описывается через такие категории, как «сходство», «равенство», «эквивалентность», «замещение». При этом, подчеркивая амбивалентный характер сиблинговых отношений, некоторые авторы обращают внимание на то, что рассматриваемые как структурно равные – из-за принадлежности к одному полу и поколению, эти отношения все равно содержат внутреннюю иерархию, которая определяется через категории «старший/младший». Второй модус обычно касается отношений между разнополыми сиблингами и описывается с помощью категорий «комплементарность», «союз», «дружба», подразумевая, что «человек является абсолютно незавершенным без наличия сиблинга другого пола, который может делать то или быть тем, кем сам сиблинг быть не может» (Huntsman 1981: 87). Таким образом, сиблинги одного пола – это те, кто похожи – структурно(!) – друг на друга и поэтому могут символически рассматриваться как замена друг другу, а сиблинги разных полов за счет отличия друг от друга могут дополнять друг друга и формировать союз. Во многом именно с идеей дополнения друг друга связан другой классический и хорошо описанный антропологами паттерн поведения – кросскузенный брак, который Д. Поллак очень точно выразил через формулировку, «что значит быть супругом тому, кто тебе сиблинг?» (Pollock 1985: 9). Таким образом, паттерны различия и сходства очень четко указывают на те диакритики, которые представлялись значимыми в рамках социальных структур – поколение, возраст, пол. Интересно, что идея амбивалентность сиблинговых отношений, то есть одновременного равенства, неравенства и комплементарности нашла применение за границами структурных подходов. Ю. Паули, например, подводя итог анализу историй двух пар сестер, сопоставляет отношения внутри пар и между парами, используя категории сходства, различия, иерархии и зеркальности (Pauli 2013: 48). К таким же механизмам прибегает Р. Эдвардс и ее соавторы, задавая вопрос о том «является ли сиблинг кем-то, кто похож на тебя благодаря связи и общности или отличным от тебя из-за отделения и различий» (Edwards, Hadfield, Lucey, Mauthner 2005: 14). Таким образом, категории, которые на первый взгляд кажутся плохо

применимыми для анализа городских повседневных практик родства, на самом деле дают очень интересную перспективу анализа сиблинговых отношений через сходства и различия сиблингов не только по объективным показателям, но и по субъективным ощущениям.

Если возвращаться к структурным характеристикам, влияющим на характер отношений между сиблингами, то таковой безусловно является пол. Большинство исследователей сходятся во мнении, что, во-первых, женщины больше, чем мужчины вовлечены как в родственные отношения вообще (Cumming, Schneider 1961, Yanagisako 1977), так и в сиблинговые отношения в частности, а, во-вторых, отношения между сестрами характеризуются большей близостью, большей частотой контакта и обсуждения важных тем, большим доверием и помощью, чем отношения между братьями и братьями/сестрами (Adams 1968, Gold 1989, Descartes 2007). Некоторые исследователи отмечают, что отношения между однополыми сиблингами ближе, чем между разнополыми, но все равно делают акцент на отношениях между сестрами как на самых близких отношениях (Allan 1977, Connidis 1989a, Crenner, Dechaux, Herpin, Jacobs 2002). Д. Свитцер связывает сиблинговую близость с характером труда, показывая на примере братьев, вырастающих на фермах, что совместный труд во взрослом возрасте, то есть совместная занятость, способствует сближению братьев (Sweetser 1970).

Еще одна характеристика, которая оказывает влияние на тип и характер общения между сиблингами, – это физическая дистанция. Здесь важно отметить, что физическая дистанция безусловно влияет на характер и частоту контактов, однако последнее не всегда однозначно связано с качеством отношений, таким образом физическая дистанция и качество сиблинговых отношений не обязательно прямо связаны друг с другом. Если говорить о частоте контактов, то и здесь есть определенные уточнения. Так, Дж. Лайт настаивает на некорректности использования формулировки «частота контактов» без уточнения, о каких контактах мы говорим (Leigh 1982: 199, также о разных категориях измерения сиблинговых отношений см.: Wilson 1993: 704). И. Коннидис своим исследованием, по сути, подтверждает эту идею, показывая, что с увеличением дистанции уменьшается число личных встреч и телефонных разговоров, а число контактов через почту – увеличивается (Connidis 1989a). Вывод, безусловно, лежащий на поверхности, однако подтверждающий идею о необходимости более точно формулировать типы контакта. Физическая дистанция может рассматриваться как показатель близости сиблинговых отношений, так как ряд исследователей отмечают, что, несмотря на однозначно негативный эффект, который дистанция оказывает на число контактов, она может преодолеваться, если отношения близкие (Allan 1977: 182). Б. Адамс уточняет это положение, добавляя, что, скорее, это свойственно отношениям между сестрами (Adams 1968: 95-103). По мнению Э. Креннер и ее коллег, физическая дистанция также является показателем

относительно нормативной слабости сиблинговых уз, так как расстояние, разделяющее родителей и детей, преодолевается последними намного чаще, чем то же расстояние, если оно разделяет сиблингов (Crenner, Dechaux, Herpin, Jacobs 2002). В целом физическая дистанция признается исследователями как один из самых значимых факторов, влияющим на частоту контакта между сиблингами, но не на качество самих отношений.

На характер отношений между сиблингами также оказывает влияние численность сиблинговой группы. В психологических исследованиях уделяется большое внимание этой переменной, и в первую очередь исследуется вопрос влияния числа сиблингов на интеллектуальное развитие и образовательные стратегии сиблингов. Социологические исследования показывают, что, когда число сиблингов больше двух, отношения описываются как менее близкие, однако более ориентированные на поддержку друг друга (Descartes 2007). При этом в многодетных семьях отношения между сиблингами, скорее можно описывать как распадающиеся на диады. Например, Р. Фирт и его коллеги, отмечают, что при наличии нескольких братьев и сестер каждый сиблинг скорее находится в хороших и близких отношениях с кем-то одним, нежели со всеми (Firth, Hubert, Forge 1969: 435). Интерес также представляют выводы Э. Креннер о том, что частота контактов взрослых сиблингов зависит от длительности совместного проживания до разделения. Причем значение совместного проживания падает с возрастом: чем старше человек, тем менее важно для частоты контактов с сиблингом, сколько до этого они жили вместе. Анализируя численность сиблинговой группы, автор показывает, что чем больше сиблингов, тем больше им нужно времени прожить вместе, чтобы потом поддерживать регулярный контакт (Crenner, Dechaux, Herpin, Jacobs 2002). В целом в социологических и антропологических исследованиях численность группы сиблингов не часто фигурирует как значимая для отношений переменная.

Достаточно большой пласт структурных исследований сиблинговых отношений составляют те, в которых анализируется влияние расовой, этнической или культурной идентичности сиблингов, а также социокультурного контекста в целом на отношения сиблингов (Weisner 1993, Cicirelli 1994, Joseph 1994). Общая идея в данном случае заключается в попытках выделить паттерны родственных отношений, которые можно было бы обозначить как культурно-специфические или находящие свое основание в культурных, расовых или этнических характеристиках. К. Джонсон, например, анализирует итальянские семьи в США, сравнивая сиблинговые отношения в семьях, где оба супруга имеют итальянское происхождение с тем, где либо только один из супругов является выходцем из Италии, либо оба супруга не имеют итальянских корней (Johnson 1982). Автор указывает на то, что коллатеральный принцип организации способствует поддержанию отношений с сиблингами в

изучаемой группе, а через них с другими коллатеральными родственниками и детьми сиблингов. Анализируя значение различных структурных переменных, автор отмечает, что, хотя физическая дистанция не оказывается напрямую связана с качеством отношений, тем не менее американские итальянцы предпочитают селиться достаточно близко друг другу – в одном здании или по соседству. В целом исследование показывает, что итальянские семьи в США более вовлечены в активные отношения с родственниками, чем другие изучаемые группы, сиблинговая солидарность с большой вероятностью сохраняется, несмотря на смерть родителей и изменения в социальном положении сиблингов. Прочные отношения между сиблингами автор также связывает с культурно-специфическими моделями воспитания, предполагающими иерархичность и строгость, которая ведет к формированию сиблинговых коалиций в детстве и сохранению близких отношений во взрослом возрасте. Д. Шанс и М. Форпостел анализируют характер сиблинговых отношений у разных этнических групп, проживающих на территории Нидерландов (Schans, Voorpostel 2011). За основу для сравнения авторы принимают разделение на коллективистские (неиндустриализированные, развивающиеся) общества, для которых характерна «культура связанности», то есть представление о том, что родственные отношения имеют большое значение и на «западные» общества (индустриализированные, развитые) для которых характерна «культура обособленности», предполагающая менее значимую роль родственных отношений в жизни людей. Группы мигрантов, проживающих на территории Нидерландов, – марокканцы, турки, и выходцы из стран Карибского региона – рассматриваются авторами как представители «культуры связанности», в то время как местное население Нидерландов – как пример «культуры обособленности». В результате авторы приходят к выводам о том, что сиблинговые отношения у голландцев и иммигрантов различаются как по характеру, так и по структуре, отмечая большее число сиблингов, существенно более интенсивное взаимодействие между сиблингами и большее число конфликтов среди иммигрантских групп, даже несмотря на физическую дистанцию, то есть на то, что сиблинги могут быть разделены границами государств. Суммируя информацию об исследованиях такого рода, надо отметить, что изучение влияния «этнической» переменной, особенно на примере мигрантских сообществ, представляет собой сложную задачу, потому что требует учета большого количества дополнительных факторов, например, таких как культура принимающего сообщества, поколенческий аспект (мигрант первого/второго/третьего поколения), брачные стратегии (смешанные браки / моноэтнические браки), наличие родственников в стране исхода и поддержание отношений с ними, личностные характеристики индивида и другие. В целом, несмотря на то, что определенные культурно-специфические паттерны родственного поведения существуют, вопрос, скорее, заключается в том, насколько в современных условиях, когда мир

глобален и мобилен, мы можем выделить эти паттерны как неизменные и существующие не только на уровне нормативных представлений, но и на уровне практического поведения.

Пол, размер сиблинговой группы, физическая дистанция, а также этническая идентичность рассматриваются многими авторами, работающими в рамках структурной перспективы, как базовые характеристики, определяющие отношения между сиблингами. Несомненным плюсом структурных подходов к исследованию сиблинговых отношений является возможность сравнения отношений по ряду показателей, а также выявление корреляции между переменными. Однако структурная перспектива, в первую очередь, ориентирована на рассмотрение сиблингов как узлов, точек или элементов, которые могут быть описаны с помощью достаточно универсальных законов. В следующих параграфах мы обратимся к иным перспективам, которые позволяют увидеть сиблинговые отношения как личные контекстуальные истории, возникающие в результате того, что отношения постоянно создаются, переосмысляются и изменяются на протяжении жизни.

3.1.2 Символические аспекты сиблинговых отношений: конструктивистская перспектива

В послесловии к сборнику, посвященному исследованию сиблинговых отношений в Океании, Д. Шнайдер пишет о том, что одной из характеристик культурного анализа является необходимость ставить вопросы к «испытанным временем, но плохо или недостаточно определенным понятиям» (Schneider 1981: 398). И хотя в данном случае Д. Шнайдер имеет в виду такие категории, как «десцент», «клан», «генеалогия» и другие, тем не менее это утверждение в полной мере относится и к понятию «сиблинговые отношения», если рассматривать его в рамках символического подхода. Используя понятия «культурный анализ», «символический подход» и «конструктивистская перспектива» вместе, мы подразумеваем, что существует целый пласт исследований братско-сестринских отношений, основанных на представлении о том, что сиблинговые отношения не столько *существуют* как результат биологической общности, сколько *создаются* через социальную общность, то есть сиблингами не рождаются, а становятся в процессе повседневного взаимодействия. (Thelen, Coe, Alber 2013: 2). Для исследователей, следующих путем культурного анализа родства в версии Д. Шнайдера, оказывается очень важным акцентировать внимание на небιологических основаниях связанности родственников вообще и сиблингов в частности. Такая перспектива предполагает поиск ответа на вопрос, что, если не биология, создает отношения между сиблингами.

Одним из механизмов, создающим эти отношения, является общий разделяемый опыт в прошлом и настоящем. Дж. Хантсмен, на примере жителей Токелау показывает, что «быть выращенным вместе достаточно для того, чтобы рассматривать другого как сиблинга»

(Huntsman 1981: 83). Ю. Паули приводит конкретный пример для этого утверждения, подробно описывая жизнь двух сестер, которые, с точки зрения генеалогии являются тетей и племянницей, однако подчеркивают, что росли вместе, и это создает между ними сестринские отношения (Pauli 2013: 29-50). Общий дом, еда, игры, наказания формируют базис для отношений в будущем. Данный пример показателен тем, что общий разделяемый опыт оказывается сильнее отношений, заданных генеалогией. Однако верно и обратное – отсутствие общего разделяемого опыта может провести границу между теми, кто генеалогически близок друг к другу. Ю. Паули рассуждает о разнице в возрасте как возможном факторе для отсутствия общего опыта, также отмечая, что даже опыт вырастающих вместе братьев и сестер может быть очень разным, если это опыт «младшего» и «старшего». Таким образом, важным становится не только факт разделения опыта, но и переживание каких-то событий, находясь на одинаковых позициях. Именно в этом смысле в развитии отношений старших сестер друг к другу, например, может играть роль не только общий опыт сестринства вообще, но и разделение обязанностей по заботе о младшей сестре. К. Коу развивает эту идею, отмечая, что генеалогически сиблинги принадлежат к одному поколению, однако могут расти в абсолютно разных экономических, политических и социальных условиях, что делает их членами разных культурных поколений (Сое 2013: 125). Таким образом, общий разделяемый опыт является возможным, но далеко не обязательным атрибутом совместного взросления.

Сиблинговые отношения, как и любые другие родственные отношения, постоянно находятся в процессе формирования и переосмысления. В этом смысле во взрослом возрасте они создаются и воссоздаются не меньше чем в детском, однако меняются механизмы и паттерны общения. Детская возможность практически каждодневного разделения опыта с сиблингом уступает место более редким контактам, в рамках которых создаются устойчивые каналы для взаимопомощи, обмена информацией и эмоциями. Г. Аллан отмечает, что сиблинги принимают достаточно ограниченное участие в жизни друг друга, которое можно охарактеризовать выражением «держать руку на пульсе». В этом смысле отношения поддерживаются ради самих отношений в форме взаимных домашних визитов с обсуждением общих интересов (Allan 1977: 179). Л. Декарт, анализируя паттерны оказания и принятия помощи среди сиблингов, указывает на реципрокацию как на важную черту таких обменов. М. Салинз, разрабатывая концепцию реципрокации, рассматривал три ее возможные формы: генерализованную, сбалансированную и негативную, из которых нас в данном случае интересует две (Салинз 1999). Первая, которая представляет альтруистические формы обмена, где формат и сроки возврата не оговариваются, по мнению М. Салинза характерная для родственников и близких друзей. Вторая, которая является более строгим обменом с

обозначенными сроками возврата, распространяется на менее близких, чем родственники людей. Л. Декарт, однако, предполагает, что из этих двух типов реципрокации отношения сиблингов скорее могут быть описаны с помощью сбалансированной реципрокации, нежели с помощью генерализованной, которая характерна для отношений между родителями и детьми. Используя эту идею, автор показывает, что именно «ожидание сбалансированной реципрокации» (Descartes 2007: 313) составляет основу прочных и позитивных отношений между сиблингами. В то время, как регулярное нарушение сбалансированности в принятии и получении помощи, скорее, ведет к напряжению в отношениях, причем с обеих сторон. Исключение составляют те случаи, когда несбалансированная реципрокация предполагается самими отношениями, как, например, происходит в случае, когда старший сиблинг на регулярной основе в течение какого-то времени помогает младшему. Отсутствие адекватного возврата в данном случае не влияет на качество отношений. Таким образом, система регулярных, но не обязательно очень частых взаимных обменов формируют социальное пространство сиблинговых отношений во взрослом возрасте в отличие от детского, в котором присутствует разделение общего повседневного опыта.

Процесс создания отношений сиблингами зависит не только от них, но и от их родственников, или, другими словами, от той родственной сети, в которую включены сиблинги (Allan 1977, Сое 2013, Alber 2013). В данном случае можно обратить внимание на три момента. Во-первых, сиблинги могут выстраивать свои отношения через кого-то третьего – чаще всего через родителей. Роль родителей в отношениях сиблингов даже во взрослом возрасте отмечается многими исследователями. Так, например, родительский дом может являться местом наиболее частых встреч взрослых сиблингов. Кроме того, совместная забота о родителях и помощь им составляет важный и отличный от других паттерн в жизни взрослых сиблингов, который может иметь разные вариации: от сближения за счет совместной заботы до конфликтного поведения из-за неравного участия или различных представлений о форме заботы.

Во-вторых, родство выступает как «сеть социальных отношений, где каждые отношения ограничивают и структурируют другие отношения» (Allan 1977: 180). Таким образом, сиблинговые отношения, как и любые другие отношения родства, являются результатом предыдущих и настоящих «вкладов» в эти отношения не только самих сиблингов, но и их родственников. Этот тезис хорошо иллюстрирует исследование Э. Альбера с соответствующим названием – «В чаще межпоколенных сиблинговых отношений» (Alber 2013). Ссылаясь на работу М. Фортеса, посвященную сетям родства у талленси, автор показывает, что именно сиблинговые отношения пронизывают все остальные отношения между родственниками и

являются тем фактором, который превращает сеть в чашу. В центре исследования автора – история жизни Дамилы, молодой девушки из северного Бенина, судьбу которой Э. Альбер прослеживает через призму различных сиблинговых отношений: матери Дамилы и ее брата, жены брата матери и ее сестры, самой Дамилы и ее брата. Таким образом, автор показывает, что события, который происходят в жизни Дамилы в очень малой степени зависят от ее собственных решений и во многом являются результатом очень сложных сиблинговых отношений, которые построены на взаимных правах и обязанностях и могут принимать очень разные конфигурации в разные периоды жизни.

В-третьих, родственная сеть выступает как пространство норм и правил, формируя мировоззренческую систему всех участников. Исследование Э. Ботт не касается непосредственно сиблингов, однако, изучая супружеские отношения, она показывает, что характер родственной сети может влиять на то, каким образом супруги выстраивают отношения между собой, а также усваивают старые и формируют новые семейные нормы (Bott 1964). Для описания степени связанности родственной сети автор вводит два понятия: сплоченная сеть (close-knit) и разобщенная сеть (loose-knit). Первый тип сети подразумевает большое количество контактов между родственниками, второй – малое. Э. Ботт предполагает, что тип организации семейной деятельности и характер связанности сети родственников являются взаимосвязанными: для семей с высокой степенью разделения супружеских обязанностей характерна сплоченная родственная сеть, а для семей с общими, неразделенными семейными обязанностями характерна разобщенная родственная сеть (Bott 1964: 59-60). Сплочённая родственная сеть формирует у человека привычку регулярно общаться с родственниками и рассматривать их как источник поддержки. Если будущие супруги растут, окруженные сплоченной сетью, то даже после вступления в брак привычка обращаться к родственникам скорее, чем к супругу формирует разделение супружеских обязанностей, подразумевающее, что жена выполняет свои обязанности и использует при этом помощь, советы и представления своих родственников, а муж – своих. Таким образом, в определённом смысле, нуклеарная семья не представляет собой единого образования, а дробится, оказываясь включенной в разные сети супругов. Существенную роль в этом играет и то, что в сплоченной сети регулярное общение родственников между собой создает строгий единый свод правил и представлений, о том, как надо себя вести и набор заданных реакций на то или иное поведение. В результате при вступлении в брак у человека есть четкое представление о том, как должна быть организована жизнь семьи, и эти правила во многом продолжают реализовываться супругами при совместной жизни, однако, каждым – в отношении своих обязанностей. В случае с разобщенной родственной сетью, когда родственники мало общаются друг с другом, формируются

разнообразные нормы и представления, которые не сводятся воедино. Следовательно, при вступлении в брак, человек, выросший в окружении разобщенной родственной сети, более свободен в выборе норм семейной жизни и не находится под давлением. По мнению Э. Ботт, это приводит к тому, что супруги оказываются перед выбором, каким правилам следовать, и это формирует их собственное и совместное представление о тех или иных нормах, что и создает основу для совместного выполнения семейных обязательств. Кроме того, человек, выросший в разобщенной родственной сети, не так склонен полагаться на своих родственников, поэтому помощь и поддержку он скорее, будет искать не в своей родственной сети, а в супруге. Таким образом, в данном случае новая нуклеарная семья рассматривается супругами как первостепенная по отношению к родственным группам, из которых они вышли. Выводы, к которым приходит Э. Ботт относительно влияния типа родственной сети на характер отношений членов этой сети, во многом могут быть применены и к сиблинговым отношениям. Можно, например, предположить, что в сплоченной и разобщенной сетях семейные нормы будут иметь различное значение и влияние на сиблингов: в первом случае – объединять сиблингов между собой и с другими членами семьи, во втором случае – разъединять сиблингов, если последние будут перенимать нормы, предложенные супругами.

В рамках культурного анализа особенно, если следовать направлению, предложенному Д. Шнайдером, изучение норм как культурных конструктов имеет решающее значение. Отказ от биологии как общего для всех культур фактора, образующего родство, предполагает невозможность универсального понимания того, что значит быть сиблингом и необходимость рассматривать эту категорию как культурно-специфическую. Таким образом, возникает целый пласт исследований, направленных на поиски того, что значит быть сиблингом, то есть что «братство» и «сестринство» (siblingship) представляет собой на уровне нормативных представлений в разных культурах. Хорошим примером такого подхода является сборник текстов, посвященный исследованию братско-сестринских отношений в Океании, в котором авторы подробно анализируют терминологию родства, чтобы показать, какое наполнение получает категория «сиблинг» у разных этнических групп (Siblingship in Oceania 1981). Другой пример предлагает Б. Боденхорн, анализируя «Nukaaluk» – тип отношений среди иньюпиатов, который может быть переведен как «младший брат». В эту категорию попадают, во-первых, сиблинги, рожденные одной женщиной, во-вторых, сиблинги, связь которых установлена через усыновление одного из них, и, в-третьих, дети людей, хоть раз вступавших в сексуальный контакт. В последнем случае необязательно, чтобы дети, которые признаются как «Nukaaluk», были рождены вследствие этого сексуального контакта: «такое братство обычно устанавливается между всеми потомками двух людей, которые имели сексуальный контакт и

признали это публично» (Bodenhorn 2000: 136). Автор отмечает, что обязательства братьев по отношению друг к другу абсолютно равноценны и не зависят от того, каким из трех выше упомянутых путей они были приобретены (биологическим или социальным). Интересно, что формирование такого братства на уровне детей, не обязывает к каким бы то ни было прочным или постоянным отношениям их родителей. Ссылаясь на предыдущие исследования, Б. Боденхорн предлагает рассматривать две группы родственников: те, связанность с которыми неоспорима («non optative») и те, связанность с которыми зависит от поддержания самих отношений («optative»). К первой группе автор относит родителей, бабушек/дедушек и сиблингов, а ко второй – «всех остальных – родственников, которые являются родственниками, потому что они и вы действуете как родственники; если эти действия прекращаются, то и отношения прекращаются также» (Bodenhorn 2000: 136). Термин «Nukaaluk» может быть рассмотрен как частный вариант описания отношений во второй группе: признания все своих братьев не является обязательным, а зависит от взаимно поддерживаемых отношений. На этом примере хорошо видно, что отношения между братьями зависят от осознанного выбора, который делает человек – актуализировать и поддерживать эти отношения или нет.

Если Д. Шнайдер, а за ним и Р. МакКинли (McKinley 1981), анализируя нормативные представления о родстве и сиблингах, целенаправленно разделяют нормы и практики, акцентируя свое внимание на первых, то другие исследователи задаются вопросом о том, как нормы и практики связаны между собой. Г. Аллан, отмечает, что существование культурных представлений о том, что сиблинговые отношения должны сохраняться, не означает, что эти отношения должны быть очень активными или близкими (Allan 1977). А Х. Обендик обращает внимание на то, что «утверждение «конечно, я помогу своим сиблингам!» ... часто отражает только нормативные представления и ограничено случаями крайней необходимости» (Obendick 2013: 108). Таким образом, авторы указывают на очень важное различие, которое Р. МакКинли описал как разницу между «идеями-концептами», с одной стороны, и «действиями-событиями», с другой стороны – разницу, которая имеет решающее значение при исследовании любых социальных отношений (McKinley 1981: 342). Таким образом, то, что существует на уровне представлений и то, что существует на уровне действий, не напрямую связано друг с другом; характер связи между нормами и практиками должен проблематизироваться и становиться предметом исследования. Кроме того, на примере сиблинговых отношений нормативные представления и практическое поведение могут отражать разные уровни связанности между братьями и сестрами, когда «их отношения базируются не на общем разделенном опыте, а скорее на «взаимной привязанности и идентификации», а особенно на «узах неизбежных моральных обязательств, требующих поддерживать друг друга ... независимо от особенностей

личности и характера» (Сое 2013: 131). Из приведённой цитаты хорошо видно, что отношения между сиблингами могут быть построены, как на практиках общения, так и в большей степени на нормативных представлениях об общности.

Проанализированные с точки зрения норм и правил и лишённые биологического основания, сиблинговые отношения часто сопоставляются исследователями, развивающими конструктивистскую перспективу, с дружескими отношениями (Marshall 1977, Kirkpatrick 1981, McKinley 1981, Connidis 1989б, Allan 1996, Mauthner 2005, Geest 2013). Такое сопоставление становится возможным в силу относительно свободного характера сиблинговых отношений, проявляющегося в том, что сиблинги, как и друзья, сами выбирают поддерживать отношения между собой или нет. Таким образом, сиблинговые отношения в определенной степени нарушают правило, что родственников не выбирают. Однако такая перспектива представляется немного однобокой, прежде всего, потому что принимает во внимание скорее поведенческий и эмоциональный аспекты отношений, оставляя в стороне, как незначимый нормативный аспект и тем самым постулируя возможность полностью нивелировать биологическую связанность. Более интересным представляется возможность рассматривать дружбу как один из возможных паттернов, который не замещает сиблинговые отношения, а создает социальный уровень этих отношений. Дж. Кирпатрик очень точно выражает эту мысль, отмечая, что «родство – это начальная точка для взаимодействия, в то время как дружба – результат этого взаимодействия (Kirkpatrick 1981: 22).

Таким образом, символическая и конструктивистская перспективы, объединенные вместе, представляют важный, однако, отчасти проблематичный вариант трактовки сиблинговых отношений. К безусловным плюсам можно отнести внимание исследователей к процессуальному характеру сиблинговых отношений, к тому, как они постоянно пересоздаются на основе отдельных повседневных актов интеракции. Однако попытки частично или полностью «вычеркнуть» биологические основания сиблинговых отношений, особенно при переносе этой логики на «западные» культуры, где кровное родство составляет ключевой символ родственных отношений, выглядят не совсем правомерно. Если следовать культурно-специфическому пониманию того, что такое родство, то есть логике, что за родство мы должны принимать то, что считается таковым в исследуемой культуре, игнорирование биологической связанности родственников прямо противоречит этому утверждению, навязывая значимость социального там, где она абсолютно не однозначна и не очевидна.

3.1.3 Сиблинговые отношения в контексте жизненного пути: динамическая перспектива

Как мы отмечали выше, в рамках структурных подходов акцентируется внимание на позиции индивида среди других, однако при этом от внимания исследователей ускользает динамический аспект отношений, а именно то, что они постоянно изменяются под воздействием разных факторов. Изменчивость на протяжении жизни, вариативность в формах проявления, волнообразный характер – все это черты сиблинговых отношений, которые создают их специфику. Взаимозависимость сиблингов и их жизней придает этим изменениям особое значение: то что происходит с одним, влияет на то, что происходит с другим, «они отражают друг друга»²² (Pauli 2013: 48).

Динамическая перспектива при исследовании сиблинговых отношений возникает, прежде всего, потому что эти отношения рассматриваются как самые продолжительные среди близких родственных отношений (Сое 2013: 124-125). Ю. Паули, предваряя свое исследование о сестрах, отмечает, что «в отличие от родителей, которые обычно умирают в то время, когда сам человек еще жив, в отличие от мужа, который появляется в жизни женщины уже после периода детства и юности, в отличие от ее детей, которые, скорее всего, переживут ее, сестры или братья – это те, у кого есть возможность быть рядом в течение всей жизни человека» (Pauli 2013: 31). Из продолжительности сиблинговых отношений вытекает тот факт, что братья и сестры часто становятся свидетелями, наблюдающими за одними и теми же событиями, происходящими в жизни друг друга. Степень вовлеченности в жизнь друг друга, как и характер отношений, может разниться от случая к случаю, однако только сиблинг «понимает и знает, на что это похоже – расти в той семье, с теми родителями и в тех условиях», в которых вырос ты сам (Viglione 2013: 18, 21).

С продолжительным и изменчивым характером сиблинговых отношений связана еще одна их особенность – гибкость. Это проявляется в том, что сиблинговые отношения могут принимать очень разные формы. Они могут строиться на основаниях схожих с дружбой, когда сиблинги выступают как равные участники отношений или поддерживаться в форме родительской заботы, когда в случае большой разницы в возрасте один из сиблингов берет на себе ответственность за другого (Thelen, Сое, Alber 2013: 3; Goetting 1986: 705). При этом либо одна из форм может преобладать на протяжении всей жизни, либо несколько форм могут ситуативно (или в разные периоды жизни) менять и дополнять друг друга. Таким образом, сиблинговые отношения предстают достаточно свободным по содержанию пространством

²² Эта черта является характерной не только для сиблингов, но и для все родственников, и может быть описана как «взаимосвязанные жизни» (Elder 1994: 6).

взаимоотношений, которое может принять ту форму, которая необходима человеку в данный момент.

Исследователи отмечают латентность или потенциальность в качестве основной формы существования сиблинговых отношений: братья и сестры могут не активно общаться друг с другом, однако знать, что в случае необходимости они всегда могут обратиться к сиблингу за помощью. Э. Альбер хорошо иллюстрирует эту идею на примере ситуации с девушкой, которая испытывая трудности, обратилась за помощью к брату – «потенциальному ресурсу, который можно мобилизовать в особой ситуации» – хотя и не знала его до этого (Alber 2013: 87).

Изменчивость как черта сиблинговых отношений скорее касается поведенческого уровня, нежели нормативного. Р. Фирт делает интересное замечание в отношении сопоставления ролей детей по отношению к родителям, с одной стороны, и сиблингов друг к другу, с другой. Так, первые роли достаточно кардинально меняются на протяжении жизни – от детей, зависимых от родителей в детстве, к родителям, зависимым от детей во взрослом возрасте. При этом сиблинговые роли – если оценивать именно нормативный аспект – остаются в целом одинаковыми или меняются незначительно (Firth, Hubert, Forge 1969: 425-426). Возможно, именно в сравнении с относительно стабильными нормативными представлениями изменения в поведении сиблингов в отношении друг друга кажутся особенно заметными.

Многие исследователи фиксируют изменения в сиблинговых отношениях с возрастом. Например, А. Гёттинг изучала, чем различаются отношения между братьями и сестрами на разных стадиях жизненного цикла с точки зрения форм общения (Goetting 1986). Она показывает, что для детского и юношеского возраста характерен постоянный контакт между сиблингами, дружественная и эмоциональная поддержка, объединение усилий для решения проблем. В этот период жизни на старших сиблингов накладывается обязанность заботы о младших, первые могут частично выступать как замена родителей, когда это требуется, формируя тем самым паттерн «старший-младший». Взрослый возраст существенно меняет, как формы, так и характер отношений – уменьшается число контактов, отношения приобретают более волюнтаристский характер, забота о родителях становится важной частью, составляющей отношения между сиблингами. В пожилом возрасте контакты сокращаются еще больше, однако становятся более насыщенными. Эту особенность отмечают многие исследователи, подчеркивая тем самым, некорректность измерения качества отношений исключительно в формате количества контактов (Firth, Hubert, Forge 1969: 433-434). Еще одной важной формой общения между сиблингами в пожилом возрасте становится ностальгия в форме обсуждения общего прошлого. Общая память о чем-то или о ком-то важном также способна служить

механизмом поддержания отношений между сиблингами в любой период жизни – так, например, М. Янг, анализируя центральную роль матери в поддержании отношений между сиблингами во взрослом возрасте, отмечает, что со смертью матери именно память о ней и «сохраняющиеся узы» (Viglione 2013: 46-50) могут объединять сиблингов (Young, Wilmont 1992: 76-83).

Различение таких категорий, как «частота контактов», «эмоциональная близость» и «помощь» является необходимым условием при анализе родственных отношений вообще и сиблинговых отношений в частности. Путаница или недостаточное точное описание того, какая категория исследовалась, порождает сложности в сравнении разных данных. Хорошим примером в данном случае является работа Дж. Розенберга и Д. Энспача (Rosenberg, Anspach 1973), в которой они исследуют взаимодействия сиблингов и ставят под сомнение данные об увеличении контактов в пожилом возрасте, полученные Д. Шнайдером и Э. Кумминг (Cumming, Schneider 1961). Однако, как справедливо замечает Г. Аллан, Д. Шнайдер и Э. Кумминг ничего не писали об увеличении *частоты контактов*, потому что единицей их анализа была *солидарность* между сиблингами – категория, которая, кстати, тоже требует пояснения, чего авторы статьи не делают (Allan 1977). Таким образом, сопоставлять данные с разными единицами анализа, отношения между которыми не ясны, не представляется возможным.

В такой ситуации, когда каждый исследователь берет за единицу анализа какую-то свою категорию, достаточно сложно найти то, в чем бы большинство были согласны. По поводу изменения отношений между сиблингами в течение жизни определенное согласие присутствует в том, что число контактов во взрослом возрасте уменьшается по сравнению с детским, чему способствует появление у сиблингов своей семьи, которая переориентирует большую долю контактов на себя. Но это не говорит об обязательном уменьшении значимости сиблингов друг для друга.

Брак, как и другие события, связанные с этапами семейного цикла, часто рассматриваются исследователями как факторы, влияющие на сиблинговые отношения. Среди таких факторов, кроме вступления в брак, обычно выделяют появление детей, развод, вдовство одного из сиблингов, смерть кого-то из близких родственников. Влияние этих факторов также оценивается неоднозначно разными исследователями, усугубляя ситуацию с выбором разных единиц анализа. И. Коннидис анализирует влияние вышеупомянутых факторов на близость и частоту контактов (Connidis 2007). В отношении брака наблюдается примерно равное количество ответов, фиксирующих увеличение и уменьшение близости между сиблингами.

Рассматривая ситуацию брака более подробно, автор называет среди факторов, способствующих эмоциональному сближению за счет брака такие, как совместная подготовка к свадьбе, общий опыт вступления в брак и хорошие отношения будущего супруга и обоих сиблингов. Среди факторов, не способствующих эмоциональному сближению после вступления в брак, автор называет отъезд из дома, неприятие супруга сиблинга, постепенное расхождение в мировоззрении между сиблингами под влиянием супругов. Как видно из этих описаний значимую роль в отношениях между сиблингами после брака играет супруг или супруги сиблингов: они могут либо способствовать сохранению отношений между братьями и сестрами или «оттягивать» их друг от друга, уменьшая чувство близости. На это обращают внимание также другие авторы (Firth, Hubert, Forge 1969: 432, Allan 1977: 181, Johnson 1982: 164), подчеркивая, что брак активизирует для сиблинга процесс совмещения ролей – например, сестры и жены или брата и мужа – и тем самым иногда создает или конфликтные ситуации, когда сиблинг предпочитает одну роль другой или сложности для сиблинга, который не может определиться с приоритетом ролей (Pauli 2013: 32, Geest 2013: 64-65, Obendick: 2013: 108). Э. Альбер описывает ситуацию, в которой мужчина как брат своей сестры принимая ответственность за свою племянницу, отправил ее в дом сестры жены, откуда девушка через некоторое время попросила ее забрать. Мужчина, в результате, оказывается в сложной ситуации выбора: с одной стороны, забрать племянницу значит выступить как брат, заботящийся о дочери сестры, однако, с другой стороны, это значит проявить неуважение к родственникам жены. Таким образом, роль брата и роль мужа выступают как конфликтующие в данном случае (Alber 2013: 82-83).

Брак, однако, как мы уже отмечали выше, скорее уменьшает число контактов между сиблингами, тем самым как бы «закрывая» новообразованную семью прокреации от влияния семьи ориентации. Некоторые авторы также фиксируют уменьшение взаимопомощи между сиблингами после вступления в брак. Появление детей, если следовать данным И. Коннидис, не сильно изменяет ситуацию – примерно равное количество информантов отмечают увеличение и уменьшение контактов (Connidis 2007). Однако, появление детей даже более, чем вступление в брак увеличивает эмоциональную близость между сиблингами за счет появления у них общих интересов, а также выполнения детьми роли медиаторов, соединяющих семьи. Единственный комментарий, который был дан теми, кто считает, что с появлением детей близость между сиблингами уменьшается, касался того факта, что ребенок – это что-то личное, что никаким образом не может быть разделено с сиблингом, что и ведет к уменьшению близости.

При разводе или вдовстве одного из сиблингов чаще отмечается увеличение контактов, близости и помощи (Connidis 2007, White 2001), хотя среди этих событий развод может по-

разному влиять на отношения (Voorpostel, Lippe, Flap 2012). Близость между сиблингами после вдовства или развода создается вследствие возможности «вернуться» к этим отношениям, как к чему-то само собой разумеющемуся, пространству, где тебя всегда помогут, к человеку, в отношении которого существуют воспоминания о общности и близости, даже если отношения не были такими теплыми в период брака. Из всех «семейных» факторов развод или болезнь и смерть супруга влияют на сиблинговые отношения больше, чем вступление в брак и появление детей (Connidis 2007). Смерть одного или обоих родителей также рассматривается многими исследователями как фактор, влияющий на отношения между сиблингами (Young, Wilmont 1992: 76-83, White, Riedmann 1992). Как и в предыдущих случаях, наблюдается разнообразие в определении направления, в котором развиваются отношения между братьями и сестрами после смерти одного или обоих родителей. М. Янг, как мы уже указывали выше, рассматривает мать как ключевую фигуру, которая координирует отношения сиблингов во взрослом возрасте. Из этого следует, что со смертью матери, частота встреч между сиблингами уменьшается. Об этом же говорят данные Э. Креннер, по которым частота контактов у сиблингов хотя бы с одним живым родителем больше, чем у тех, у кого оба родителя умерли (Crenner, Dechaux, Herpin, Jacobs 2002). Однако исследование Дж. Грифа и М. Вули демонстрирует, что отношения сиблингов после смерти родителей могут принимать очень разные формы, которые в том числе зависят от того, какие они были до этого (Greif, Woolley 2015). Авторы выделяют и подробно описывают восемь основных паттернов, из которых три можно описать как позитивные, еще три – как негативные, а оставшиеся два – как нейтральные. Первый паттерн авторы называют «еще ближе», и он подразумевает, что смерть родителей улучшает и так хорошие отношения сиблингов. Второй паттерн – «только мы теперь» – возникает вследствие осознания того, что у сиблингов больше не осталось никого ближе их самих. «Новые роли, ответственности и отношения» – третий паттерн, который предполагает, что смерть родителей служит переломным моментом на пути сближения между сиблингами. «Неурегулированное наследство» – первый из негативных паттернов, который предполагает, что отношения между сиблингами после смерти родителей могут испортиться из-за имущественных вопросов. «Никогда не были близки» – еще один негативный паттерн, подразумевающий, что смерть родителей просто подтверждает и без того неблизкие отношения между сиблингами. Паттерн «от плохих к еще более плохим» акцентирует внимание на том, что смерть родителей может стать переломной точкой, после которой отношения еще сильнее ухудшатся или вообще прекратятся. Наконец, два нейтральных паттерна «временно вместе» и «без изменений» подчеркивают соответственно возможность улучшения отношений в связи со смертью родителей, но лишь на короткий срок с последующим их возвращением в нейтральное

состояние и стабильно хорошие и близкие отношения между сиблингами, которые не меняются ни в какую сторону, когда родители умирают. Таким образом, все вариации изменения отношений оказываются возможными после смерти родителей. Однако, как и в предыдущих случаях, отметим невозможность сопоставления результатов, так как М. Янг и Э. Креннер изучают частоту контактов, а Дж. Гриф и М. Вуди – характер отношений.

Кроме перечисленных выше факторов, некоторые исследователи обращаются к анализу разнообразных событий в жизни сиблингов, которые каким-то образом влияют на отношения (Descartes 2007, Morman, Herrick 2008, Voorpostel, Lippe, Flap 2012). М. Форпостел и его коллеги изучали изменения во взаимопомощи между сиблингами в ситуациях после развода, физической болезни, психического заболевания или зависимости, нарушения закона, физического и сексуального насилия и финансовых проблем. В целом за исключением физической болезни, все остальные события приводили к уменьшению контактов и помощи, а также к ухудшению отношений. В ситуации с физической болезнью наоборот все вышеперечисленные показатели увеличивались, однако также увеличивалось количество конфликтов.

М. Мормен и П. Хейрик обращают внимание на поворотные моменты в жизни сиблингов, которые повлияли на их близость (Morman, Herrick 2008). В ходе исследования авторами было получено 263 упоминания различных событий, которые были сгруппированы в такие шесть категорий, как «помощь в кризисной ситуации», «физическая дистанция», «общая деятельность», «взросление», «развод родителей» и «примирение». Не комментируя каждый паттерн подробно, отметим только, что физическая дистанция и развод родителей имели двойственный эффект, то есть могли как сблизить, так и отдалить сиблингов, в то время, как все остальные паттерны, скорее, способствовали сближению.

Подводя итог рассуждению о том, насколько изменчивы отношения между сиблингами и как различные события в жизни сиблингов могут влиять на их отношения, можно отметить следующее. Во-первых, сиблинговые отношения не остаются стабильными на протяжении всей жизни, однако характер этих изменений не может быть описан как однонаправленный. Улучшение / ухудшение отношений является результатом часто ситуационного соединения факторов, не может быть объяснено одной причиной, а также требует принятия во внимание контекста. Во-вторых, сиблинговые отношения представляют собой пространство очень разных форм взаимодействия – физического контакта, эмоциональной близости, совместной деятельности, взаимной помощи – которые не прямо связаны друг с другом, а следовательно, могут характеризоваться разными, иногда противоположными тенденциями. В-третьих, среди

факторов, влияющих на отношения между сиблингами, можно выделить как те, которые связаны с этапами жизненного цикла семьи или человека, так и просто любые события, которые сам человек считает поворотными моментами в своих отношениях с сиблингами. Динамическая перспектива позволят собрать вместе некоторые аспекты как структурной, так и конструктивистской перспектив, представляя сиблинговые отношения как постоянно создающиеся и изменяющиеся в условиях постоянного влияния на них внешнего – общество – и внутреннего – родственная сеть – социального пространства.

Выводы по параграфу «Теоретические перспективы исследования сиблинговых отношений в социологии и социальной антропологии»

При анализе литературы, посвященной сиблинговым отношениям, становится понятно, что первый и ключевой вопрос, который должен себе задать исследователь, связан с операционализацией предмета исследования. «Сиблинговые отношения» как базовая категория выглядит приемлемой только на уровне начальных описаний ситуации, а в ходе исследования раскладывается на субкатегории – «частота контакта», «эмоциональная помощь», «инструментальная помощь», «близость», «совместное действие» и другие. Проблема, возникающая в данном случае, предполагает не только выбор исследователем основной рабочей категории, но четкое понимание того, в каких категориях мыслит информант, говоря, например, что «отношения стали лучше». Наконец, очень важно понимать, что каждая категория, выделенная исследователем, может по-своему интерпретироваться информантом, и эта интерпретация требует точной фиксации.

Структурная перспектива дает целый набор показателей, который в той или иной степени оказывают влияние на сиблинговые отношения. Однако, конструктивистская перспектива предлагает новый взгляд на классические структурные переменные. Например, пол и возраст рассматриваются в структурных подходах с точки зрения того, как они влияют на отношения, однако пол, кроме того, создает такие паттерны как «быть братом» / «быть сестрой», а возраст – «быть старшим» / «быть младшим». И тогда в логике символического анализа мы можем спрашивать – «а что значит быть сестрой?», «а что значит быть старшей сестрой?», «а что значит быть младшей сестрой?». Таким образом, вместо достаточно общего утверждения о том, что сестры больше вовлечены в отношения, чем братья мы можем получить набор практик и представлений как о самих отношениях, так и о степени вовлеченности. В отношении возраста (и отчасти в отношении гендерных норм, возникающих на основе принадлежности к определенному полу) можно сформулировать еще одно усложнение: роли,

принимаемые на себя сиблингами, могут меняться, то есть категории «старший»/ «младший», например, могут приниматься сиблингами без привязки к абсолютному возрасту.

Еще одна категория, которую дает структурная перспектива – это физическая дистанция. Представляется, что в современном мире, где есть тенденция жить нуклеарными семьями, а, кроме того, люди являются достаточно мобильными, эта переменная должна анализироваться как ключевая. Как мы отмечали выше, связь между увеличением дистанции и уменьшением контакта, в принципе выглядит очевидной. Однако более интересно, что от категории физической дистанции можно перейти к ситуации мобильности, которая создает не только физические, но и социальные, и мировоззренческие границы. Ситуация мобильности позволяет проанализировать, каковы паттерны сиблинговых отношений в ситуации временной или постоянной мобильности, и в чем качественное, содержательное отличие этих паттернов от тех, которые складываются в отсутствии ситуации мобильности.

Анализируя различные перспективы, мы обращали внимание на родственную сеть как на внешнюю среду, в которой сиблинговые отношения существуют и без анализа связей с которой, не могут быть поняты. Категория «родственной сети» позволяет обратить внимание на то, какие структурные конфигурации могут принимать сиблинговые отношения, в какие более расширенные конфигурации могут входить, и в чем с точки зрения содержательных характеристик, таких как близость и степень сплочения, эти конфигурации могут отличаться друг от друга.

Со структурной точки зрения сиблинги занимают одинаковую позицию в отношении других родственников, поэтому в билатеральных системах родства сиблинги – это единственные родственники, чьи киндреды – сети признаваемых в качестве родственников людей – полностью совпадают. Однако характер общения сиблингов со своими родственниками может быть разным, таким образом киндреды как социальные конструкты могут быть различными. Социально-конструктивистская перспектива позволяет ответить на вопрос, в какой степени братско-сестринские киндреды как социальные конструкты совпадают, и о чем могут говорить сходства и различия в содержании этих групп.

Конструктивистская перспектива уделяет также большое внимание отношениям в детском и юношеском возрасте, предполагая, что характер сиблинговых отношений формируется именно тогда. Однако исследования такого рода, скорее оперируют общими категориями или отдельными историями, в результате чего вопрос, каков характер связи между отношениями в детстве и отношениями во взрослом возрасте, остается открытым.

Концепция жизненного пути вместе со структурными подходами дает достаточно точное представление о том, какие события жизненного цикла влияют на сиблинговые отношения. Добавить нужные акценты в данном случае можно за счет того, чтобы рассматривать сиблинговые отношения не только в родственном континууме, но и в логике индивидуальных биографических проектов, где очень разнообразные и на первый взгляд незначимые события могут повлиять на отношения между сиблингами. Следовательно, вопрос о том, какие события в жизни сиблингов могут влиять на характер их отношений, может выводиться на уровень как общих трансформационных точек, так и очень частных, личных и субъективных.

Общим местом в исследованиях сиблинговых отношений является утверждение о достаточно слабых нормативных представлениях в отношении сиблингов. Однако, если на материале «незападных» обществ вопрос, что значит быть сиблингом изучен достаточно хорошо, в исследованиях «западных» обществ на данный момент преобладает изучение практик и уход от исследования норм и правил, что приводит к недостатку материала, чтобы оценить, каковы в нашем обществе представления по поводу братско-сестринских отношений. В рамках культурного анализа Д. Шнайдер исследовал «родство», «семью», «родственников» как культурные конструкты, то есть как «системы символов и значений» (Schneider 1980: 8); взяв за основу его рассуждения, можно проанализировать, что представляет собой «братско-сестринские отношения» или «братство» и «сестринство» с точки зрения значений и представлений, которые они содержат в себе.

Конструктивистская перспектива настаивает на достаточно жестком отрицании биологической связанности и на том, что сиблинговые отношения создаются / воссоздаются / поддерживаются в процессе взаимодействия между сиблингами. Однако, как мы отмечали выше, частота и регулярность контактов не обязательно прямо связана с качеством сиблинговых отношений, то есть последние, по-видимому, могут существовать в какой-то форме и в «безконтактном» пространстве. Таким образом, остается вопрос о том, какова роль биологического и социального в сиблинговых отношениях, какова структура общения сиблингов, и как отношения связаны с контактными практиками или практиками взаимодействия.

Конструктивистская перспектива, подчеркивающая создаваемость отношений, редко обращается к обратной стороне этого процесса: если отношения не детерминированы биологией и могут создаваться за счет взаимодействий, они точно также могут разрушаться в ходе этих же взаимодействий или из-за их отсутствия. Тогда, можно исследовать, что

представляют собой конфликтные сценарии развития сиблинговых отношений и каковы контексты, в которых эти сценарии могут возникать.

3.2 Методология и методика эмпирического исследования

Сиблинговые отношения занимают двойственное положение в исследовательском поле социологии и социальной антропологии: с одной стороны, потенциально являются одной из основных форм родственных отношений, а, с другой стороны, оказываются изучены достаточно мало и фрагментарно. Особый пробел касается, как было показано, исследований отношений между сиблингами во взрослом возрасте, что и послужило основой для первичного определения направления исследования. В центре исследования оказались сиблинги в возрасте старше 18 лет, что позволяло изучить паттерны сиблинговых отношений в ситуации, когда каждый из сиблингов – хотя бы теоретически – имеет возможность самостоятельно без участия родителей выстраивать свою жизнь, и в том числе характер отношений с родственниками.

Подготовка к полевому этапу

В период подготовки к полевому этапу исследования был произведен анализ теоретических и эмпирических работ, посвященных как родственным отношениям вообще, так и сиблинговым отношениям в частности. Целью этого анализа являлось, с одной стороны, выделение ключевых тем и вопросов, возникающих при исследовании братско-сестринских отношений с целью их дальнейшего использования как основы для формирования гайда интервью, а, с другой стороны, изучение практики проведения исследований родственных отношений в городском пространстве. Две группы работ оказались в данном случае наиболее полезны. С одной стороны, это исследования сиблинговых отношений, выполненные в социально-конструктивистской перспективе, которые позволяли выделить важные именно для этой перспективы категории, сюжеты и вопросы. Так, например, исследование Ю. Паули об изменении отношений сестер на протяжении жизни, послужило основой для формулировки вопросов, связанных с характером сиблинговых отношений в детском и взрослом возрасте, а исследование С. Гееста, посвященное изучению сиблинговых отношений как форме дружеских, позволило сформулировать серию вопросов, направленных на сравнение двух этих типов отношений. С другой стороны, важным фундаментом при подготовке к полевому этапу исследования стали работы, посвященные исследованию родственных отношений в пространстве большого города. В данном случае особое внимание уделялось тому, как логику классического антропологического исследования родства, обычно выполняемого в рамках небольшого локального сообщества, можно адаптировать к исследованию в пространстве большого города. Особенно полезными в данном случае оказались работы Э. Ботт и Р. Фирт, в

которых достаточно подробно описан подготовительный этап работы, касающийся и постановки проблемы, и отбора информантов, и различных сложностей, которые эти процессы сопровождали, а также замечания О. Льюиса по поводу возможности применения антропологического подхода к исследованию семейных отношений (Bott 1964: 6-51, Firth, Hubert, Forge 1969: 29-57, Lewis 1970: 82-89). Так, например, Э. Ботт работала с информантами из 20 разных, не связанных друг с другом семей, которые были найдены с помощью друзей-посредников или организаций-посредников – религиозных, образовательных, медицинских, то есть тех, которые имеет постоянный круг, включающий не только самого человека, но и часто членов его семьи. Автор обращает внимание на ряд сложностей, с которыми столкнулась она и ее коллеги при проведении исследования, и которые были актуальны для данного эмпирического исследования. Остановимся на некоторых из них более подробно.

Во-первых, жизнь семьи – это то, что протекает вне публичных пространств, поэтому исследователь либо вынужден довольствоваться отдельными эпизодами семейной жизни, либо искать такие семьи, которые позволят изучить свой быт изнутри. По поводу последнего варианта Э. Ботт отмечает, что вероятность согласия семьи участвовать в исследовании существенно возрастала, если медиатором выступал человек, который лично (а не по службе) знал семьи и был знаком как с мужем, так и женой (Bott 1964: 15). Последнее утверждение подтвердил и опыт нашего исследования: оба sibлинга, скорее соглашались на участие, когда посредник, через которого они были найдены, знал обоих. В противном случае согласие или несогласие второго sibлинга участвовать в исследовании во многом зависело от того, в какой форме первый sibлинг передавал информацию об исследовании второму. В этом смысле для исследователя оказывалось очень важным не только произвести хорошее впечатление на информанта в начале интервью, но и сделать так, чтобы это впечатление осталось после интервью. Уже в ходе исследования стало понятно, что вопрос об участии второго sibлинга в исследовании и просьбу первого sibлинга выступить посредником для решения этого вопроса лучше задавать после интервью, когда информант уже представляет формат, в котором оно протекает и, следовательно, может описать этот формат своими словами брату или сестре.

Во-вторых, поиск информантов через посредника – следствие еще одной сложности: пространство большого города не очень располагает к поиску информантов через «стук в каждую дверь», особенно, когда исследование предполагает длительное и неоднократное интервьюирование. Для метода глубинного интервью также очень важно, чтобы согласие информантов на участие в исследовании было добровольным и осознанным, то есть основанном на готовности говорить, думать, рассуждать на предложенную тему в большей степени, чем односложно отвечать на вопросы. В рамках нашего исследования все эти темы

были также актуальны. Где найти сиблингов для исследования? Это не группа, которая существует как реальная, и нет таких событий, которые бы могли собрать сиблингов в каком-то одном месте. Исходя из этого, для поиска информантов был использован метод снежного кома, начиная со знакомых знакомых. Такая начальная точка, с одной стороны, создавала необходимую дистанцию между информантом и исследователем (в конечном итоге из 47 информантов оказалось 2, с которыми исследователь был знаком до проведения исследования), а, с другой стороны, позволяло исследователю использовать знакомых как проводников с целью представления себя и характера исследования. Эта стратегия оправдала себя, о чем можно судить, сравнивая соотношение согласий и отказов информантов, найденных таким образом и тех, на кого исследователь выходил напрямую, без участия знакомых обоим сторонам посредников. Если говорить об отказах вообще, то сложно определить их количество, так как многие приходились не столько на исследователя, сколько на посредников. Многие информанты объясняли свою невозможность участвовать в исследовании отсутствием достаточного количества времени необходимого для проведения глубинного интервью. Часть отказов – особенно неприятных – пришлась на ситуации, когда предварительная договоренность была достигнута, однако, интервью в результате не состоялись, а контакт с информантами был потерян. Последние случаи касались проведения интервью по Skype – способе, который мы обсудим чуть ниже.

Такой метод поиска информантов как снежный ком создает достаточно гомогенную по социальному положению группу информантов и естественно ставит вопросы о возможности экстраполировать полученные в ходе исследования данные на более широкую совокупность. Здесь мы опять можем обратиться к Э. Ботт, которая отдельно останавливается на том, что 20 семей в ее исследовании, найденных через разнообразных посредников, безусловно не являются репрезентативной выборкой, и выбранные семьи рассматривались только как пример городской семьи. Каждая семья рассматривалась как отдельная социальная система. Э. Ботт подчеркивает невозможность генерализации тех данных, которые были получены: «мы обсуждаем только некоторые семьи, не все семьи и не семью в целом; интерпретации, представленные в этой книге, могут распространяться на другие семьи, кроме 20, описанных здесь, но могут и не распространяться» (Bott 1964: 10). Автор предлагает рассматривать полученные выводы, как гипотезы, которые можно использовать для проверки на другом материале, что представляется разумным и для данного эмпирического исследования.

Таким образом, на этапе, предваряющим само исследование, был разработан гайд (Приложение 1), а также траектория поиска информантов для реализации исследования сиблинговых отношений в пространстве большого города.

Полевой этап

Полевой этап исследования включал пилотаж и основное исследование. Пилотажное исследование было проведено в мае-июне 2016 года с 16 информантами, интервью с 12 из которых вошли окончательную эмпирическую базу исследования. Главной целью пилотажного исследования была апробация и доработка гайда, а также определение критериев для дальнейшего отбора информантов. Сложность заключалась в том, что большинство исследований сиблинговых отношений, выполненных в социально-конструктивистской перспективе, были основаны на методе кейс-стади, таким образом, не давая возможность проанализировать критерии отбора информантов. После анализа транскриптов, а также повторного изучения имеющихся эмпирических и теоретических исследований сиблинговых отношений было решено остановиться на парах взрослых сиблингов (старше 18 лет), где хотя бы один из сиблингов состоит в официальном или гражданском браке и / или имеет несовершеннолетних детей. В общем плане этот критерий можно определить, как – «имеет собственную семью». Выбор такого критерия был продиктован тем, что, с одной стороны, большинство исследователей сиблинговых отношений сходятся в том, что появление постоянного партнера / супруга или ребенка у одного из сиблингов становится точкой для изменения либо характера, либо частоты общения сиблингов, а, с другой стороны, брак в любой его из форм является важным событием, трансформирующим жизнь самого человека. Таким образом, сиблинги, состоящие в браке, были выбраны как объект исследования, исходя из ключевой роли данного этапа в жизненном цикле человека. Косвенно такой выбор находит подтверждение в исследовании Р. Фирта, который достаточно подробно описывает как от репрезентативной выборки, учитывающей много показателей, он и его коллеги пришли к выборке, основанной на одном критерии – наличия в семье хотя бы одного несовершеннолетнего ребенка, что сделало выборку «сравнительно гомогенной» (Firth 1969: 42). На основе этого критерия были найдены и отобраны информанты для основного этапа исследования, который был проведен в августе – октябре 2016. В результате окончательную эмпирическую базу исследования составили 47 полуструктурированных глубинных интервью с 30 парами сиблингов, из которых в 17 парах было взято интервью у обоих сиблингов, в оставшихся 13 – у одного; 9 пар сиблингов состояли из двух братьев, 11 пар сиблингов включали двух сестер, 10 пар сиблингов являлись смешанными (Приложение 2). Отметим также, что четыре «пары» сиблингов оказались состоящими из трех сиблингов, что было выяснено уже только в момент интервью. В таких случаях структура интервью не претерпела существенных изменений, однако, исследовательские вопросы были направлены на выяснение характера отношений информанта как с одним сиблингом, так и с другим.

Уже в ходе пилотажного этапа исследования стало понятно, что некоторые сиблинги проживают в разных городах, а иногда и странах. После нескольких интервью, взятых у тех сиблингов, которые проживают в Санкт-Петербурге, было решено не ставить критерием отбора информантов их проживание в одном городе, а использовать ситуацию мобильности для того, чтобы изучить, что происходит с сиблинговыми отношениями, когда братья и сестры разделены расстоянием. Однако физическое отсутствие информантов в городе исследования потребовало использования программы видеозвонков Skype для проведения интервью. Таким образом процедура проведения интервью различалась в зависимости от физического присутствия или отсутствия информанта: в первом случае интервью проводилось либо в публичном месте (кафе), либо дома / на работе у информанта, во втором случае интервью проводилось по Skype из дома исследователя. Разные процедуры интервью ставят вопрос о сопоставимости полученных результатов, то есть о том, в какой степени опосредованный способ проведения интервью влияет на результат интервью. П.В. Колозариди подробно анализирует характер классических интервью, чтобы показать, что в целом использование технологий не нарушает основных характеристик интервью как метода, хотя необходимо учитывать, например, качество связи, которое может оказать влияние на характер общения, а также невозможность полностью контролировать конфиденциальность, так как исследователь лишен возможности видеть, находится ли кто-то в комнате, кроме информанта (Колозариди 2014). Автор также отмечает еще одну особенность, а именно то, что для информантов общение по скайпу представляется «обыденной практикой», так как в таком формате они регулярно общаются со своими родственниками (Колозариди 2014: 113). Обыденность опосредованного общения, на наш взгляд, это одна из характеристик, которая позволяет говорить о частичном нивелировании эффекта отсутствия присутствия. Эта идея является продуктивной для дальнейших исследований того, насколько существенными могут являться границы между личным интервью, видеоинтервью и телефонным интервью в ситуации, когда общение через интернет / мобильный телефон становится повседневным паттерном. Интересно также, что в рамках нашего исследования, одна из потенциальных информанток, интервью с которой в результате так и не состоялась, ссылаясь на нехватку времени предлагала пообщаться по телефону. Принимая во внимание идею несопоставимости результатов, исследователем было принято решение не соглашаться на такой формат, хотя, анализируя ситуацию некоторое время спустя, автор пришел к заключению, что такой формат рассматривался им как несопоставимый с классическим, однако, возможно для самого информанта не было особой разницы между живым и телефонным общением. Таким образом, опираясь на результаты исследования

особенностей видеointервью П.В. Колозариди, мы исходили из сопоставимости результатов очного интервью и интервью по Skype.

Еще одна важная деталь, связанная с процедурой проведения интервью, выросла из того, что мы предполагали работать с парами сиблингов и тем самым имели возможность определить формат интервью как отдельный или совместный. Работ, связанных с тем, как можно изучать и анализировать диадные родственные отношения в рамках качественной методологии, не так много (Thompson and Walker 1982, Trost 1996, Eisikovits, Koren 2010); наиболее полезной для нас оказалось исследование Дж. Мэннинга и А. Кункель, которые четко обозначают достоинства и недостатки разных типов диадных интервью в ситуации исследования родственных отношений (Manning, Kunkel 2015). С одной стороны, авторы показывают, что совместное интервью, на котором присутствуют оба члена семьи, особенно хорошо работает, когда важно наблюдать за межличностным взаимодействием; и с этой точки зрения совместное интервью, безусловно, могло бы много сказать об отношениях между сиблингами. Однако, с другой стороны, совместное интервью, во-первых, не всегда дает возможность для индивидуальных высказываний, историй, интерпретаций, а, во-вторых, может создавать ситуацию неискренности, когда информанты не имеют возможности сказать то, что они думают, боясь обидеть друг друга. С этой точки зрения отдельные последовательные интервью с каждым из сиблингов дают возможность увидеть сиблинговые отношения как соединение индивидуальных историй, а также создают пространство для свободы высказывания. Кроме того, в определенных случаях, отдельные интервью могут использовать для триангуляции полученной информации. Учитывая эти достоинства и недостатки совместного и индивидуальных интервью, мы решили остановиться на формате отдельных интервью. В пользу этого говорила еще и ситуация физического разделения сиблингов, которая превращала совместное интервью в тяжело выполнимую задачу. Полевой этап работы, на наш взгляд, подтвердил адекватность выбранного формата интервью тематике интервью. Во-первых, с самих первых интервью стало понятно, что характер отношений в некоторых парах открыто или латентно конфликтный, что могло бы превратить совместное интервью, возможно, в очень продуктивное, но плохо контролируемое мероприятие. Во-вторых, на наш взгляд, в тех парах, где отношения амбивалентные, то есть не конфликтные, но и не близкие, формат совместных интервью не дал бы ожидаемого эффекта. В-третьих, даже при очень близких отношениях могут присутствовать разные трактовки одних и тех же эпизодов, и отдельные интервью помогают обратить на это внимание. В рамках данной работы мы отдельно не акцентируем внимание на таком сравнении за исключением нескольких ситуаций, однако, в дальнейшем это представляет интересную перспективу исследования. Наконец, отдельные

интервью часто помогали при общении со вторым сиблингом восполнить какие-то недостающие сюжеты или факты, которые были упущены при интервью с первым. При этом, однако, принципиальная исследовательская позиция заключалась в соблюдении правила конфиденциальности, то есть интервью со вторым сиблингом начиналось с чистого листа; никакая информация, полученная в интервью с первым сиблингом не использовалась. На первый взгляд, может показаться, что такой формат уничтожает саму сущность диадных интервью, однако это не так. В таком случае информант свободен выстраивать ответы на вопросы в своей собственной логике, отмечая то, что важно для него и упуская то, что неважно. Исследовательское вмешательство с попытками прояснить, например, какие-то моменты, которые звучали в интервью с первым сиблингом, создают ситуацию, в которой информант начинает ощущать, что интервьюер знает про него что-то, чего сам информант не говорил. Попытки частично и косвенно использовать информацию, полученную в интервью с первым сиблингом для интервьюирования второго, были предприняты исследователем в нескольких первых интервью и признаны не дающими ожидаемого эффекта. При этом интересно, что некоторые информанты были очень заинтересованы в том, чтобы узнать, что их сиблинги сказали про них. В целом информанты очень по-разному реагировали на ситуацию интервью. Одни вели себя достаточно нейтрально и спокойно на протяжении всего интервью; другие высказывали заинтересованность и больше включались в интервью к его концу, после чего часто говорили, что о многих обсуждаемых вещах никогда раньше не задумывались; третьи – в начале очень спокойные – в процессе интервью начинали воспринимать ситуацию очень эмоционально, явно затрагивая в процессе рассказа болезненные для себя темы. В целом можно отметить, что сиблинговые отношения, за исключением тех, которые находятся в состоянии конфликта, не являются объектами повседневной рефлексии и, как следствие, не всегда хорошо вербализуются, что доставляло определенные трудности в процессе исследования. Кроме того, рассматриваемые в качестве чего-то обыденного, сиблинговые отношения часто определялись через самих себя: например, на просьбу назвать слово или словосочетание, которое в наибольшей степени отражает характер их сиблинговых отношений, многие информанты отвечали, используя категории «братские / сестринские отношения», а на уточняющий вопрос «что значит быть братом / сестрой», отвечали – «быть братом / сестрой». Таким образом, ситуация интервью постоянно требовала от исследователя «взлома» повседневности для исследования сущности отношений.

Анализ и представление результатов

Работа с материалами, полученными в ходе полуструктурированных глубинных интервью, велась в логике индуктивного анализа, предполагающего, «что модели, темы, и

категории анализа вытекают из данных, а не накладываются на них еще до сбора и анализа» (Штейнберг 2009: 263). Такая логика анализа была обусловлена тем, что уже в самом начале полевого этапа исследования стало понятно, что предполагаемая изначально теоретическая модель не работает полностью для объяснения получаемых данных. Вследствие этого, индуктивный анализ был выбран в качестве стратегии, позволяющий идти от эмпирического материала к формированию теоретических положений. Формат представления данных также отвечает этой логике: результаты представлены не строго в соответствии с блоками гайда, а выстроены вокруг ключевых сюжетов интервью. Процедура анализа предполагала выделение основных категорий в транскриптах интервью и группирование их в более общие категории. На основе анализа последних сиблинговые отношения были описаны через ряд показателей, таких как «характер проживания», «характер общения сиблингов во взрослом возрасте», «характер общения сиблингов в детстве», «характер отношений сиблингов во взрослом возрасте», «характер отношений сиблингов в детстве», «характер отношений сиблингов в ситуации мобильности», «характер отношений сиблингов с родственниками», «разница в возрасте», «трансформация разницы в возрасте», «природа сиблинговых отношений» и т.д.

3.3 Социокультурные паттерны сиблинговых отношений: результаты эмпирического исследования

Одной из характеристик современных исследований родства является переход от формата больших и цельных описаний к проблемно-ориентированным: если первые во многом шли от объекта – конкретной этнической группы, родство в которой описывалось как целостная система, то в основе вторых лежит точечное внимание к конкретным проблемам, формам отношений, ситуациям. В центре исследований выстроенных таким образом стоит проблема, для анализа и исследования которой привлекаются разные источники, поэтому проблемно-ориентированный формат исследования родства включает обращение к смежным темам – таким, например, как гендер или миграция, и не представляет родственные отношения как автономную систему замкнутую саму на себе. Следуя этой логике в представлении результатов исследования, мы сосредоточимся на ключевых сюжетах, которые являются важными для понимания характера сиблинговых отношений и родственной сети. Во-первых, мы обсудим основания сиблинговых отношений и социокультурные паттерны, которые образуются на базе этих оснований. Во-вторых, мы рассмотрим разницу в возрасте и паттерны отношений, которые формирует дихотомия «старший» / «младший», а также покажем, как трансформируются эти отношения во взрослом возрасте. В-третьих, мы проанализируем ситуацию мобильности, подразумевающую, что сиблинги проживают в разных городах или странах, и обозначим, как такая ситуация трансформирует паттерны сиблинговых отношений. В-четвертых, мы

обратимся к более широкому контексту и разберем, что представляет собой родственная сеть, как она может влиять на паттерны сиблинговых отношений и какие конфигурации родственных отношений, включающие сиблингов, мы можем выделить.

3.3.1 «Они родственные, но в то же время и дружеские»: природа и основания сиблинговых отношений

В рамках социально-конструктивистской перспективы исследования родственных отношений вообще и сиблинговых отношений в частности вопрос о природе и основаниях родства является основополагающим. В том случае, когда эта тема вырастает из отрицания универсальности биологических оснований родства и поиска иных оснований, актуальность этого вопроса понятна. Однако, на наш взгляд, исследование природы сиблинговых отношений представляет не меньший интерес, когда мы имеем дело с представлениями о родстве, помещающими «биологическое» в основание любых родственных отношений. Логика анализа в данном случае предполагает не только изучение того, какие основания сиблинговых отношений, кроме «биологического» существуют и как они связаны между собой, но и «десакрализацию» самой идеи «кровного родства», то есть вскрытия тех обыденных, априорных, нерелексируемых представлений о родственной связанности, которые существуют. Таким образом, цель данного параграфа – не оспорить роль кровного родства, с одной стороны, и не постулировать кровность сиблинговых отношений, с другой стороны, а проанализировать разные уровни, на которых эти отношения существуют, а также разные идеи, которые лежат в основе этих уровней.

По результатам исследования можно говорить о четырехосновной природе сиблинговых отношений, включающей кровное родство, нормативные представления, общее прошлое и дружескую взаимосвязанность в настоящем. В теоретическом плане каждое из этих оснований может выступать как самостоятельное и не связанное с другими, однако, на практике они образуют кумулятивную систему уровней, где каждый следующий добавляет в сиблинговые отношения некое новое качество. Таким образом, каждое основание, а также их сочетания создают различные по степени насыщения паттерны сиблинговых отношений.

В следующей части мы подробно проанализируем каждое из оснований, рассмотрим ситуации, когда некоторые из оснований отсутствуют, а также обсудим процессуальный характер природы сиблинговых отношений.

Кровное родство: «парни уходят и приходят, а братья и сестры остаются»

Биологические основания сиблинговых отношений, которые так часто становятся камнем преткновения в современных исследованиях родства, в рамках нашего исследования

находят выражение через категории «крови» и «кровного родства». Как ни странно, «кровное» основание сиблинговых отношений является наиболее сложным с точки зрения его исследования и анализа: на самом деле немногие информанты отчетливо артикулируют кровнородственный характер сиблинговых отношений; более того, «кровность» появляется в рассказах информантов часто в ситуации несогласия с ролью этого основания при определении родственников. Здесь важно отметить один момент: формат интервью предполагает, что мы имеем дело не столько с тем, какие основания отношений существуют, сколько с тем, какие из них артикулируются, а точнее: информант может поддерживать сиблинговые отношения на всех обозначенных уровнях, однако придавать значение одному или нескольким из них. В этом смысле кровное основание сиблинговых отношений обладает амбивалентным характером: с одной стороны, оно является безусловно важным, а с другой стороны, практически не артикулируется напрямую (хотя и артикулируется косвенно). На наш взгляд основная причина такой двойственности – в очевидности и обыденности рассмотрения кровной связи как базовой для любых родственных отношений и сиблинговых в том числе. Эта мысль отчасти подтверждается тем, что ряд вопросов, требующих абстрактного уровня рассуждения, например – что значит быть сиблингом, что главное в ваших сиблинговых отношениях, чем отличаются дружеские отношения от сиблинговых – очень часто вызывали у информантов трудности, связанные с необходимостью проговаривать то, что на их взгляд является очевидным. Отрывок из интервью хорошо иллюстрирует эту идею:

«Информант: ... в первую очередь, я, наверное, ей помогу, несмотря ни на что. Даже если мне скажут, случится беда одинаковая с подругой и сестрой – кому помочь? Я сестре помогу.»

Интервьюер: *Почему?*

Информант: Не знаю (смеется). Об этом природа умалчивает. Не знаю, вы тоже, наверное, сначала маме помогли, а потом уже своей подруге. А?» (23.2)²³.

Таким образом, «природа», «кровь», «родственность» и «биология» имплицитно присутствуют в высказываниях информантов, однако, не становятся явными объектами проговаривания без дополнительных вопросов.

Не имея прямых отсылок к кровному родству как основанию, сиблинговые отношения раскрываются через идеи данности родственников, их безоговорочного принятия и рассмотрения как части себя. Данность сиблинговых отношений предполагает примордиальный

²³ Чтобы не указывать отдельно, кто из сиблингов является старшим / младшим в тексте работы, используется цифра после точки: «1» означает старшего сиблинга, «2» означает младшего сиблинга.

взгляд на них как на то, что невозможно прервать. При этом информанты отмечают, что качество отношений не влияет на характер связи: *«он навсегда останется моим братом, что бы ни случилось; мы можем поссориться на две недели, на месяц, даже полгода, но он останется моим братом»* (24.1). В данном случае очень хорошо видно, что кровь сама по себе не есть отношения: кровь создает общность, на основе которой отношения могут возникать и прекращаться, однако даже прекращение отношений не разрывает общность по крови. В этом существенное отличие кровного основания родственных отношений от всех остальных, которые могут не существовать вовсе. Однако, именно неразрывный характер кровной связи иногда приводит к злоупотреблениям, проявляющимся в представлении о том, что родственные отношения всё стерпят: *«единственно, наверное, с друзьями я пытаюсь, конечно, не ругаться, а с сестрами я себе могу позволить поругаться; может, это спекуляция тем самым, что они все равно никуда не денутся; вот раньше во всяком случае, в последнее время пытаюсь не ругаться, наверное, чуть-чуть повзрослел»* (16.1). Таким образом, большая вариативность паттернов родственного поведения может быть объяснена с точки зрения существующих представлений о том, что сам характер поведения не может оказать влияние на связующую силу – кровное родство, а следовательно, отношения могут возвращаться на обычный уровень даже после серьезных конфликтов. Безоговорочное принятие сиблинга как такового – еще одно следствие кровного основания сиблинговых отношений. В данном случае, с одной стороны, кровный характер связи служит основанием для отношений вообще – *«он брат и не будь он моим братом, он не был бы моим другом, потому что, опять же, кардинально разные люди, друзей все-таки выбирают, а брат – он брат, родился такой»* (18.2) – а, с другой стороны, объясняет принятие каких-то качеств сиблинга, которые могут вызывать недовольство – *«даже если он не прав – он твой брат, ... мы все равно [их] принимаем такими, какие они есть, даже если они ошибки делают, поступают неправильно с нами или ... относятся не так, как нам бы хотелось»* (25.2). Наконец, рассмотрение сиблинга *«не только как родственной души, а все-таки, как какой-то частички тебя»* (9.1) также проистекает из идеи кровного родства и общей крови / рода.

Кровное основание сиблинговых отношений часто возникает в разговоре, чтобы описать определенную двойственность, неоднозначность характера отношений: они могут быть плохими, но никогда не прервутся, сиблингу может не нравиться, как ведет себя другой, но это не перестанет делать его сиблингом, «младший» может не отвечать на заботу «старшего», но последний не перестанет считать себя ответственным за первого. Таким образом, кровное родство в отличие от всех других оснований создает то, что нельзя разрушить, и, именно поэтому, конфликтные паттерны родственных отношений чаще оказываются описаны с помощью

идеи «кровного родства» – как последнего основания, которое невозможно преодолеть, когда все остальные основания уже не существуют. В этом смысле отдельные высказывания, отрицающие значение кровной связи как основания сиблинговых отношений, представляют собой опять же, скорее, вопрос придания или не придания значения данному основанию: для тех паттернов сиблинговых отношений, которые включают иные уровни связанности, кроме общей крови, актуализация именно кровного родства может быть не так важна. Например, один из информантов очень четко выстраивает основания своих отношений с сиблингом по степени их значимости, делая акцент не на кровном родстве, а на общности прошлого. *«Да, от кровного родства никуда не денешься, мы не выбираем родственников. Но когда мы вырастаем у нас свое гнездо, своя семья, то дальше уже, если как-то отношения не срослись, ... тебя никто не заставляет общаться, тем более, нигде не прописано, что, если у вас общая кровь, вы обязаны общаться, нет такого. Поэтому кровь – это ерунда в братских отношениях. Она определяет то, что мы растем вместе, да, но, когда мы уже все разъехались из гнезд, нет. Он мой брат, но это не потому что у нас одна кровь, даже если бы он был приемный и так далее, я больше, чем уверен, это бы никак не повлияло. Поэтому, наверное, кровное родство здесь неважно, просто мы выросли вместе и были близкими, самыми близкими друг для друга людьми»* (15.2).

Норма: «мы на подсознательном уровне понимаем, что надо сохранять отношения»

Как мы обозначили выше, общая кровь сама по себе является не отношением, а лишь основанием для отношений. В этом смысле даже самые дистанцированные и описываемые информантами как неблизкие отношения очень редко держатся исключительно на основании кровного родства: даже, если сиблинги видят друг друга очень редко, не кровное родство заставляет их совершить формальный визит, а норма, то есть представление о том, что *«так положено, так принято в обществе»* (1.2).

В отличие от кровного родства нормативные основания сиблинговых отношений намного более часто артикулируются информантами в интервью, и могут быть достаточно точно выделены за счет использования категории «надо» / «должен»: *«сестра больше, чем подруга, потому что ... сестра, она, всегда с тобой будет, то есть ... в моем представлении, что хочешь, не хочешь, нравится, не нравится, но ты всегда должен общаться и поддерживать, помогать. И поэтому с друзьями могут быть какие-то конфликты, да, можно из-за чего-то поругаться, мне кажется, что с сестрой такого не должно быть. То есть какое-то терпение, прощение, куда же без этого»* (8.1).

«Норма» как основание сиблинговых отношений опирается на нормативные представления об этих отношениях, существующие в обществе. В ответ на вопрос, что значит

быть братом / сестрой информанты перечисляли достаточно большое количество характеристик, среди которых: сопереживание, участие в жизни, забота, любовь, поддержка и другие. Однако основной массив нормативных представлений касается двух черт сиблинговых отношений: *«если что-то случится, прийти на помощь»* (29.1) и *«быть опорой, то есть следить одним глазом, что происходит, и, если что, поддержать»* (26.2). Как видно, обе эти характеристики близки друг к другу и отсылают к одной из главных черт сиблинговых отношений – потенциальности. В рамках нормативных представлений сиблинговые отношения существуют, прежде всего, как потенциальная возможность отношений в сложных условиях, но не как регулярная повседневная практика. Интересно, что потенциальную возможность обратиться к сиблингу за помощью упоминают в первую очередь те сиблинги, которые описывают свои отношения как не очень близкие и дистанцированные. Таким образом, в данном случае норма как основания сиблинговых отношений обладает той же двойственностью, что и кровное родство: к этому основанию можно обратиться, даже если отношения плохие. *«...Чтобы он мне ни говорил, чтобы он ни делал, если, к примеру, мне станет плохо, я точно знаю, что он мне поможет. Какие бы у нас с ним ни были плохие отношения, он меня не бросит ... Я не знаю, может, это спасибо матери, потому что она мне и раньше говорила, когда ... у нас были плохие отношения, она мне говорила: «В., вам нужно мириться, потому что мы не вечные, а он у тебя останется один»»* (1.2). При этом важно отметить, что потенциальный характер сиблинговых отношений может как реализовываться на практике, так и оставаться только на уровне нормативных представлений. По крайней мере, в рамках нашего исследования всего несколько информантов из тех, кто упоминал возможность обратиться к сиблингу в сложной ситуации, действительно имели такой опыт.

Нормативные представления о сиблинговых отношениях могут быть заимствованы из разных источников. Это может быть, например, семейная система ценностей, которая через воспитание явно или не явно оказывает влияние на сиблингов в детстве. *«Мама постоянно нам говорила, что родные братья – самые близкие друг другу люди, должны любить друг друга, должны помогать друг другу, не обижать. Мама очень много времени уделяла именно этому аспекту воспитания, воспитанию именно братских отношений. То есть обычно родители как воспитывают ребенка? Там очень же много есть аспектов воспитания. Говорят, как нужно учиться, как нужно общаться с людьми, как отстаивать свои интересы, как выстраивать отношения с женским полом, ... какое-то половое воспитание. А у меня мама именно уделяла очень большое внимание значению воспитания братских отношений»* (29.1). Другой вариант – это опыт старшего поколения сиблингов, который может выступать наглядным примером для сиблингов следующего поколения. *«Наверное, пример они подавали, потому что, папа очень*

тесно общался со своими братьями, это были его друзья самые лучшие и так далее. И они так периодически собирались, гудели на кухне, и это было очень весело смотреть на них, потому что там была невероятная любовь между братьями, и это было видно. И с маминой стороны, а там больше сестер, там просто семь сестер и, в общем, понятно, что поддержка, та поддержка, которую оказывали мои тетки с маминой стороны, вот эти возждения по кружкам, они все время... Это было очень тесное общение, оно и сейчас очень тесное» (24.1).

Интересно также, что пример отношений сиблингов в старшем поколении может рассматриваться сиблингами следующего поколения не просто как норма, а как потенциальная форма отношений, к которой хочется прийти: *«я вижу яркий пример мамы и ее сестер, ... они начинают разговаривать [по телефону], я чувствую, что они как дети; это очень видно по маме, насколько в жизни потом, наверное, тоже мы сойдёмся с сестрой, скорей всего, в будущем когда-нибудь, когда будут какие-то интересы общие» (22.2).* В данном случае, на наш взгляд, видны представления о родственных отношениях как инертных: определенный тип отношений должен случиться сам по себе без приложения каких-либо сил, просто потому, что кровное родство и норма обеспечат возникновение этих отношений. В этом смысле нормативные представления, в отличие от кровного родства, могут претерпевать изменения, однако, в целом общность крови и норма, взятые вместе как основания братско-сестринских отношений, формируют достаточно ригидные паттерны этих отношений, не предполагающие того, что отношения можно изменить усилиями самих участников.

В целом нормативные представления о сиблинговых отношениях существуют у всех сиблингов, однако, они могут артикулироваться как значимое основание отношений или уходить на второй план. С одной стороны, нормативные представления в сочетании с кровным родством создают паттерн сиблинговых отношений характерный для тех, кто описывает свои отношения как конфликтные или не очень близкие, а также с отсутствием опыта общего детства: в рамках этого паттерна дружественные отношения во взрослом возрасте не складываются, а значимые воспоминания об общем прошлом – отсутствуют, таким образом, кровное родство и нормативные представления становятся центральными основаниями для сиблинговых отношений. С другой стороны, нормативные представления в сочетании с общим прошлым создают другой паттерн сиблинговых отношений: нормативные представления выступают сосудом, который наполняется общим прошлым как содержанием и тем самым насыщает сиблинговые отношения. Таким образом, нормативные представления вместе с другими основаниями могут создавать очень разнообразные по своему содержанию паттерны сиблинговых отношений.

Также, как и с кровным родством, часть информантов акцентирует внимание на отрицании нормативных представлений как основы сиблинговых и родственных отношений. В таких случаях нормативные представления рассматриваются как задающие слишком жесткую и не соответствующую желаниям информанта рамку, в которую вписывают родственные отношения. Таким образом, отрицаются не сами отношения, а устоявшиеся нормы того, как эти отношения должны поддерживаться – например, необходимость звонков или семейных встреч. *«Мне, конечно, хочется, чтобы ... это были какие-то интересные события, совместные мероприятия. Пусть это будут какие-то походы, дни рождения. Но, с другой стороны, мне очень не нравится, когда вся семья решает, что в конкретный момент тебе делать. Вот они собираются, значит, вечером решили, что надо так, потому что так поступали наша бабушка, прабабушка ... – вот это мне, конечно, очень не нравится, а в больших семьях обычно так и бывает»* (23.1)

Общее прошлое: «...те, с которыми ты рос»

Общее прошлое как одно из оснований сиблинговых отношений предполагает определенный ряд идей, которые отсылают к еще одной характеристике сиблинговых отношений – длительности. Информанты, артикулирующие это основание, обращают внимание на то, что именно опыт совместного проживания жизни формирует содержательную часть сиблинговых отношений. Можно выделить несколько основных сюжетов, на которые обращают внимания информанты. Корни общего прошлого закладываются в детстве, а *«детские связи проходят через всю жизнь»* (22.2). В этом смысле показательно, что детский опыт не обязательно описывается информантами как однозначно позитивный, скорее, речь идет о том, что в детстве формируется пространство взаимозависимого существования, если использовать категорию М. Салинза, и, несмотря на то, что сами отношения могут меняться, привычка общения сохраняется, и каждый следующий опыт интерпретируется как продолжение предыдущего. В рамках нашего исследования практически все пары сиблингов, которые отметили свой детский опыт как общий, в той или иной мере затем говорили об общем прошлом как об одном из оснований родства. Еще один сюжет касается непосредственно длительности отношений, то есть наличия достаточно продолжительного периода совместной жизни и отсутствие больших перерывов в общении. Длительность становится важной не столько сама по себе, сколько потому, что позволяет сиблингам очень хорошо узнать друг друга: *«с братом я могу быть любым, то есть он меня до пят, ушей знает, в принципе, я его тоже так, как облупленного, и те или иные действия как бы, что и почему, в принципе, даже если он этого не говорит, я это знаю, что и почему»* (14.2). Общность прошлого как основа сиблинговых отношений предполагает также не только разделение исключительно опыта

сиблингов, но и опыта включенности в более широкую родственную сеть, которая влияет на отношения братьев и сестер: *«с сестрой сложнее как-то совсем пойти по разным путям, перестать общаться, не иметь каких-то общих интересов, потому что в любом случае, ты встречаешься с родными, где-то вы вместе собираетесь, у вас есть общие темы для разговоров, у вас есть какие-то общие проблемы, которые надо решать, как семья»* (19.1). Таким образом, история сиблинговых отношений практически не может быть рассмотрена в отрыве от истории семейно-родственных отношений.

Если отсутствие таких оснований сиблинговых отношений как общая кровь и нормативные представления является отдельными случаями, то общее прошлое может не просто не артикулироваться как значимое, а именно отсутствовать как опыт. В рамках нашего исследования можно выделить несколько таких ситуаций. Первая касается большой разницы в возрасте между сиблингами и временного или постоянного отъезда старшего сиблинга. В обеих ситуациях старшие сестры уехали в период взросления и становления своих младших сестер и отмечают это факт, как повлиявший на характер отношений в дальнейшем. *«Может быть, это связано с разницей в возрасте. Когда у нее был подростковый период, как раз я вышла замуж и уехала. Может быть, это с этим связано, ... мне было соответственно 22 года, а ей, 13 лет, то есть если бы допустим, как раз этот возраст от 13 до, не знаю, 20, ну, все-таки мы соприкасались и были бы вместе, то возможно было бы как-то иначе, какие-то там начала ее взрослой жизни, некоторые подробности она еще со мной в начале пути делилась, там всякие мальчишки, еще что-то и так далее, а потом как-то это все ушло. Я уехала в область за 130 километров»* (9.1). Другая старшая сестра, уехавшая на постоянное местожительство в другую страну, когда ее младшей сестре было 17 лет, отмечает также отсутствие повседневного практического родства, а как следствие близких отношений и возможности *«рассчитывать на нее каждый день»* (5.1).

Еще два случая отсутствия общего прошлого касается разделенного детства в прямом смысле этого слова, когда с рождением младшего сиблинга, старший на некоторое время был отдан на воспитание дедушкам и бабушкам, что также отразилось на характере сиблинговых отношений. *«Мне порой кажется, что это из-за того, мы не росли в детстве вместе, он меня не позиционирует как сестру, я за него на это не обижаюсь, это вполне нормальная причина, из-за чего может быть»* (1.2). Интересно также, что в ситуации неблизких, сложных или конфликтных отношений в настоящем общее прошлое может часто артикулироваться сиблингами как значимое основание, которое, однако, осталось потенциальным и не привело к формированию уровня дружеской взаимосвязанности. *«С [братом] у нас было много общего. Мы вместе ходили в музыкальную школу, у нас одинаковый культурный багаж, одинаковые*

любимые книги... Были общие игры. Очень много мы во что играли. Я по этому на самом деле скучаю. Я скучаю не по нему самому, а по этим вот понятным только нам обоим вещам, воспоминаниям» (13.2).

Общее прошлое, также, как кровное родство и нормативные представления, может соединяться с различными основаниями, усиливая их. Например, те, кто артикулируют общее прошлое как значимое основание часто придают ему большее значение, чем дружбе – это, кстати, не всегда дает возможно выстроить основания в четкую систему уровней, где каждый следующий будет более насыщенным с точки зрения близости отношений, чем предыдущий. В том случае, когда общность прошлого выступает более значимым качеством отношений чем дружба, первое инкорпорирует последнее в себя вместе с кровным родством. *«Наверное, у кого-то есть такие друзья, с которыми они всю жизнь с детского сада, соответственно, они, может, думают, что они как сестры. Но из-за того, что мы с [сестрой] с рождения вместе, мы все друг о друге знаем, то это, мне кажется, другой уровень, более такой глубокий и более близкий, чем у меня может быть с какой-нибудь подругой ... все-таки в детстве, у нас никогда не было периода, когда мы вообще не общались, были в плохих отношениях, то есть мы всегда много времени проводили вместе, как-то интересовались друг другом. Наверное, из-за этого мы очень тоже похожи, нам легко общаться» (19.2).*

Другой паттерн, о котором мы уже упоминали, когда говорили о нормативных представлениях, предполагает соединение последних и общего прошлого таким образом, что определенный характер сиблинговых отношений развивается именно благодаря существующим и поддерживающимся в семье нормам: *«на ответственности за него это все держится изначально, то есть ... в начале отношений мне сказали, что вот ты за него ответственен, он твой брат; исходя из этого, я долго, долго строил отношения, те, которые у меня внутри складывались к нему» (14.1).*

Дружеская взаимосвязанность в настоящем: «мы вообще все обсуждать можем, и отношения, и работу, и все на свете»

Дружеская взаимосвязанность в настоящем или дружба является четвертым основанием родственных отношений, и также, как и предыдущие, на практике не может существовать без каких-то других. В рамках нашего исследования нет таких случаев сиблинговых отношений, которые в той или иной степени не были бы основаны на кровном родстве или социальных механизмах признания родства – усыновление / удочерение детей от первого брака своего супруга. Следовательно, дружба в данном случае понимается именно как один из уровней

сиблинговых отношений, в основе которого лежат близкие и основанные на общих интересах отношения.

В этой же логике – взаимосвязи дружбы с другими основаниями – рассуждают информанты, когда артикулируют дружескую взаимосвязанность в настоящем. Так, одним из основных сюжетов становится сравнение друга и сиблинга-друга, то есть обычных дружеских отношений и сиблинговых отношений на уровне дружбы. Последние при таком сравнении характеризуются информантами как более доверительные именно вследствие родственности. В какой-то степени здесь, наверное, срабатывает эффект генерализованной реципрокации, которая характерна для родственников и не допускает возможность обмана одного родственника другим. В этом смысле интересно, что некоторые информанты высказываются за ведение бизнеса вместе с сиблингом именно из-за доверительного характера отношений между ними. *«У нас просто сейчас с ним вот как халтура – у него бизнес свой личный, не зависящий от работы, и он не хочет привлекать чужих людей, потому что мне он больше доверяет, чем другим людям вообще. Он не привлекает своих друзей... А родители в этом помочь не могут, потому что это компьютерное, и он может привлечь только меня в этом плане»* (12.1). Еще один момент, который проговаривается при сравнении друзей и сиблингов с дружеским уровнем отношений, касается того, что последний всегда учитывает не только свои интересы, но и интересы сиблинга при решении проблемы, потому что *«проблема брата или сестры – это фактически твоя проблема»* (7.2). Таким образом, подчеркивается более базовая общность сиблингов, укрепленная дружбой в противовес возможной к изменениям общности с друзьями. Важную часть дружеского уровня понимания сиблинговых отношений составляют общие интересы, причем для некоторых пар это то, что осталось с детства, а для других – общие интересы, приобретенные во взрослом возрасте. Общение само по себе – встречи, разговоры по телефону, обмен шутками и сообщения в интернете – еще одна часть этого уровня сиблинговых отношений. В данном случае кроме формальных семейных встреч, обычно существуют неформальные практики общения, через которые сиблинги поддерживают повседневное родство. Причем интересно, что в отличие от паттернов, где артикуляция кровного родства и нормы обосновывает достаточно негибкие и не склонные к изменениям отношения родства, в данном случае сиблинговые отношения регулярно подвергаются реконструкции с целью придумать какие-то новые формы общения. *«Это был первый раз, когда, в принципе, мы поехали втроем за границу... Планируем выходы в кино, в бары. Появилась небольшая традиция, что каждый месяц пытаемся в определенный день встретиться, сходить в итальянский ресторан покушать, пообщаться, опять же, чтобы было постоянно. Но получается так, что каждые 2 месяца. Если предыдущий я организовал пойти, поесть, да, в итальянский ресторан,*

то получается, троюродный брат организовал поездку в А. Следующая очередь брата, чтобы что-то придумать» (30.2). Причем при дружественном уровне сиблинговых отношений может преодолеваться не только физическая дистанция, но и другие сложности, мешающие встрече. «Ну, вот мы тут устраивали такой момент, что мы с мужьями выезжали в К., и им лететь недалеко от К. и для нас это как бы нейтральная такая территория, где нам проще всего увидеться. Для них это безвизовый въезд, для нас, причем, тоже...то есть в принципе, у нас в планах, если нам не дадут визу снова, то видится где-то на других территориях... Это был очень хороший отпуск. Мы много с мужем, куда ездим довольно-таки. Да и я до того, как мы познакомились, тоже много ездили. Но однозначно, поездка в К. была вообще вне конкуренции. Это и они говорят, и мой муж говорит. Мы хорошо семьями общаемся. Все всё время говорят о том, что надо обязательно снова ехать, то есть тут уже всякие разрабатываются варианты, как это сделать с мелким детенышем, но это, конечно, такой челлендж» (3.2). На этом примере опять же хорошо видно достаточно большее отличие данного уровня сиблинговых отношений от тех, где артикулируется кровное родство и нормативные представления: в последнем случае физическая дистанция преодолевается достаточно редко и больше по регулярным формальным поводам. Важной частью дружеского уровня сиблинговых отношений являются эмоции и эмоциональный обмен. Сиблинги отмечают, что многие не только важные, но и повседневные события они разделяют друг с другом.

Кроме уже описанных паттернов, соединяющих разные основания, можно выделить еще два. Первый касается близких сиблинговых отношений, которые артикулируются через кровное родство и дружбу или кровное родство и общее прошлое таким образом, что оба основания рассматриваются как усиливающие друг друга, а отношения являются *«родственными, но в то же время и дружескими» (30.2)*. Второй паттерн объединяет кровное родство, общее прошлое и дружбу и представляет собой сиблинговые отношения артикулирующие наибольшее количество разных оснований. Основной вопрос, который возникает в данном случае – почему артикулируются оба уровня «социального» родства – общее прошлое и дружба одновременно. Анализ случаев, в которых этот паттерн актуализируется, показывает сразу несколько разных причин, почему это может происходить. С одной стороны, в нескольких случаях между сиблингами присутствует физическая дистанция, которая естественным образом запускает механизм артикуляции не только дружественности, характеризующий настоящий период отношений на расстоянии, но и образ общего прошлого. С другой стороны, сиблинги, реализующие этот паттерн отношений, отмечают значение родственных и семейных ценностей, что также может приводить к артикуляции общего прошлого сиблингов, привязанного к общесемейному прошлому.

Таким образом, четыре основания сиблинговых отношений могут быть рассмотрены и как уровни, отмечающие различные степени насыщения отношений, и как паттерны, когда разные основания соединяются друг с другом. Из интересного отметим, что норма и дружба как два основания сиблинговых отношений ни разу не были названы вместе, то есть если кровное родство и дружба или норма и общее прошлое могут дополнять и усиливать друг друга, то норма и дружба представляются антагонистическими основаниями: где строго действует норма, там нет места для дружественности и наоборот.

Количество имеющихся и работающих оснований также имеет значение, на наш взгляд. Так, чем больше оснований образуют сиблинговые отношения, тем более гибкими и способными выдерживать разные изменения эти отношения являются, так как ситуативно сиблинги могут прибегать к тому основанию своих отношений, которое наиболее адекватно ситуации. С другой стороны, когда оснований мало, велика вероятность того, что сиблинговые отношения будут существовать только в одном модусе – который обеспечивается основанием, а в других сферах сиблинговые отношения будут замещены отношениями с друзьями или другими родственниками. Например, если сиблинговые отношения держаться на кровном родстве и нормативных представлениях, то функция дружеских отношений будет реализовываться через каких-то других людей. *«Я к ней отношусь как к родственнице, не как к другу, потому что, все-таки друг вызывает...интерес как личность, что он делает, какие стихи он пишет, чем он занимается, как он мыслит и так далее. Видимо, примерно, представляешь, как [сестра] мыслит, и очень, наверное, многое схоже, в общем-то, со мной тоже отчасти из-за воспитания, из-за одной семьи, из-за одних родителей...И это не представляет какого-то большого интереса, это уже воспринимаешь как данность»* (23.1). Обратная ситуация касается тех случаев, когда артикулируется дружественный характер сиблинговых отношений, однако в сложной ситуации человек не может обратиться к сиблингу за помощью, так как нормативные основания общения не заданы. В этом смысле очень показательным высказыванием одной из информанток о своих отношениях с двоюродным братом. *«С ним невозможно обсудить ничего серьезного. Это просто характер у человека такой ... Ему напишешь какую-нибудь ерунду, он уже тут же в онлайн, тут же прочитает. А напишешь ему, что, А., знаешь, вот у меня трудности дома, не дождешься ответа в течение недели. Так что, если разграничивать, да, он просто именно друг, веселый друг»* (22.2). Таким образом, чем больше оснований лежит в основе сиблинговых отношений, тем больше вероятность, что они смогут сохраняться в разных ситуациях и принимать те формы, которые необходимы сиблингам в данный момент. Чем меньше оснований лежит в основе сиблинговых

отношений, тем больше вероятность, что они будут занимать какую-то одну узкоспециализированную нишу в жизни каждого из сиблингов.

3.3.2 «Всю жизнь ребенком быть тяжело»: сиблинговые отношения в контексте дихотомии «старший» / «младший»

Определение характера сиблинговых отношений часто предваряется в интервью указанием на разницу в возрасте, семейное положение и тип проживания – характеристики, которые наряду с другими формируют определенные паттерны сиблинговых отношений. При этом разница в возрасте часто упоминается не только одной из первых, но и в дальнейшем выступает лейтмотивом, вокруг которого выстраивается повествование. Однако информанты в большей степени говорят не о самой разнице в возрасте, а об отношениях «старший / младший», где становится важна уже не столько разница, сколько характер отношений, задающийся нормами и практиками, которые наполняют понятие «старший» и «младший». «Быть старшим» или «быть младшим – это социокультурный паттерн, который мы находим практически в любых сиблинговых отношениях в детском возрасте. За исключением нескольких случаев все информанты описывали свой опыт братско-сестринских отношений, через категории «старшего» и «младшего», используя их достаточно часто и наделяя позитивными или негативными смыслами. *«У меня сестра, она младше. ... У нас очень хорошие отношения, потому что если какая-то проблема, если что-то возникает, то я всегда могу обратиться к сестре, всегда могу с ней пообщаться, позвонить, как-то нет каких-то таких проблем серьезных»* (19.1). Разница в возрасте, являясь абсолютным показателем, не может меняться на протяжении жизни, однако диспозиция «старший / младший» является относительной и, следовательно, может претерпевать изменения на протяжении жизни, превращая, например, «старшего» по возрасту в «младшего» по поведению, что создает пространство для конфликтных сценариев развития отношений.

Категории «младший» и «старший», несмотря на кажущийся очевидным характер связи между ними, задают достаточно гетерогенное пространство отношений, которое может быть разбито на несколько пересекающихся, но тем не менее имеющих свои особенности паттернов: обязанности старших по отношению к младшим; доминирование; ответственность и защита; привилегированное положение младших; старшие как пример; младшие как балласт. Некоторые из этих паттернов, такие как «обязанности старших» или «привилегированное положение младших» затрагивают больше опыт одной из сторон, однако, интересно, что в целом как старшие, так и младшие сиблинги обращали внимание не только на свой опыт, но и на переживания роли «старшего» или «младшего» другим сиблингом, часто сочувствуя этой роли уже во взрослом возрасте. Например, одна из информанток так описывает свой опыт

«младшей сестры»: *«П. меня была вынуждена таскать со своими друзьями везде. Я была совсем мелкой, естественно, никуда не успевала за ними... Я думаю, что ... может быть, ее это напрягало, что она вынуждена везде таскать за собой мелкую сестру. Тем более, что в определенном возрасте хочется общения по интересам, а тут, в общем, что-то рядом бегают. Но она всегда заботилась очень сильно, это да, это, может быть, не всегда с большой охотой, но это было. Мы учились в одной школе, в музыкалку ходили одну. Соответственно, тоже определенный элемент заботы был необходим, потому что ей нужно было меня либо из школы забирать, либо из музыкалки забирать, или я за ней ходила хвостом, чтобы мы вместе уходили. В общем, такая навязчивость» (3.2).*

Обязанности старших сиблингов по отношению к младшим – достаточно устойчивая система отношений, которую родители выстраивают в детстве между детьми. Однако, если не брать исключительных случаев, старшие сиблинги не выступают как «вторые родители», то есть выполняют не очень большой объем постоянных поручений, таких как забрать младшего сиблинга из детского сада, школы, кружка; погулять и поиграть вместе; помочь со школьными заданиями. Интересно, что разница в возрасте в данном случае не играет существенной роли: обязанности старших по отношению к младшим отмечают, как сиблинги с большой разницей в возрасте, так и с маленькой. Пол оказывает более существенное влияние: хотя, обязанности «старшего» по отношению к «младшему» не связаны напрямую с полом, в рамках нашего исследования не было случая, когда на старшего брата были бы возложены большие по объему обязательства в отношении младшей сестры. При этом некоторые из старших сестер отмечают, что их позиция «старшего» и гендерные представления, существующие в обществе, вступают в определенные противоречия: *«лучше, чтобы парень был старше; потому что тот, кто старше несет какую-то ответственность, и больше характерно мужчине нести ответственность за женщину, поэтому, наверное, для развития личности лучше, чтобы мужчина руководил девочкой, во всех моментах, сложностях, защищал, там, во дворе» (2.1).*

Роль «вторых родителей» и большой объем обязанностей по отношению к младшим сиблингам является достаточно редким случаем, и сами информанты связывают такой паттерн с большой занятостью родителей на работе. *«Но мое детство, я могу сказать без преувеличения и без пафоса, ... закончилось на момент, как родилась сестра. Когда мне было 9 лет сестра только родилась, и я приехала из пионерского лагеря, ей был один месяц, и мы уехали в И., жили там на квартире брата мамино и ... я с ней ходила гулять, гладила ее вещи, что-то складывала, у меня постоянно были какие-то обязанности. Потом, когда вернулись – молочная кухня, еще что-то. И так далее, и так далее. Естественно, когда она подросла, то гулять с ней, следить за ней, это все было на мне, а когда ей уже годик*

исполнился, мы снова уехали в И. Мама вышла на работу, она уезжала где-то с обеда, с часа дня, и приезжала уже вечером. А папа вообще был здесь в городе. Соответственно всю вторую половину дня, вот мне было, 10 лет, а ей был год. Вот сейчас такую ситуацию можно представить? Чтобы современная мама оставила десятилетнего ребенка с ребенком, которому год» (9.1).

Тема обязанности старших сиблингов по отношению к младшим особенно, когда этих обязанностей было много, достаточно эмоционально описывается информантами. Однако характер эмоций не всегда является негативным. С одной стороны, вписывание какой-то обязанности в игру и превращение ее в шутку нивелирует негативные коннотации от обязанности. С другой стороны, можно говорить и о нейтральном восприятии старшими сиблингами своих обязанностей, когда последние рассматриваются как определенное подтверждение статуса старшего. Две цитаты ниже хорошо иллюстрируют эту разницу на примере одной и той же обязанности. *«Моя обязанность была забирать ее из сада. И мы забирали ее всем классом. Мы забирали ее с моими подружками, то есть, забрать ... сестру – это было целое приключение. Еще вот эти все истории, когда там мальчики бегают за девочками, и вот мы с девочками идем забирать сестру, а там они, значит, за нами следят, и надо бежать куда-то. Моя сестра была включена во все эти штуки. И сейчас они вспоминают уже, что сестру забрать из сада – да, это как бы целое приключение» (11.1).* *«Нет, это была не обуза, это была ответственность старшего брата. Не обуза, не какой-то там, как это, отягощающее что-то. Сходить в садик – это конечно надо встать, пойти, но это именно та ответственность, которую я за собой чувствовал» (27.1).*

Обязанности старших сиблингов по отношению к младшим, могут также восприниматься и отрицательно. Интересно, однако, что об этом чаще говорят младшие сиблинги, которые во многих ситуациях общения со старшими братьями и сестрами чувствовали себя *«как балласт» (2.2)*. Такой паттерн возникает в ситуации постоянного навязывания младшего сиблинга старшему, и закрепляется при негативном отношении к такого рода обязательствам. В отличие от первого паттерна, который просто постулирует устоявшиеся обязанности между «старшими» и «младшими» и является нейтральным, это паттерн однозначно закрепляет недружественные и неблизкие – с точки зрения чувств – отношения между сиблингами. *«Я помню, что меня постоянно с А. отпускали гулять, потому что это были частные дома вокруг, то есть площадок никаких детских нет, и там были часть домов недостроенных, куда можно было легко проникнуть и в общем-то там покалечиться достаточно легко. Поэтому меня постоянно прикрепляли к ней, чтобы я ходил гулять с ней, а она могла следить. Там была у нее своя компания друзей, я был как бы такой «не пришей*

кобыле хвост»» (10.3). Интересно, однако, что причины формирования такого паттерна могут быть различными – так, младшего сиблинга могут поручать заботам старшего сиблинга родители или сам младший сиблинг может тянуться за старшим, рассматривая его как пример.

Последний вариант задает еще один достаточно распространенный паттерн поведения, который связывает «старших» и «младших»: быть примером или рассматривать другого как пример. Младшие сиблинги часто отмечают, что пример старших сиблингов в той или иной ситуации сыграл важную роль в их жизни. Так, одна из сестер описывает свой опыт временного нахождения в детском доме после смерти матери. *«В детском доме можно разную дорожку пойти, можно связаться там с теми, кто курит, пьет и ... я, естественно, тоже не обошла стороной, ... но с учетом того, что [сестра] не курила, не пила, и она была старше все-таки, я именно в эту сторону склонилась, [хотя] могла и курить начать, потому что ... многие друзья, они курили, ... ну в общем, если б не она, и не она именно такая правильная, не известно, как сложилась бы дальше моя жизнь» (4.2).*

Отношения в формате «брат пример» могут раскрываться также через идею подражания – *«он в музыкальную школу пошел, потом я пошел в музыкальную школу, он там научился играть на гитаре, потом я научился играть на гитаре» (14.2)* или перенимания отдельных увлечений – *«слушала музыку такую же, как он слушал, читала фантастику, которую он читал» (16.2).* Такое подражание может иметь очень разный по длительности эффект – быть либо исключительно характеристикой детских отношений, либо распространяться на всю жизнь. В первом случае подражание перерастает в рефлексивное восприятие старшего, которое не обязательно подразумевает восхищение. Более того, если продолжать усложнять эту схему, то можно заметить, что логика «сиблинга как примера» может работать и в обратную сторону, когда старший брат или сестра становится «антипримером» для младшего. Такая форма поведения, конечно, характерна уже для взрослого возраста, когда один из сиблингов имеет возможность переосмыслить поведение другого. Например, одна из сестер отмечает, что *«в младшем возрасте, когда смотришь на старших, кажется, что ты берешь с них пример, а в этом возрасте я могу сказать, что, когда я смотрю на сестру, на ее взаимоотношения, скажем, в семье, иногда я уже как бы вижу, что делать не нужно, то есть, наоборот, от противоположного уже иду, как себя вести» (8.2).* Во втором случае подражание перерастает в двусторонний обмен, который частично стирает границы между «старшим» и «младшим»: *«он меня посадил на компьютерные игры, а я его увлек, наверное, походной тематикой, ... у нас просто обмен произошел, я из-за него стал чуть больше дома сидеть, он из-за меня чуть больше гулять» (26.1).* Таким образом, подражание как достаточно пассивный процесс трансформируется во взаимное разделение.

Если паттерны примера и подражания ориентируют младших сиблингов на старших, то паттерн «привилегированного положения младших» предполагает такое поведение, при котором «быть младшим» – значит получать определенные преференции. «Быть младшим» оказывается выгодно, так как это роль позволяет переложить ответственность на того, кто старше или ожидать, что он сам ее на себя возьмет. В одном случае информантка отмечает, что всегда чувствует себя младшей рядом со своей сестрой, так как та *«как-то вот всё всегда берёт на себя, если на даче — то это всегда, она наготовит и моет посуду, то есть если я что-то такое делаю, то это только вот, по собственной инициативе, меня никто там ничего не заставляет делать»* (6.2). В другом случае информант отмечает похожий сценарий в поведении своего младшего брата: *«когда мы находимся вдвоем в какой-то компании и заходит какой-то диалог, то ну, там, втроем, вчетвером с людьми, он отдает мне как бы ведущую роль, я отвечаю на больше вопросов, больше принимаю решений, т.е. я вижу, что это не просто моя инициатива, а что ему так выгоднее, проще, может он чувствует безопасность от этого что ли»* (26.1). В детском возрасте «младший» часто может рассчитывать на более мягкое наказание, если рядом с ним был «старший», который рассматривается как несущий ответственность за двоих, а во взрослом возрасте «младший», скорее, будет рассматриваться как имеющий право, например, на материальную помощь и поддержку. Таким образом, в определенных ситуациях позиция младшего сиблинга оказывается выгодной, потому что позволяет ему сказать, указав на старшего сиблинга – *«он старше, он сделает, он справится с этим лучше, а я тут рядом посмотрю»* (25.2).

Обратным по отношению к «привилегированному положению младших» является паттерн «доминирования», который предполагает, что старшие сиблинги за счет своей позиции могут различными способами командовать младшими сиблингами. Такое доминирование может протекать, например, в форме воспитания – *«если его поведение выбивалось за рамки того, что я считаю необходимым, как правило, я его принуждал, скажем так, вести себя в рамках приличия»* (14.1) или использования – *«ситуации такие были, что мне надо что-то такое нехорошее маме сказать, и я ее посылала говорить маме, потому что она маленькая и мама на нее не будет ругаться»* (4.1)

Еще один паттерн в пространстве отношений «старших» и «младших» связан с чувством ответственности, необходимостью защищать и опекать младших сиблингов. В определенной степени этот паттерн связан с обязанностями старших братьев и сестер по отношению к младшим, однако, описывается информантами в менее формальных категориях. В детстве чувство ответственности по отношению к младшему сиблингу достаточно слабо осознается старшим сиблингом и часто является следствием просто указания родителей на то, как себя

надо вести: «мама постоянно нам говорила, что родные братья – самые близкие друг другу люди, должны любить друг друга, должны помогать друг другу, не обижать» (29.1). Через категорию «долженствования» формируется нормативный уровень сиблинговых отношений – как себя надо вести, однако, реальные практики, а также осознание того, почему то или иное поведение является необходимым – это процесс, который постепенно разворачивается с момент рождения брат или сестры на протяжении всего детства, а иногда и всей жизни. Цитата, приведенная ниже, хорошо показывает разные стадии, которые проходила информантка в процессе осознания того, что значит быть «старшей сестрой».

«Были такие моменты, мама проводила беседы со мной [о том, что], ... я старшие, я должна защищать, оберегать маленького брата, а не лупить его, когда мне это нужно... У меня ревность была жуткая, когда он родился, и я его хотела выбросить с балкона, и меня поймали на том моменте, когда я его несла на балкон, но это было один раз, больше я таких попыток не проявляла... Я люблю тишину, когда все спокойно, когда меня не трогают, когда я делаю то, что я хочу, а тут, видимо, родился ребёнок, и он плачет много, и еще по ночам не даёт спать... Но и потом, мне очень не нравилось, что он, когда маленький, вот это я помню, брал мои вещи без спроса... Ну потом-то я его уже полюбила и воспринимала как брата, как родного человека. Ну, и, наверное, привыкаешь, если может быть кто-то может спокойно от чего-то отказаться, если я вот привыкла, то я вот уже не могу, и естественно, я его защищала. На него там вот, например, был момент, когда напал петух, очень сильно стал клевать голову до крови, я там уже за ним сразу гоняться ... стала. Были такие вот моменты. Когда он вырос, у него были нехорошие моменты в жизни, случались такие. Ну, я естественно за него переживала. Ну, сейчас я тоже, конечно. Мы больше сейчас как друзья, наверное. У нас такие отношения. Он больше со мной общается по некоторым вопросам, чем с родителями» (12.1). Таким образом, «ответственность», «опека», «забота», «защита» – это те слова, которые достаточно часто звучат в детстве сиблингов в форме нормативных требований, которые родители устанавливают для отношений между братьями и сестрами. Однако понимание и наполнение этих терминов собственными, а не «спущенным сверху» смыслами и эмоциями – это более сложный процесс, который может трансформировать отношения сиблингов в иные, например, более дружественный форматы или оставить в форме нормативных представлений.

Отношения «младший» / «старший» и разница в возрасте оказывают влияние на характер сиблинговых отношений в детстве и, прежде всего, на опыт совместного проживания детства. В данном случае можно выделить три основных паттерна поведения. Первый предполагает, что небольшая разница в возрасте (от 1 года до 4) обуславливает совместное времяпрепровождение в детстве, причем с достаточно слабо выраженными обязанностями

«старших» по отношению к «младшим». Второй включает в себя отношения сиблингов с разницей больше четырех лет, которые описывают свой детский опыт как отдельный и сопряженный или не сопряженный с какими-либо значимыми и регулярными обязательствами «старших» в отношении «младших». Третий паттерн лежит на стыке первого и второго: сиблинги с разницей более 4 лет имеют совместный детский опыт и обязанности «старший» / «младший». Первый и второй паттерны поведения достаточно легко могут быть объяснены объективно существующей разницей в возрасте: дети проводят или не проводят время вместе в зависимости от того, насколько близки они друг другу по возрасту. В этом смысле третий паттерн представляет несомненный интерес, так как указывает на обязательства «старших» по отношению к «младшим» как на механизм, который может обеспечить общность сиблингам при большой разнице в возрасте. Обязательства «старших» по отношению к «младшим» существуют и в том случае, когда разница в возрасте между сиблингами большая, а совместный опыт детства не отмечается информантами. Однако, в ситуации, когда большая разница в возрасте сопряжена с общим опытом детства и юности, обязательства «старших» по отношению к «младшим» присутствуют всегда. Третий паттерн также интересен тем, что совместный детский и юношеский опыт в данном случае оказывается практически всегда разделен на несколько этапов из-за того, что сиблинги в разное время проходят одни и те же стадии жизненного цикла: *«когда я поступила в университет, ... тогда вот резко как-то мы пошли с ней по, получается, по параллельным, то есть, у меня своя жизнь, там ... студенческая компания, ... другой ритм жизни, она училась в школе; и вот в тот момент я поняла, что мы с ней как-то совсем разошлись, то есть, по параллельным прямым, я уезжала утром, приезжала вечером, чем она там занимается, я особо вообще не знала»* (11.1). Следовательно, там, где присутствует большая разница в возрасте между сиблингами, существует опыт как общего, так и отдельного детства / юности. При этом механизмом нивелирования отдельного опыта может служить включение младшего сиблинга в компанию к старшему сиблингу: *«компания разные были, да, но я с его сверстниками меньше общался, больше он с моими сверстниками общался, я его за собой подтягивал»* (25.1).

Таким образом, каждый из перечисленных паттернов, связывающий разницу в возрасте, обязанности «старших» / «младших» и общность детства, указывает на определенную природу или форму сиблинговых отношений. Первый предполагает формирование отношений через общность опыта и равенство статусов: *«занимались очень многим вместе и играли, и рисовали, и читали, и гуляли – все, что было можно ... в детстве все делать, все было совместным»* (7.1). Второй паттерн в той части, которая касается опыта разделенного детства при существующих обязанностях заботы «старших» о «младших» указывает на отношения,

построенные на нормативных представлениях и обязательствах: *«в детстве ... не очень такие отношения были, хорошие, потому что все-таки, так как я младшая, а родители все время работали, то конечно, на нее очень было много взвалено, потому что я ходила в музыкальную школу, и маленькая была, ей за мной следить приходилось... Мы как-то не дружили так особо»* (5.2). В данном случае нормативные обязательства, предполагающие заботу и внимание к младшему сиблингу, выполняются, однако дружеские отношения не складываются, а совместное времяпрепровождение за границами выполнения обязанностей – отсутствует. Наконец, третий паттерн описывает сиблинговые отношения, построенные как на совместном опыте детства / юности, так и на обязанностях старших сиблингов по отношению к младшим сиблингам: *«я была ее хвостиком... время было другое, родители тогда отпускали одних детей, ... поэтому мы гуляли, грубо говоря, под ее присмотром; хоть она и со своими друзьями, но я рядышком, допустим, со своими, она всегда присматривала за мной... Она хорошо это воспринимала, с радостью; я помню момент, я ей сказала: «Л., мы не должны быть всегда вместе, в конце концов», - и она обиделась, хотя она была старше, ... она столько прилагала времени, желания как-то быть со мной, а я тут бац, вот так сказала ей»* (22.2). В данном случае, однако, в отличие от первого паттерна общность детства / юности характеризуется неравенством статусов: сиблинги переживают одни и те же ситуации вместе, однако, каждый со своей позиции – старшего или младшего. Таким образом, на примере этих паттернов хорошо видно, что общность опыта и нормативные обязательства являются важными механизмами формирования отношений между братьями и сестрами в детстве.

Процессы взросления, разделения интересов и прохождения различных стадий жизненного цикла в той или иной степени влияют на отношения «старший» / «младший», сложившиеся в детстве. Можно выделить три основных паттерна отношений между старшими и младшими сиблингами во взрослом возрасте: сохранение отчасти ассиметричных отношений, сформированных в детстве; постепенное нивелирование различий и не актуализации возрастной дистанции; «маятниковый эффект», предполагающий ситуационную идентификацию «старший» / «младший», независимую от фактического возраста.

Сохранение диспозиции «старший / младший» в отношениях во взрослом возрасте объясняется информантами двумя основными причинами. Во-первых, это жизненный опыт старшего сиблинга, который всегда независимо от того, сколько времени пройдет, рассматривается как больший по сравнению с тем, что есть у младшего. Во-вторых, это сложившаяся привычка отношений, которая не изменяется с взрослением сиблингов: *«я всегда был младшим, а О. всегда был старшим, ... соответственно, тип отношений был такой: вот ты маленький, подрастешь, и мы с тобой обязательно будем дружить, но это было, наверное,*

пока мне лет 20 не исполнилось, потом я понял, что ситуация не изменится, и такая схема, то, что ты все равно маленький, она, в общем, остается, на самом деле, по сей день» (20.2).

Постепенное нивелирование разницы в возрасте часть информантов связывают, прежде всего с тем, что разница в возрасте по-разному ощущается в детском и во взрослом возрасте: *«в детстве три года это прям время, то есть пять лет и восемь лет – два разных человека, а сейчас как-то уже все, правда, сравнялось» (7.2).* Стиранию границ также способствует переживание одинаковых событий, которые символически уравнивают сиблингов между собой. Например, такими событиями может выступать вступление в брак, рождение ребенка или поступление в университет, когда там уже учится старший. В данном случае тот самый опыт, который рассматривается как недостижимый в ситуации, когда возрастные границы сохраняются, оказывается доступен через совместное прохождение один и тех же стадий.

«Маятниковый эффект», по сути, является продолжением процесса нивелирования границ и их переопределения. Проявляется он, прежде всего, в том, что тому, кто считается «младшим», дают «право голоса», то есть возможность не столько высказывать свое мнение, сколько быть услышанным и воспринятым всерьез. *«Раньше мне казалось, ... что я не советчик ей, потому что она меня старше и все такое. А со временем мне стало казаться, если я что-то скажу, она действительно прислушивается. Больше, наверное, появилось того, что она меня спрашивает, то есть раньше как бы это было четко касательно тех вещей, в которых она знала, что я ... компетентна, а сейчас это касается каких-то внутренних, общих жизненных вещей» (3.2).* В основе принятия «маятникового эффекта» и нивелирования возрастных границ лежит идея о социальном конструировании возрастных границ через практики и достижения. Таким образом, определенный набор практик и достижений характеризует человека как «старшего» или «младшего» по отношению к другому, а не разница, заданная абсолютным возрастом. *«У меня, например, есть ребенок, я уже знаю, что это такое, а у него нет ребенка, поэтому в чем-то я даже уже стала опытнее его. Сейчас уже этой разницы нет. Она, наверное, стерлась, как только мы начали работать, потому что тут уже нет возрастных рамок. Рамки были четко видны в школе, когда мне прям носом тыкали, что «ты мелкая. Мы тебя не возьмем в свою компанию. Иди в своей мелочи гуляй». А потом, как начали работать, ... эти рамки стерлись, сейчас их уже нет» (27.2).* «Старшим» в таком случае становится тот, кто ведет себя как «старший», то есть в соответствии с существующими нормативными представлениями по этому поводу. Например, младшая – по возрасту – сестра может пожуричь старшую сестру за ее шопоголизм, так как *«просаживать деньги на какие-то шмотки» (19.2)* – это не та практика, которая ассоциируется со «старшим». На данном примере также хорошо видно, что система представлений о том, что значит быть

«старшим» и что значит быть «младшим», является очень подвижной, утверждаемой и переутверждаемой в рамках каждой отдельной родственной сети. Однако, кроме подвижных представлений, существуют более устойчивые характеристики того, что значит быть «страшим» – вступление в брак, появление детей, карьерный рост. Достижение одной из этих высот младшим по возрасту сиблингом раньше, чем старшим сиблингом однозначно перераспределяет отношения между ними. В некоторых случаях этот механизм обеспечивает возможность для младшего сиблинга переломить не устраивающие его отношения «старший» / «младший». Две цитаты ниже представляют одну и ту же ситуацию переопределения возрастных границ глазами двух сестер. Старшая сестра: *«она так приняла такую несколько ироничную позицию по отношению ко мне, что касается семьи, детей. Потому что она намного раньше вышла замуж меня, родила детей, а у меня нет детей пока. Поэтому, когда касается разговор этих тем, то она с иронией начинает меня лечить, учить, хихикать, подкалывать и так далее»* (23.1). Младшая сестра: *«она слушает, ну, даже где-то в таком же положении «родитель-ребенок», становится ребенком на какое-то время – мне это очень приятно, скажу честно»* (23.2). В «маятниковом эффекте», однако, важна ситуативность и динамичность в определении «старшего» и «младшего», то есть рождение детей, например, закрепляет «старшинство» за одним из сиблингов в семейной сфере, в то время, как в профессиональной сфере «старшим» может считаться другой сиблинг. Так, старшая сестра в примере, приведенном выше, отмечает, что *«ну, я тоже могу подколоть по поводу работы, карьеры. Потому что она работала очень мало, и, в общем-то, не хочет работать»* (23.1). Такая гибкая система отношений позволяет ситуативно делегировать обязанности старшего и примерять роль младшего, обращаясь к эмоциональным, социальным и материальным ресурсам друг друга, когда это необходимо, пересекая границы жесткого деления между «старшим» и «младшим». Однако, у такой системы есть и обратный эффект – если один из сиблингов исходит из возможности оспаривать и переопределять возрастные границы, в то время как второй опирается на возрастные границы, заданные абсолютным возрастом, может возникнуть конфликтная ситуация. Два примера хорошо иллюстрируют эту ситуацию. В первом случае большая разница в возрасте является препятствием принятия мнения младшего сиблинга старшим: *«если я его начинаю воспитывать, там, по каким-то поводам, что вот так нельзя, он как бы пытается возмутиться»* (20.2). Во втором случае – противоположная ситуация, когда при небольшой разнице в возрасте старший брат *«пытается ... учить жить»* младшую сестру, которая не приемлет такое *«снисходительное отношение»* и считает, что брат *«не имеет право ничего говорить и указывать»* (13.2).

Таким образом, с одной стороны, «маятниковый эффект» создает более гибкую, но при этом более сложную систему возрастных отношений между сиблингами, чем системы, формирующие отношения «старший» / «младший» на границе, заданной абсолютным возрастом. С другой стороны, конфликты возможны в любой из систем, а качество сиблинговых отношений между «старшим» и «младшими» определяется не столько симметричностью, сколько комплементарностью ролей, что подразумевает, что каждого сиблинга устраивает, как его роль по отношению к сиблингу, так и роль его брата или сестры по отношению к нему. Зеркальные высказывания двух сестер, которые определяют свои отношения как очень близкие, хорошо иллюстрируют эту идею. *«Я для П. — младшая сестра. Она меня, как сказать? Курирует... Я — младшая, и вот она продолжает... меня [такой] считать, несмотря на то, что всё-таки мы обе взрослые, да, и с детьми уже, и все такие семейные. Всё равно. Младшая — и младшая»* (6.2). *«Мне кажется, что она всё равно ощущает себя младшей, и это уже, наверное, на всю жизнь вот. И мы к ней так относимся. И мама к ней так относится. Она у нас, вот, младшая, невзирая на то, что уже взрослая. Ну, и она позволяет так к себе относиться с большим удовольствием»* (6.1).

3.3.3 «Что нам вместе решать, мы в разных городах, у каждой – свои дела, свои заморочки»: новые паттерны взаимодействия в ситуации мобильности

Точно также, как адаптация является хорошим инструментом для исследования социальных механизмов родства, ситуация мобильности может быть рассмотрена как своеобразная лаборатория для изучения родственных отношений, которые в обычном повседневном взаимодействии не всегда являются осознаваемыми и проходят «проверку на прочность» в ситуации физического разделения родственников. Одной из метафор, через которую часто описывают отношения родства, является идея «дома» или родового гнезда, олицетворяющего пространственное и временное единство всего рода. Подспудно эта идея увязывает прочность и качество родственных отношений с их локализацией в одном месте, то есть с возможностью родственникам лично общаться друг с другом на регулярной основе. В этом смысле разнообразные перемещения родственников, разрывающие эти пространственные связи, всегда осмыслились как трансформирующие родственные отношения в сторону ухудшения, ослабления, уменьшения их значимости. Результаты нашего исследования, в котором практически половина сиблинговых пар является разделенными физической дистанцией, позволяют, однако, говорить о более сложном характере влияния географической дистанции на характер родственных отношений вообще и сиблинговых отношений в частности.

Для анализа того, что происходит с сиблинговыми отношениями в условиях наличия географической дистанции, мы используем категорию «мобильности», которая позволяет

сделать акцент на процессуальном, постоянно изменяемом характере родственных отношений. В центре нашего внимания оказывается не сама ситуация переезда или географического разделения сиблингов, а характер, который приобретают отношения после этого события, то есть мы рассматриваем ситуацию физического разделения сиблингов, как начальную точку, которая задает новый формат отношений. В этом смысле ситуация разделения сиблингов не может быть рассмотрена как конечная: географическое разделение, формы общения, характер отношения постоянно оказывают влияние друг на друга. Так, дистанция определяет формат отношений, который со времен может символически нивелировать дистанцию. Именно в этом смысле категория «мобильность» более точно, чем понятия «переезд» или «миграция» отражает процессуальный, регулярно переосмысляемый, делящийся характер сиблинговых отношений. Кроме того, категория мобильности позволяет обратить внимание как на положительные, так и на отрицательные эффекты географической дистанции, уходя, тем самым, от базового утверждения об ухудшении родственных отношений с увеличением физической дистанции. Наконец, категория «мобильности» позволяет объединить вместе достаточно разные ситуации такие, как длительное и постоянное проживание далеко друг от друга, временное расставания в связи с учебой или работой, раздельное проживание в рамках одного города. Несмотря на кажущуюся разность, в основе всех этих ситуаций лежит схожий опыт осмысления динамики физического разделения и объединения. Таким образом, ситуация мобильности предполагает пространство отношений, которое складывается в результате наличия географической дистанции между сиблингами и осмысливается самими сиблингами как результат этого разделения.

Несмотря на фактическое присутствие ситуации мобильности у 13 из 30 исследуемых пар, не во всех интервью тема физического разделения является значимой для информантов: в одних интервью она становится центральной и очень эмоциональной темой, вокруг которой информанты выстраивают свое повествование, в других – возникает только при прямых вопросах исследователя. Такая разница обусловлена, в первую очередь, характером сиблинговых отношений. Так, чем более близкими являются отношения, с точки зрения того, как их определяют сиблинги, тем более значимой и эмоционально воспринимаемой является тема физического разделения и мобильности. Две цитаты ниже хорошо иллюстрируют разницу в эмоциях, связанных с отъездом сиблингов, в ситуации дистанцированных и близких отношений, соответственно. *«Просто как бы я уехал, у меня нет такой возможности общаться с братом, а я как-то не особо переживаю, ну, нет возможности. А если бы возможность была, я думаю, я бы ее использовал» (18.2).* *«Я прямо вот сейчас чуть ли не плачу, потому что настолько я прям скучаю, соскучилась... У меня просто не получилось этим*

летом съездить, и, видимо, вот этой дозы не хватило» (24.1). На этих примерах уже хорошо видно, что физическая дистанция, существуя объективно, не всегда осознается как что-то значимое для самого человека в рамках его отношений с сиблингом. Это идея представляется важной, потому что позволяет проблематизировать роль мобильности как фактора родственных отношений. Ситуация мобильности безусловно меняет частоту и формат взаимодействия. Однако, что происходит с характером отношений?

В отношениях между сиблингами, проживающими в одном городе, форма и характер отношений часто оказываются связаны таким образом, что близкие отношения влекут за собой частое как прямое, так и опосредованное взаимодействие, а дистанцированные и конфликтные отношения не сопровождаются частыми контактами. Следовательно, ситуация мобильности воспринимается болезненно при наличии близких сиблинговых отношений, потому что она коренным образом изменяет формы, в которых эти отношения протекают, то есть частоту и формат взаимодействия. С другой стороны, дистанцированные и конфликтные отношения не так сильно «страдают» в ситуации мобильности, поскольку изначально не предполагают близкого и повседневного общения. Однако, изменение формы взаимодействия не оказывает прямого влияния на характер сиблинговых отношений, а, скорее, наоборот, сложившийся до ситуации миграции характер отношений задает формы взаимодействия. Так, с точки зрения характера сиблинговых отношений можно выделить три основных паттерна: близкие отношения, амбивалентные отношения и дистанцированные или конфликтные отношения. Если первый и третий паттерн определяется через наличие дружелюбности/близости и конфликта, находящегося в активной или латентной фазе соответственно, то второй паттерн располагается между ними предполагая, что сиблинги играют в жизни друг друга *«высшие роли, но не первые» (17.2)*, то есть братья и сестры не находятся в состоянии конфликта, но и не являются близкими друзьями. Эти три паттерна отношений можно обнаружить как в ситуации мобильности, так и в ситуации проживания сиблингов в одном городе. Интересно, что в большинстве случаев в ситуации мобильности период отдельного проживания является достаточно значительным – от 7 до 16 лет, однако это не влияет на то, что сиблинги описывают свои отношения как близкие. Другой важный момент касается частоты личных встреч и опосредованного взаимодействия – общение по телефону или интернету, а точнее разницы между этими способами общения. Так, при близких отношениях сиблинги проживающие в одном городе общаются как прямо, так и опосредованно в среднем раз в неделю или чаще. У сиблингов, находящихся в ситуации мобильности, наблюдается большая разница между частотой личного общения и частотой опосредованного общения. В данном случае интересно, что если частота личного общения в среднем составляет один-два раза в год, то частота

опосредованного общения в среднем является такой же, как и у сиблингов, проживающих в одном городе: раз в неделю. Таким образом, большая частота пусть и опосредованного контакта при близких отношениях между сиблингами являются паттерном не только сиблинговых отношений, разворачивающихся в пространстве одного города, но и возможным сценарием для сиблинговых отношений в ситуации мобильности. Анализируя амбивалентные сиблинговые отношения, можно увидеть ту же тенденцию: соизмеримая частота опосредованного общения в ситуации мобильности и ситуации проживания в одном городе. При этом, интересно, что сиблинги, проживающие в одном городе и связанные амбивалентными отношениями чаще общаются опосредовано, чем лично, в то время, как для сиблингов в ситуации мобильности и таким же характером отношений, частота опосредованного общения больше, чем частота личного. Таким образом, эти результаты позволяют обратить внимание на два момента. С одной стороны, что в ситуации проживания в одном городе, что в ситуации мобильности, могут существовать разные по степени близости паттерны сиблинговых отношений – следовательно, мобильность сама по себе не играет решающего значения в характере отношений. С другой стороны, мобильность оказывает влияние на частоту взаимодействия, однако последняя в ситуации мобильности и близких сиблинговых отношений все равно оказывается выше, например, частоты опосредованного общения сиблингов, проживающих в одном городе и связанных амбивалентными отношениями. Таким образом, характер отношений между сиблингами в большей степени чем ситуация мобильности определяет форму взаимодействия.

Если ситуация мобильности решающим образом не влияет на характер сиблинговых отношений, то можем ли мы говорить о мобильности как факторе трансформации сиблинговых отношений? Дизайн исследования не позволяет в полной мере проанализировать динамику сиблинговых отношений до ситуации миграции и после, однако, опираясь на высказывания информантов, можно сделать следующий вывод. Мобильность, выступает, скорее, не фактором сиблинговых отношений, а катализатором, запускающим определенные, однако не привязанные однозначно к ситуации мобильности процессы или усилителем, не столько изменяющим отношения, сколько делающим более явным тот характер отношений, который присутствовал до ситуации мобильности. Как катализатор, ситуация мобильности может, например, ускорять те процессы, которые начались до нее. Одна из информанток отмечает, что улучшение отношений с сестрой совпало с появлением у нее молодого человека, последующим замужеством и отъездом в другой город, *«поэтому у нас не было такого большого периода, когда мы могла на равных как подруги общаться в течение долгого времени»* (8.2). Однако эта же информантка отмечает, что ситуация мобильности делает значимым то, что не было бы

таковым, если бы сестер не разделяло расстояние: *«мне кажется, мы просто бы меньше значения придавали, потому что когда рядом человек постоянно, то тебе кажется, что он будет всегда рядом и это нормально; может быть, какие-то вещи, которые мы рассказываем друг другу, так, казалось бы, неважными... И мы бы виделись чаще. И думаю, ...что, может быть, чаще бы у нас какие-то не конфликты, но ерундовые стычки происходили»* (8.2) Таким образом, в данном примере характер отношений на настоящий момент – результат множества факторов, среди которых ситуация мобильности может быть рассмотрена как один из них, но не решающий. Качество ситуации мобильности как усилителя имеющих отношений отмечают многие информанты. Прежде всего, это проявляется в том, что можно назвать «осознанием родственности», то есть ситуация мобильности делает явными основания сиблинговых отношений, которые были неявными в ситуации обыденного повседневного взаимодействия. Одна из информанток очень точно описывает этот переход из ситуации неведения к осознанию родственности. *«В определенном возрасте ты не очень понимаешь привязан ты к человеку, не привязан, то есть ... у меня есть по факту сестра старшая. Мы с ней дружим или не дружим, мы с ней общаемся. И вот это состояние какой-то сестринской любви, оно, мне кажется, его просто не было. Но мы с ней проводили очень много времени вместе... Потом я помню такой очень переломный момент, тот момент, когда я поняла, что это не просто там некий абстрактный человек, который рядом со мной живет, играет со мной и зовут ее сестра. [Она] уехала, поступила в универ и уехала. И когда вот этот самый момент, когда я поняла, что она сейчас уезжает в Питер, и мы теперь очень долго не увидимся... Это было вообще очень жестоко, потому что я очень расстроилась. По телефону не могла с ней говорить несколько месяцев, я плакала»* (3.2). Осознание родственности в ситуации мобильности происходит не только между сиблингами: информанты обращают внимание на то, что это ситуация меняет, например, отношения с родителями и даже дальними родственниками, *«потому что понимаешь, что не можешь в любой момент пойти в гости, сказать: «Привет. Давай увидимся» и так далее, то есть тут уже больше начинаешь именно ценить родственные отношения, больше скучать по дому»* (17.2). Таким образом, говорить об отношениях до ситуации мобильности и после нее как о разных и обособленных друг от друга типах не совсем корректно, потому что отношения «после», скорее, являются вариацией отношений «до» с неочевидной ролью самой мобильности в этих изменениях. Что, однако, не отменяет наличие новых паттернов взаимодействия, которые рождаются в ситуации мобильности. Причем, новизна, индивидуальность, активность в изобретении этих паттернов и сценариев тем больше, чем ближе характер отношений между сиблингами, так как именно такой характер отношений стремиться быть подпитанным частыми контактами, хотя не всегда

нуждается в этом. Некоторые из информантов отмечают отсутствие у них «культы звонков», подчеркивая, что качество отношений не зависит от количества такого рода формальных форм взаимодействия. Если отношения определяются как дистанцированные или конфликтные, то паттерны взаимодействия в рамках ситуации мобильности являются достаточно стандартизированными и не оригинальными.

Новые паттерны взаимодействия касаются, прежде всего, отсутствия общей повседневности. Географическая дистанция существенно снижает возможность сиблингов участвовать в повседневной жизни друг друга. Обсуждение работы, повседневных забот и насущных проблем часто происходит с друзьями, то есть с тем, кто разделяет повседневность одного из сиблингов. *«Она далеко, она не может все-таки оказать полное общение, поддержку, все равно все-таки расстояние сказывается. А подружки, они рядом, мы можем и увидеться, и сходить куда-нибудь, и поддержать друг друга, и поболтать»* (17.2). Физическое соприкосновение – еще одна черта, которой лишено общение сиблингов на расстоянии. Например, одна из информанток, описывающая свои отношения с сестрой как очень близкие, отмечает, что единственное, чего им не хватает в этих отношениях – это возможности обнять друг друга. Другая информантка, продолжая этот же сюжет, говорит о том, что хотела бы *«просто посидеть в молчании, потому что это идет какая-то связь на более глубоком уровне, [чем], если она поговорит со мной, я ее выслушаю... и было просто вот так попить кофейку и поговорить ни о чем, то есть это не так, чтобы общие интересы, а такое пространство, посидеть вместе»* (5.1). Другая сторона отсутствия общей повседневности, которую отмечают все информанты, – это отсутствие или небольшое количество конфликтов из-за бытовых вещей, которые достаточно часто встречаются, когда люди живут вместе. Здесь на первый план выходит сюжет о том, что ситуация мобильности позволяет выделить главное – сами отношения: *«в определенной степени отношения подкрепляются всегда расстоянием; ...ты больше человека ценишь, может, меньше видишь каких-то, не отрицательных, но спорных качеств, меньше вот этих несогласий, каких-то бытовых трений, особенно, когда вы не вместе уже живете; ты уделяешь внимание только каким-то основным вещам»* (3.2).

Отсутствие общей повседневности – это тот недостаток ситуации мобильности, который практически невозможно нивелировать. Однако регулярные и частые звонки в определенной мере позволяют решить эту проблему. Здесь еще оказывается важным характер общения – так, для сиблингов, описывающих свои отношения как близкие, характерно повседневное общение, включающее обсуждение как раз различных бытовых мелочей, которые позволяют сиблингам почувствовать себя частью жизни друг друга. *«Господи, да ерунду всякую. Я даже не знаю, что мы обсуждали. Кто, где был, кто чем занимается, кто куда ходит, что у нее там в*

институте, когда она к нам придет. Что еще мы обсуждали. Вчера мы маму обсуждали. Что еще, что она мне там еще писала. Какие-то, мне кажется, больше такие бытовые, наверное, какие-то жизненные такие текущие дела» (8.1). Другой способ реакции на отсутствие общей повседневности – это принятие данной ситуации как исходной и выстраивание отношений на ее основе. В данном случае информанты отмечают, что повседневность исключается из их разговоров, заменяясь обсуждением важных для сиблингов тем и событий. «У нас вот именно этой повседневности – и с родителями ее мало в разговорах, то есть, когда ты начинаешь ... говорить, "Что у тебя случилось?" - понятно, что какие-то только ключевые яркие точки, а не то, что каждый день происходит. И, видимо, здесь точно так же ... что-то, какое-то значимое событие, если хочется поделиться» (11.1). Таким образом, в данном случае мы видим две логики «преодоления» отсутствия общей повседневности: во-первых, через большую частоту контактов с акцентом на эту повседневность и, во-вторых, через нивелирование общей повседневности и акцентировании внимания не на всем, что происходит, а на том, что значимо для сиблинга. Отсутствие общей повседневности опять же более критично оценивается сиблингами, которых связывают близкие отношения, так как при дистанцированных и конфликтных ситуациях опыт общей повседневности может быть не большим или отсутствовать вовсе.

Отсутствие общей повседневности задает еще одну черту новых паттернов взаимодействия – необходимость учитывать при общении изменяющееся мировоззрение друг друга. Как мы отмечали в первой главе вслед за Э. Ботт, родственная сеть – особенно сплоченная создает свои нормы, правила и представления, которые в ситуации регулярного и плотного общения сохраняются и поддерживаются родственниками и обеспечивают общий, понятный всем «язык» общения. Ситуация мобильности, однако, помещает сиблингов в разные города, а иногда и страны, а также под влияние супругов, новых друзей и родственников, что часто приводит к тому, что система ценностей и мировоззрения сиблингов начинают расходиться, создавая определенные проблемы при общении. «Она приехала, ... и все хорошо, мы очень давно не виделись, то есть как бы первые эмоции, они всегда позитивные. А потом, когда какое-то время рядом с ней живешь, думаешь, боже мой, ты меня вообще не знаешь, какой ужас. Вот такого плана, то есть ты пытаешься что-то объяснить, у нее какие-то свои взгляды. Потом это стирается. В среднем на период адаптации надо, наверное, неделю, две для того, чтобы понять, что, в общем-то, никто друг друга не обязан понимать ровно настолько, насколько тебе этого хочется» (3.2). В этой цитате также хорошо обозначена еще одна проблема, вырастающая из длительного раздельного проживания и редких контактов – адаптация друг к другу, которая может каждый раз происходить как бы заново, тем самым

постоянно внося тот элемент осмысленности в родственные отношения, которые может отсутствовать, когда человек привыкает постоянно быть рядом и, возможно, в этой привычке теряет понимание важности, ценности, хрупкости родственных отношений. Интересно, что различие мировоззрений чаще упоминают младшие сиблинги, что, возможно, является способом переосмысления границы между «старшими» и «младшими»: *«сейчас, когда уехал из дома, когда мы перестали жить вместе и все дела, у меня кардинально другое теперь видение мира, интересы, я зачастую полностью не согласен с его какими-то жизненными решениями»* (18.2). Таким образом, через разделение и сравнение с сиблингом может происходить не только осознание родственности, но и осознание себя, своей идентичности.

Еще одной чертой новых паттернов взаимодействия в ситуации мобильности становится характер встреч, который также зависит от близости отношений и частоты личного взаимодействия. Так, для сиблингов, связанных близкими отношениями, характерен повседневный паттерн общения даже несмотря на то, что личные встречи могут случаться не так часто. Такой тип общения подразумевает, что сиблинги проводят время друг с другом или семьей, как бы встраиваясь в привычное, рутинное течение жизни тех, к кому они приехали. *«Пока не было еще у нее ребенка, я приезжала в Пермь, и мы с ней обязательно ходили по магазинам, потому что у меня сестра – она умеет выбирать одежду, она очень такая дотошная... И поэтому с ней очень классно ходить по магазинам... И вот мы с ней, бывает, что так целый день, мы там забуримся куда-нибудь – или в кино там, или еще куда-то»* (11.1). Таким образом, через встречи восполняется отсутствие общей повседневности. Интересно, что такой формат встреч в большей степени характерен именно для сиблингов, описывающих свои отношения как близкие, и в некоторых случаях может являться продолжением активного создания «воображаемой» повседневности через опосредованное общение. Например, одна из информанток описывает практику опосредованного общения через скайп очень приближенную к личному общению: *«иногда бывает то, что мы по скайпу с ним можем провести полночи; мы просто ставим скайп, [муж], [брат] и я, в общем, поужинаем вместе, поиграют они в игрушки с [мужем]»* (24.1). Другой случай, когда такой формат встреч является продолжением практик, сложившихся еще до ситуации мобильности: *«даже, когда она уехала в А., то, когда она приезжала, мы всегда ходили на стадион; даже, когда она уехала, я покупала ей абон, чтобы она, когда приезжала, [могла сходить]»* (4.1). Редкие встречи при амбивалентных, дистанцированных и конфликтных отношениях между сиблингами могут создавать другой паттерн взаимодействия, который, с одной стороны, включает формальные и обязательные встречи со всеми родственниками, а, с другой стороны, предлагает не столько повседневное и рутинное общение, сколько «специальную программу»: *«и они объездили, обгуляли весь город,*

Пушкин, Павловск, Петродворец. Мы ходили на балет в Мариинский театр...Очень была обширная программа» (5.2). Таким образом, повседневный и «туристский» паттерны общения при встречах задают две разные логики взаимодействия: первый направлен на нивелирование границы, расстояния и дистанции путем помещения сиблинга в привычные и рутинные семейные практики, в то время, как через второй, возможно, и неосознанно, граница и разделение между сиблингами подчеркивается за счет создания отдельных и специальных форм взаимодействия на момент приезда сиблинга.

В целом новые паттернов взаимодействия в ситуации мобильности возникают на стыке двух оснований: признания наличия дистанции и попытках ее символически и физически преодолеть. Результатом этого становятся адаптация к дистанцированному образу жизни. Интересно, однако, что степень этой адаптации также может быть разной – для одних пар ситуация разделения продолжает быть болезненной и в определенном смысле непринятой даже по прошествии большого количества лет, для других пар раздельный образ жизни становится базовым и принимается как данность. Причем в последнем случае изменение этой данности – раздельного существования – уже оценивается как проблематичное в силу сложившихся практик, привычек и образом жизни. Цитата ниже хорошо иллюстрирует эту идею. *«С одной стороны, да, всё равно скучаешь, ... приезжаешь когда, понимаешь, что да, это родня, это родители, это сестра, и, тем более, родители сейчас взрослеют, и надо бы быть рядом... Но мы поняли, что мы уже здесь...тринадцать лет, да, ... что мы уже отвыкли и, вероятно, мы бы не смогли сейчас, потому что мы уже адаптировались к этим дистанцированным отношениям – и с родителями, и с сестрой, соответственно... для нас это привычный мир» (11.1).*

Как мы отмечали в начале параграфа, ситуация мобильности с точки зрения выстраивания отношений поверх дистанции может быть применена не только, когда сиблинги проживают в разных городах и странах, но и в ряде друг случаев таких, как жизнь в разных квартирах в одном городе или временное разделение сиблингов. Возможность объединения на первый взгляд таких разных ситуаций диктует то, что сами информанты осмысляют этот различный опыт через схожие категории. Две цитаты ниже, например, иллюстрируют практически одинаковые эмоции по поводу переезда в другой город и по поводу раздельного проживания в рамках одного города соответственно. *«Как-то у нас начало налаживаться общение в том плане, что мы поняли, что мы уже далеко друг от друга и наоборот, как-то друг к другу стали лучше относиться, тянуться даже больше, потому что, когда она рядом, все равно не ценишь, скажем так, отношения. Когда она уже уехала, это стало понятно, что все-таки сестра, и как раз наши отношения в это плане начали налаживаться» (17.2).* *«Как*

мне кажется мы гораздо лучше общаемся, когда мы не находимся в одном как бы вот помещении, не находимся рядом, не видим постоянно друг друга, то есть когда кто-то куда-то уезжает, у нас возникает необходимость с человеком как-то пообщаться, провести время. Даже сейчас, когда я захожу домой, мы там просто сидим с ним в комнате по несколько часов, болтаем о чем-нибудь, прикалываемся. Хотя, когда я с ним жил в одной квартире, такого не было. Пришли там: «Привет!» – «Привет!». Всё. И дальше пошёл» (26.1). Другой пример использования категории мобильности для ситуаций из разных контекстов касается пропуска одним из сиблингов значимых событий в жизни другого. Это может происходить и как вследствие ситуации мобильности, так и из-за временного отсутствия сиблинга, однако в равной степени часто осмысливается как фактор, влияющий на отношения в дальнейшем.

Таким образом, суммируя идеи, связанные с сиблинговыми отношениями в ситуации мобильности, можно отметить следующее. Во-первых, ситуация мобильности позволяет проанализировать родственные отношений в целом и сиблинговые отношения в частности с точки зрения того, как географическая дистанция возникает, осмысливается и символически нивелируется в процессе отношений. Во-вторых, ситуация мобильности создает новые паттерны взаимодействия, которые продолжают развивать существующий характер сиблинговых отношений, однако через иные, нежели при совместном проживании практики и механизмы. В-третьих, мобильность сама по себе не осмысливается информантами как критическая точка в развитии отношений; скорее, мы можем говорить о том, что ситуация мобильности делает явными не до конца осознаваемые, интериоризированные структуры родственных отношений, и именно это может способствовать изменению отношений как в позитивную, так и в негативную сторону. В-четвертых, ситуация мобильности в большей степени осмысливается в случае близких отношений между сиблингами. Чем менее близкие отношения, тем меньше ситуация мобильности трансформирует сложившиеся практики взаимодействия.

3.3.4 «И все как-то вместе, дружно, а у нас лебедь, рак и щука»: паттерны взаимодействия в родственной сети

Исследование любых диадных родственных отношений будь то супружеские, родительские или сиблинговые не может считаться полным без изучения того контекста, в который эти отношения погружены. Быть родственником – это значит быть частью сложной и часто запутанной родственной сети, которая составляет внешнюю среду для разнообразных форм отношений. Влияние родственной сети может быть как прямым и осознаваемым всеми участниками, так и косвенным, то есть не явным и не очевидным. В первом случае, например, переезд одного члена семьи, развод супругов, смерть кого-то из близких родственников

необратимо меняет форму и характер отношений не только в рамках близкого круга тех, кого это коснулась, но и в более удаленных сегментах сети, порождая сближение или удаление родственников. Во втором случае, например, нормы, усвоенные человеком с детства в рамках общения со своими родственниками, могут оказывать сильное влияние на его представление о формах общения с другими людьми. Таким образом, прямо или косвенно, принимая или отрицая то, что касается его родственных отношений, человек все равно реализует сценарии и паттерны, вырастающие из тех, что закладывает родственная сеть. Кроме того, сеть родственников наряду с другими социальными сетями – дружескими, соседскими, коллегиальными – формирует значимую часть повседневности человека, реализуясь во встречах, звонках, совместном времяпрепровождении. Таким образом, и на уровне нормы, и на уровне практик, говоря о конкретных родственных отношениях, мы подразумеваем, что они существуют в контексте множества других отношений, составляющих родственную сеть. Учитывая это, в данном параграфе мы проанализируем характер и структуру родственных сетей сиблингов, механизмы, создающие динамику сети, а также конфигурации отношений, в которые оказываются встроены сиблинговые отношения.

«Родственников вагон, но я просто с ними не общаюсь»: близкие и формальные отношения в родственной сети

Классические исследования широкого круга родственников предполагают выявления всех известных родственников и установления характера отношений между ними. Однако, опираясь на социально-конструктивистскую перспективу, мы использовали идею о том, что разные родственники имеют разное значение для индивида. Тогда, эгоцентричная сеть каждого человека может быть представлена как поделенная на два сегмента – первый, включающий близких и значимых для человека родственников, и второй, включающий «официальных» или формальных родственников, которые признаются как родственники, однако не играют значимой роли в жизни человека. Такое разделение достаточно четко прослеживается в высказываниях информантов, подчеркивающих практическую и реальную близость одних родственников в противовес очень формальным и нормативным отношениям, которые связывают информантов с другими родственниками: *«ну, привет и пока, конечно, скажу, то есть я не буду себя по-свински вести, совершенно такого нет; я буду поздравлять их с праздниками, ... но активно интересоваться, как у них жизнь – [нет]; они, честно говоря, со своей стороны не то, чтобы сильно интересуются, поэтому это не подпитывается ни с чьей стороны»* (3.2).

Формальные родственники обычно составляют большую часть родственной сети человека. При этом, несмотря на многочисленность и разнообразие типов родственников, попадающих в данный сегмент сети, отношения с ними обычно строятся по стандартным и однотипным сценариям, включающим редкие встречи на значимых семейных событиях, редкие визиты – при нахождении в одном городе, взаимные поздравления с праздниками по телефону и потенциальную возможность активировать родственную помощь в случае крайней необходимости. *«Родной ее брат, его машина сбила, и мы тут все звонили, скакали, чего надо, это, в больницу, слава Богу, все отделались легким испугом, а он только ушибом, и там мы все названивали, и я естественно тоже звонила, и всё ему нужна была какая-то общесемейная поддержка, но как бы допустим этот мой двоюродный брат не всегда вспомнит, что у меня день рождения было, и у меня не возникает каких-то обид на эту тему»* (9.1). Отметим, что и в этой, и в приведенной выше цитате хорошо видно, что такой дистанцированный характер отношений является устоявшимся и устраивающим обе взаимодействующие стороны.

Близиких или значимых родственников обычно намного меньше, чем формальных: в рамках нашего исследования информанты в среднем называли не больше 6-7 родственников, из которых лишь про некоторых рассказывали достаточно подробно, объясняя контекст своих близких отношений с ними, в то время, как другие просто постулировались в одном-двух предложениях как близкие. Важно, что граница между «близкими» и «формальными» родственниками не всегда проводится в соответствии с рангом родства, а также может не соответствовать разделению между нуклеарной семьей и более широким кругом родственников: близкие отношения могут складываться как с генеалогически близкими, так и с генеалогически дальними родственниками, а конфликтные ситуации могут приводить к ухудшению отношений с членами нуклеарной семьи. Именно поэтому, вместе с достаточно ожидаемым упоминанием родителей, детей и супругов – последних, кстати, достаточно редко – сегменты близких родственников очень разнятся по составу и включают большое разнообразие родственников, например, *«бабушку по маминной линии, тетю по папиной»* (17.1), *«маму, папу, брата, троюродного брата и дедушку»* (30.2), *«маму и дядю, причем не родного дядю»* (23.2), *«сестру, маму, папу, бабушку, которая мамаина мама, и маминного брата, еще сестру маминного папы»* (19.2). Остановимся более подробно на тех родственниках, которые наиболее часто упоминаются как близкие.

Нахождение в этом сегменте сети родителей представляется достаточно неоднозначным. Один из вопросов в интервью, предшествующий определению близких родственников, касался отношений информантов с родителями. Ответы на эти вопросы позволяют сделать вывод, что родители оказываются помещены в категорию близких родственников часто независимо от

характера отношений с ними: *«ну, мама, папа, естественно, как бы я чего ни думал, и не относился, все равно»* (26.1). На первый взгляд это кажется достаточно очевидным, однако, важно, что никакие другие родственники, кроме родителей, не обозначаются информантами как близкие, если между ними и информантом присутствуют сложные, напряженные или конфликтные отношения. Таким образом, при отнесении родителей к близким родственникам часто, хотя и не всегда, срабатывает логика нормативных представлений, в рамках которых родители априори понимаются как одни из самых, если не самые близкие люди. Родители не всегда попадают в категорию близких людей вместе: мамы оказываются там чаще пап. Такое разделение обычно возникает в тех ситуациях, когда родители сиблингов развелись, что приводило к тому, что дети оставались с матерью, а с отцом выстраивались более дистанцированные, а иногда и конфликтные отношения, которые сохраняются до сих пор. В целом отношения с родителями описываются как двойственные, часто сочетающие близость и дистанцию, равенство и авторитет. Очень хорошо эту идею выражает одна из информанток: *«я очень люблю свою маму, но я не смогла бы с ней жить вообще»* (9.1).

Если говорить о бабушках, дедушках, дядях и тетях, то все они в той или иной степени упоминаются информантами в качестве значимых родственников, однако, первые и последние появляются гораздо чаще вторых и третьих, что подтверждает идею роли женщин в создании, поддержании и сохранении родственных отношений. Интересно, что бабушки могут выступать как «положительным», так и «отрицательным» персонажем семейных историй. В первом случае с ними связывают категории «друга» и «второй мамы», причем «дружественность» характеризуется как отношения равенства и доверия часто в противовес иерархичным и в каких-то аспектах проблемным отношениям с матерью: *«у меня самый любимый человек – это бабушка, ... и хотя ей уже 90 лет, но мама довольно строгая, она и сейчас строгая, поэтому со всеми своими проблемами, я всегда иду к бабушке, она очень добрый, нежный человек, поэтому, абсолютно бескорыстный»* (22.2). В втором случае – как отрицательный персонаж – бабушки появляются в рассказах сиблингов чаще всего либо в качестве свекровей, не любящих своих невесток, то есть матерей сиблингов, либо как авторитарные личности со своими, непонятными сиблингам, правилами и представлениям: *«почему-то она очень, как это, не то, что въедливая, но вот во все ей надо залезть, везде ей надо свое, ... меня это с детства бесило, когда она начинала в моих шкафах порядка наводить, ... поэтому сложно мне с ней, то есть у нас нет с ней каких-то близких отношений»* (8.1).

Если наличие бабушек среди близких родственников достаточно легко можно объяснить ссылкой на устоявшиеся модели трехпоколенного взаимодействия при воспитании детей / внуков, то частое упоминание тётъ представляется достаточно интересным. Тети, как и

бабушки, выступают как вторые мамы и подруги, а также в качестве советчиков, примера для подражания и связующего родственника, который собирает все вместе по каким-то событиям. Через эти категории просматривается двойственное, пограничное положение теток в родственной сети: с одной стороны, к ним можно обратиться как к родственнику и ожидать, что они будут вести себя как родственники, однако, с другой стороны, с ними формальные правила родственного поведения определены уже не так четко, как с родителями, например, что дает большую вариацию в практиках поведения. В целом отношения с бабушками, а особенно с тетями, представляются как частично восполняющие сиблингам какие-то аспекты общения, которых не хватает в отношениях с матерями. Отметим также, что, если бабушки и тети упоминаются информантами достаточно часто, что дает возможность увидеть некоторое разнообразие в тех функциях, которые они выполняют для сиблингов, то дедушки и дяди рассматриваются как близкие родственнику достаточно редко и оказываются связаны в основном с одной функцией – реальной или символической заменой отца: *«он именно, в отличие от папы моего, который от нас отпихивался, и был тоже довольно такой закрепощенный, сердитый частенько, дядя мой, он мог со мной поиграть, и поговорить, т.е. много было какого-то вне телесного контакта»* (23.2).

Кроме перечисленных родственников в категорию значимых могут попадать и более дальние родственники – двоюродные и троюродные сиблинги, братья и сестры бабушек и дедушек, племянники и племянницы. В данном случае нормативные представления уже не работают, и причисление этих родственников к близким практически всегда имеет под собой какую-то личную историю отношений либо самого сиблинга, либо его родителей с этим родственником. Эти истории обычно касаются либо совместного детства, когда отношения были заложены, либо каких-то переломных моментов в биографиях, которые послужили сближению. Например, одни из информантов так описывает свои отношения с сестрой бабушки: *«в детстве мы постоянно уезжали, процентов 40 от года мы проводили у нее; тогда эти отношения сложились, сейчас они продолжают, и они очень теплые; мы приезжаем постоянно точно также, всегда помогаем ей, она – к нам, сейчас она у бабушки гостит, как раз виделись недавно»* (26.1).

В целом идея выбора, то есть избирательный подход к тому, кого считать близкими родственниками хорошо прослеживается в высказываниях информантов. Однако также верно и то, что, чем ближе по рангу родства родственник – тем весомее должны быть основания, чтобы исключить его из круга близких родственников, а чем дальше он по рангу родства – тем сильнее должны быть социальные механизмы и связи, чтобы включить его в круг близких родственников. Таким образом, в некотором идеальном состоянии родственная сеть,

основанная, также, как и сиблинговые отношения на разных природах – кровном родстве, норме, общем прошлом и дружбе, тяготеет к тому, чтобы разделение между близкими и дальними родственниками по рангу родства соответствовало разделению между близкими и дальними по отношению и ощущению. На практике, однако, «небольшие нонсенсы» – как выразилась одна из информанток, описывая свои более близкие отношения с двоюродным братом, чем с родной сестрой – случаются гораздо чаще, чем совпадение ранга родства и характера отношений.

Со структурной точки зрения родственные сети сиблингов – идентичны. Однако, социально-конструктивистская логика, которая лежит в основе выделения сегмента близких и формальных родственников, дает возможность увидеть, что в большинстве случаев круг значимых родственников сиблингов пересекается, но не является тождественным. Полное совпадение в выборе близких родственников может говорить, на наш взгляд, либо о достаточно близких отношениях между сиблингами, либо о совместном характере общения с родственниками.

«Когда поводов долго нет – мы их придумываем»: механизмы удаления и приближения родственников в сети

Через все интервью достаточно явно проходит идея инертности родственной сети: информанты, рассуждая об очень разных сюжетах, сходятся на том, что родственные отношения развиваются как бы самостоятельно, в соответствии со своей внутренней логикой, и человек – это результат, объект или часть этих сложившихся отношений, но никак не субъект, не действующее лицо, которое их творит. Так, например, на вопрос о том, хотели ли бы сиблинги что-то изменить в своих отношениях с братьями и сестрами, очень многие отвечали, что хотели бы видеться чаще и иметь более близкие отношения, однако практически никто из информантов не считает, что для этого необходимо что-то сделать с их стороны, аргументируя, что *«это может появиться со временем»* и *«насильно мил не будешь»* (27.1). В этой же логике строится рассуждение о потенциальной динамике сиблинговых отношений: так, братья и сестры верят, что появление детей, обмен жилплощадью или взросление само по себе автоматически улучшит качество отношений. Такая инертность кажется вырастающей из кровной природы родства, подразумевающей, что родственники нам даны. Однако, здесь заключается определенная логическая ошибка: даже если мы рассматриваем родственников, как данных нам, то отношения с ними – это не данность, а результат того, как эти отношения выстраиваются. И в этом смысле избирательный характер близкого круга родственников – лучший пример того, что родственная сеть скорее воспринимается как инертная, нежели

действительно является таковой. Подтверждением этого является процессуальность родственной сети, то есть ее способность претерпевать изменения в силу трансформации отношений: кто-то из близких родственников может постепенно перемещаться в категорию формальных и наоборот, обеспечивая таким образом динамику сети.

Обобщая различные случаи, можно выделить четыре основных механизма, приводящих родственные отношения в движение: удаление близкого, удаление формального, приближение формального, приближение близкого.

«Удаление близкого» подразумевает установление дистанцированных отношений с кем-то из родственников, ранее считавшимся близким. Причины, запускающие этот механизм, могут быть разными. С одной стороны, переход из категории близких родственников в формальные может осуществляться постепенно, без явных переломных моментов. Так, родственники, с которыми ребенок проводил много времени в детстве в силу общности возраста, дачи и бабушек, могут существенно отдаляться от человека, когда он становится взрослым. *«Я все лето проводила на даче у бабушки. Когда постарше стала, с 14 лет, наверно. ... И брат приезжал. У нас с ним были очень хорошие отношения. Мы с ним ни разу в жизни не поссорились. Но при этом сейчас мы сейчас практически не общаемся. Ну, редко, ну на даче, когда видимся, он звонит, что поедешь не поедешь. Отвезти, не отвезти»* (5.2). С другой стороны, медленно назревающая конфликтная ситуация или травмирующие отношения, в конце концов, могут привести к ссоре и резкому исключению человека из круга близких родственников. *«В какой-то момент у него проблемы начались в жизни и лично, ... и он начал вымещать на мне. ...Моя чаша терпения переполнилась, когда он за пять минут уколол меня во все мои самые больные точки, и просто я сама поставила точку в наших отношениях. Так вот, в принципе. Когда семьей будем собираться, мы как-то будем разговаривать, еще что-то, но на этом все. Мы очень поссорились по-крупному, это два года назад было. И, в принципе, как-то все уже утихло, переварилось, но я не чувствую потребности в этом, скажем так»* (16.2). Отметим также, что этот механизм, как и другие, может работать и на индивидуальном, и на коллективном уровне. Примеры выше касаются перемещения родственника из категории близких в категорию формальных в сети одного конкретного человека. Цитата ниже демонстрирует уже коллективное решение по установлению дистанции с родственником. *«Бабушка по маминей линии, скажем так, мы ее прогнали из дома своего. У нас так выходило, что каждый раз, когда она приходила, приезжала, вернее, она пыталась маму с папой поссорить, каким-то образом влиять на отношения внутри нашей семьи. После чего, конечно же, всегда получала отпор. В один прекрасный момент мы решили, что лучше пусть она к нам*

не приезжает. И попросили маму, если она очень хочет со своей мамой видеться, встречаться с ней где-то вне дома, что собственно и происходило» (14.1).

Если «удаление близкого» является достаточно чувствительной операцией для человека, то механизм «удаления формального» обычно фиксируется в форме постулирования факта, что отношения с какими-то формальными родственниками сошли на нет. В целом «удаление формального» – это неизбежная часть развития родственной сети, в которой недостаточно интегрированные сегменты постепенно или одномоментно отсекаются. *«Вот мы с Т. общались... Но в последнее время как бы нет. У нее случилось, типа, даже не знаю, как сказать. Может, это такая постстрессовая реакция. Но попытки как-то ее поддержать после смерти отца и матери с нашей стороны, со стороны нашей семьи, я не могу сказать, что была какая-то навязчивость. «Т., если надо что-то помочь, давай мы тебе поможем» - они как-то воспринимались в штыки и это как-то само собой так ушло» (3.2).*

«Приближение формального» – основной механизм, за счет которого в сегменте близких родственников появляются ранее считавшиеся формальными родственники. Если механизмы удаления возникают как следствие естественного отдаления или конфликтных ситуаций, то механизмы приближения в большей степени завязаны на активной деятельности родственников: можно, не общаясь ни с кем, «потерять» родственников, однако, достаточно сложно приобрести их таким способом. Таким образом, «приближение формального» – это скорее осознанный сценарий взаимодействия, нежели следствие стечения обстоятельств или случайности. *«Ну, с ним отношения сложились, скорее, года два, потому что у нас сократилась разница в возрасте. Там 35, по-моему, сейчас. А мне получается 26. Разница уже не так заметна. И как-то он начал меня вытаскивать, именно он. Я сначала не шел особо на контакт. В детстве я его особо не помню, он был старше у него была своя семья. Он довольно рано уехал из дома. Я его не видел. Я знал, что он есть, но дядя и дядя. А сейчас мы общаемся, ездим с ним на сноубордах кататься, какие-то такие развлечения семейные. Опять же та же дача. Все это вместе» (26.1).*

Механизм «приближения близкого» немного отличается от предыдущих и направлен на уменьшение дистанции с тем, кто по рангу родства должен быть близок. Таким образом, этот механизм позволяет создать те отношения, которые должны были бы быть, но по каким-то причинам не сложились. Самыми яркими примерами в данном случае является положительная динамика в отношении с родителями или появление в жизни человека «отсутствующего» до этого момента родственника. *«А с папой, наверно, даже ближе стали. Когда он с нами жил, он как-то, ну, конечно, папа и папа, а сейчас он так, более, более лично общаемся, то есть там*

пытаемся какие-то общие интересы завести, все такое» (26.2). «Мне очень хотелось увидеть своего родного дедушку, потому что бабушка очень рано умерла, у папы родители умерли еще раньше. И у меня не было вот этого ощущения бабушки, дедушки никогда, и поэтому мне было интересно, я же родственник. Вот я его нашел, и очень рад тому, что я с ним познакомился» (20.2).

Кроме механизмов, обеспечивающих динамику сети, можно говорить о механизме поддержания отношений с теми, кто относится к кругу близких родственников. Этот механизм опирается на социальные основания родства и подразумевает, что данная от природы связь требует укрепления через повседневные взаимодействия и практическое родства. Сюда можно отнести как регулярные и запланированные визиты родственников друг к другу, так и спонтанные встречи, совместные выходы куда-то. *«И когда нет дней рождений, какие-то пустые периоды, у нас бывают семейные обеды. Кто-то устраивает обед у себя, зовёт всех остальных, то есть мы друг без друга сильно скучаем, поэтому всегда стараемся почаще собираться и видаться... У нас три основных инициатора – хозяйки, то есть – мама, [сестра] и я. Поэтому, если вот, я чувствую, что я с удовольствием приму в воскресенье там, или в субботу, народ к себе на обед, тогда договариваемся, созваниваемся, если все могут — все с удовольствием приходят» (6.1).*

Таким образом, механизмы удаления, приближения родственников и поддержания отношения формируют процессуальный характер родственной сети: стабильный и подвижной одновременно. Важно, что эти механизмы обычно сопровождают друг друга, то есть, например, удаление одного родственника может сопровождаться приближением другого. Также эти механизмы могут запускать цепную реакцию – так, удаление одного родственника, который являлся связующим звеном с другими, чаще всего влечет за собой удаление целого фрагмента родственной сети. Однако механизмы удаления – за исключением конфликтных ситуаций – чаще всего отсекают те участки сети, которые не представляют особой ценности для обоих участников. В противном случае удаление родственника не происходит в силу его реакции на эту ситуацию. Таким образом, и удаление, и приближение родственников имеет активно действующую сторону, однако возможно в полной мере только при поддержке или реакции второй стороны.

«На днях я пришла, а у меня все дома»: сиблинговые отношения в контексте родственной сети

Как было отмечено, сиблинговые отношения невозможно рассматривать отдельно от того окружения, той родственной сети, в которую они погружены. В этом смысле интерес

представляют те из близких родственников, которые оказывают влияние не столько на самого человека, сколько на обоих сиблингов. Результаты исследования позволяют говорить о двух типах родственников, которые разнообразными, но похожими между собой способами, взаимодействуют с парой сиблингов. К этим типам относятся двоюродные и троюродные братья и сестры, с одной стороны, и супруги сиблингов, с другой стороны. Во-первых, и те, и другие структурно занимают схожую с сиблингами позицию, являясь примером горизонтальных отношений в отличие, например, от отношений с родителями, которые – структурно – выстроены по вертикали. Во-вторых, паттерны отношений, которые возникают между парой сиблингов, с одной стороны, и «дальними» сиблингами²⁴ и супругами, с другой стороны, – очень похожи. В целом упомянутые родственники могут либо присоединяться к сиблингам, создавая устойчивые конфигурации или организованные группы в сети, либо «растягивать» сиблингов – что особенно характерно для супругов, либо отчасти замещать сиблингу его отношения с братом или сестрой путем переориентации общения на себя. Таким образом, несмотря на то, что характер отношений между сиблингами и их супругами и сиблингами и их «дальними» братьями и сестрами, по сути, должен кардинально отличаться, общим становится то, что именно эти родственники выступают своеобразным противовесом сиблинговым отношениям именно потому, что структурно воспринимаются, как подобные им. В этом смысле, например, отношения с родителями никогда не могут заменить отношения с братом или сестрой, и информанты, даже отмечая близость и с сиблингом, и с родителями, говорят о том, что это разные по форме и содержанию отношения: «дальние» сиблинги и супруги рассматриваются как элементы, встраиваемые в сиблинговые отношения и иногда способные символически заменить одного из сиблингов. Разберем каждый из выше обозначенных паттернов, разделив их для удобства описания на ситуации, связанные с супругами и ситуации, связанные с «дальними» сиблингами.

В отношении с супругами сиблингов можно выделить три основных паттерна: активное принятие супруга сиблинга, непринятие супруга сиблинга и формальное принятие супруга сиблинга. Причем первый и второй паттерн формируют устойчивые конфигурации отношений в сети: либо сиблинги плюс супруги, либо сиблинги вдвоем без супругов. В отношении с «дальними» сиблингами можно выделить два основных паттерна: принятие «дальнего» сиблинга в компанию двух сиблингов и общение каждого сиблинга с одним из «дальних» сиблингов по отдельности. И в случае с супругами, в случае с «дальними» сиблингами первые паттерны ориентированы на то, чтобы добавлять кого-то к существующей конфигурации

²⁴ Мы будем использовать словосочетание ««дальние» сиблинги» как синоним для обобщенного обозначения двоюродных, троюродных, четвероюродных братьев и сестер, чтобы постоянно не перегружать текст длинной формулировкой.

родных сиблингов, а вторые паттерны ориентированы на то, чтобы «растягивать» отношения между родными сиблингами и переориентировать сиблингов либо на отношения с супругами, либо на отношения с «дальними» сиблингами.

Паттерн активного принятия супруга сиблинга возможен только в случае близких отношений между сиблингами и предполагает включение супруга в уже существующие хорошие отношения между братьями и сестрами. Таким образом, в родственной сети создается конфигурация, включающая трех или четырех участников, которые активно взаимодействуют друг с другом. *«Он настолько свой, что я к нему уже как к брату отношусь. И с [сестрой] мы от этого не стали общаться меньше, и с [ее супругом] отношения хорошие, поэтому, опять же, все так же ровно идет»* (7.2). Паттерн принятия может по-разному действовать в зависимости от того, идет ли речь о присоединении к конфигурации сиблингов супруга одного из них или обоих супругов. И в том, и в другом случае возможны разные сценарии взаимодействия, однако, понятно, что чем больше участников становится в «группе», тем сложнее найти общие точки соприкосновения. Цитата ниже хорошо иллюстрирует, как меняются отношения между всеми участниками конфигурации с увеличением их числа. *«Первое изменение произошло, когда у меня появился молодой человек, потом замуж вышла. Как бы меньше времени сразу смогла проводить с сестрой, логично, приходилось либо то, либо то выбирать, потому что у них очень разные интересы, очень сложно свести вместе. Но, тем не менее, мы все еще жили в одной квартире, и это было еще реально. А потом у [сестры] появился молодой человек...Она к нему переехала, и, мне кажется, у нее еще параллельно поменялись интересы, в принципе, то есть я больше под своего мужа подстраиваюсь, она больше, мне кажется, подстраивается под своего молодого человека. И тут сразу сложнее стало общаться вместе, потому что у нас никак не получается что-то делать вчетвером, потому что мужчины между собой вообще языка общего не нашли. Но я стараюсь периодически к ним в гости ездить или что-то вместе с ними делать, чтобы почаще видеться все-таки»* (19.1). В данном примере одновременно видна и частичная переориентация интересов и общения от сиблинга к супругу, и активные действия сестры, направленные на то, чтобы интегрировать супругов в уже существующие паттерны отношений между сестрами. Отметим также, что паттерн принятия часто возникает не столько вследствие активных действий, сколько из-за факта длительного знакомства сиблинга и будущего супруга сиблинга, что постепенно закладывает основу для дальнейшего взаимного общения. В целом паттерн принятия чаще характерен для тех случаев, когда только один из сиблингов находится в браке. В таком случае образуется конфигурация из трех участников, в которой, что интересно, часто все связаны со всеми: так, некоторые информанты, описывающие свои отношения с сиблингом

и супругом через паттерн принятия, отмечают, что не всегда выступают связующим звеном в отношениях между супругом и сиблингом. *«[Супруг] удивительный человек в этом смысле, и они сумели выстроить какие-то свои таинственные отношения и, в общем, я этому просто несказанно радуюсь... то есть иногда они там созваниваются. Я говорю, у них теперь своя какая-то параллельная история, про которую я мало, что знаю. Почему бы нет, пусть мужчины общаются. Прекрасно» (24.1).*

Паттерн принятия в отношении супругов сиблингов практически также работает в отношении «дальних» сиблингов. Так, результаты исследования показывают, что механизм приближения дальнего родственника может сделать одного из «дальних» сиблингов значимым для родных сиблингов и включить его в уже существующую братско-сестринскую компанию. *«Это внук бабушкиной сестры, получается. Ну, с ним тоже с детства, потому что там же, в том же доме. Но на самом деле его я считаю таким же братом абсолютно, как и [родного брата]. Они для меня равны. Общаемся мы столько же, то есть сейчас как бы из-за того, что интернет есть, все это доступно, мы очень часто созваниваемся и видео и все прочее. И вот последние годы тоже пытаемся туда к нему. Мне кажется, что не только я его воспринимаю так же, но и [брат] тоже воспринимает также, что мы прямо такие – все вместе» (26.1).* Интересно, что паттерн принятия в отношении супруга сиблинга, и паттерн принятия в отношении «дальнего» сиблинга могут не совпадать друг с другом: так, в одном из случаев к сиблингам добавляется их брат, и они втроем составляют регулярно встречающуюся компанию, в которую, однако, не включены супруги братьев. Показателен также и другой пример, когда в отношении супруга сиблинга реализуется паттерн непринятия, а паттерн принятия срабатывает в отношении супруга «дальнего» сиблинга. *«И отпуск тоже – он очень напрягался, когда выяснилось, что вдруг мы едем вместе [с двоюродной сестрой и ее супругом]: «Как? Что?!» Но мы прекрасно отдохнули. Оказалось, что у нас очень схожие интересы. Это добавило близости в отношения, потому что, сравнивая, если бы это был, вдруг на секунду представить свою родную сестру с ее мужем... То в общем – нет, однозначно» (9.1).*

Как было отмечено выше, паттерны принятия в обоих случаях действуют только в ситуации уже существующих близких отношений между сиблингами. В таком случае скорее супруги и «дальние» сиблинги инкорпорируются в сиблинговые отношения, нежели как-то меняют их характер. В определенном смысле можно сказать, что отношения между сиблингами оказываются сильнее вновь приобретенных отношений с супругом или «дальним» сиблингом, хотя безусловно инкорпорирование или отсутствие такового есть результат как готовности/желания нового родственника общаться с сиблингом, так и готовности/желания сиблинга приближать нового родственника.

Вторые паттерны связаны с неприятием супруга сиблинга и общение каждого сиблинга с одним из «дальних» сиблингов по отдельности. Неприятие супруга сиблинга, а точнее, отсутствие общего формата общения между сиблингами и их супругами обычно имеет две причины: либо конфликт между сиблингом и супругом другого сиблинга, либо конфликт между супругами сиблингов. Так или иначе разнообразные конфликтные ситуации, проявляющиеся в открытом противостоянии или латентной форме, создают основу для того, что сиблинги могут общаться друг с другом, однако не подключать к этому общению своих супругов. *«Моя жена очень сильно ревнует. Во-первых, ревнует ко всему, неважно, будь то родители мои, мой брат, еще что-либо. Я как бы на это особо внимание не обращаю, ну, ревнует и пускай ревнует. Со стороны брата могу сказать, то же самое в отношении к нашей семье, то есть жена его... Они одно время жили как бы вместе с нами, да, и конфликтных ситуаций было, так скажем, не мало»* (14.2). Если первый паттерн реализуется только при близких отношениях сиблингов между собой, то данный паттерн встречается как у тех сиблингов, у кого отношения близкие, так и у тех, у кого они амбивалентные или дистанцированные. С одной стороны, характер близких отношений не меняется при наличие конфликтных отношений со стороны супруга или супругов, что опять же подтверждает идею о более прочном, сложившемся формате отношений между сиблингами, который, по сути, не претерпевает никаких изменения несмотря на то, что супруги *«всячески пытаются ... как-то раздвинуть»* сиблингов (14.2). С другой стороны, некоторые из изучаемых случаев показывают, что дистанцированными и конфликтными отношения между сиблингами стали именно из-за действий супруга одного из сиблингов. *«До этого думали, что у нас вообще все идеально, никаких разногласий, в принципе, быть не может, потому что ты же пацан, ты меня поймешь, все дела. И вот тут же сразу жена его... она его, видимо, причесала, как следует и, в общем, он повел себя достаточно некрасиво, из-за чего я на контакт не выхожу»* (21.3). В данном случае, однако, сложно оценить, каков был действительно характер сиблинговых отношений до конфликтной ситуации. В целом из шести случаев, в которых сиблинги оценивают свои отношения как дистанцированные или конфликтные, в четырех присутствует недопонимание либо между сиблингом и супругом сиблинга, либо между супругами сиблингов, а в трех отношения однозначно ухудшились или прервались по этой же причине. Неприятие может осуществляться и в более латентной форме, когда подчеркивается, что супруги не конфликтуют открыто и постоянно, а просто не нашли общий язык: *«наши мужья – такие антиподы друг к другу; и более того, они друг другу не симпатичны; и более того, [муж сестры] не симпатичен мне, а мой муж не симпатичен [сестре], поэтому там полная несовпадуха идет»* (23.2). В данной цитате хорошо видно, как разные варианты конфликтов

накладываются и усиливают друг друга. Если суммировать, то паттерн неприятия в отношении супруга сиблинга более разнообразен, чем паттерн принятия. Он может проявляться как в том, что сиблинги общаются близко между собой без участия супругов, так и в амбивалентных и дистанцированных отношениях между сиблингами, которые, естественно, не становятся ближе от конфликта между супругами или супруги и сиблинга.

Также внутренне разнообразен и паттерн взаимодействия каждого сиблинга с одним из «дальних» сиблингов по отдельности. Здесь можно четко выделить два сценария, которые зависят от характера отношений между сиблингами. Так, если сиблингов связывают близкие отношения, то появление «дальнего» сиблинга, с которым общается один из сиблингов, предстает просто как форма дополнительно близких отношений к уже существующим близким с родным сиблингом. Второй сценарий касается амбивалентных или дистанцированных отношений между сиблингами. В таких ситуациях «дальний» сиблинг часто выступает как символическая замена родному сиблингу, с которым отношения не сложились. *«У меня есть двоюродная сестра, ... мы с ней жили в одном городе, ... мы вместе очень хорошо общались, и как-то нет такого ощущения, что она мне вот именно двоюродная сестра. Ну, вот, кстати говоря, у меня, скорее, с ней ближе отношения, потому что, если что-то плохое случится, я советуюсь с ней»* (1.2). Интересно, что пул, из которого может быть выбрана «замена», оказывается достаточно широк: в одном из случаев информант ликвидирует недостаток общения с братом через контакты не со своими «дальними» сиблингами, а с такими же, но со стороны жены. Также «дальние» сиблинги могут играть промежуточную роль между «дополнением» и «заменой». В таких случаях информанты отмечают, что родной и «дальний» сиблинги выполняют разные функции: *«они отличаются, потому что, если я за помощью обращусь к брату, то так вот пообщаться или, наоборот, оказать помощь свою, как я считаю, психологическую, я пойду к нему тогда; потому что тоже у нас интересы разные: брат – мой близкий родственник, тот мой тоже родственник, но у нас общение такое ситуационное; мы встретились, у нас есть какая-то ситуация или мы разговариваем, вдруг, какая-то ситуация возникает, и мы ее обсуждаем, расходимся и неизвестно, когда мы встретимся»* (27.2). Таким образом, в отличие от паттерна неприятия супруга, паттерн общения каждого сиблинга с одним из «дальних» сиблингов по отдельности не столько подразумевает «растягивание сиблингов», сколько дополнение или частичную замену существующих отношений. И в этом смысле сценарий дополнения похож на паттерн формального принятия супруга сиблинга, подразумевающий, что сиблинги и супруги не образуют общую группу, однако и не конфликтуют. Таким образом, супруг оказывается

«приписан» к одному сиблингу, и эти отношения дополняют для последнего его сиблинговые отношения.

В целом супруги выступают – по точному замечанию одного из информантов – «вторым плечом», которое уравнивает отношения с родственниками, и при хороших отношениях делают конструкцию семьи и родственной сети устойчивой. Как показывает наш анализ схожую характеристику можно дать и «дальним» сиблингам, которые могут дополнять, заменять или усиливать существующие сиблинговые отношения.

Паттерны, которые мы разобрали выше, касаются в первую очередь характера взаимосвязи сиблингов с родственниками в сети. Однако родственная сеть также влияет на форму общения и взаимодействия сиблингов между собой. Можно выделить два основных сценария общения сиблингов. В первом сиблинги общаются в большей степени в рамках общих семейных встреч, а индивидуальные контакты – редки и имеют исключительно функциональный характер. *«Общаемся. И очень любим эти дни рождения, и еще что-то, пофотографироваться вместе, так общаемся. Но вот чтоб куда-то там, например, выходили втроем или еще что-то – нет, потому что есть опять же какие-то обстоятельства, в первую очередь – у сестры дети»* (9.1). Во втором случае наряду с общесемейным общением присутствует значительный компонент индивидуального общения друг с другом вне семьи. *«Если касается какого-то времяпрепровождения вдвоём, то есть мы находим такие моменты, то есть поехали, покатались на роликах. Ей понравилось, мне понравилось, то есть она, вроде, до этого как-то особенно не увлекалась. Тут я поставила ее на свои ролики и ей сразу понравилось»* (3.2). Отметим, что эти два сценария реализуются независимо от характера проживания сиблингов и их родителей, хотя последнее, на наш взгляд, важно учитывать. Так, в рамках нашего исследования для половины случаев характерен такой тип проживания, при котором один из сиблингов проживает с родителями. В таком случае взаимодействие сиблингов друг в другом достаточно сложно – в исследовательском плане – отграничить от контакта сиблинга с родителями, то есть когда сиблинг, живущий отдельно, навещает своих родителей и своего сиблинга не всегда возможно идентифицировать эту форму взаимодействия как взаимодействие исключительно с сиблингом. Если учитывать характер проживания, характер отношений между сиблингами и характер их общения, можно говорить о четырех основных паттернах. Первый – это «семейные праздники». В его основе сиблинги, связанные амбивалентными или дистанционными отношениями, которые не общаются друг с другом индивидуально и проживают отдельно от родителей. Как следует из названия, в таком случае формат взаимодействия – это редкие встречи по значимым семейным датам. Второй паттерн основан на таком же характере отношений и общения, но касается тех ситуаций, когда кто-то из

сублингов проживает с родителями. В данном случае взаимодействие с сублингом, по сути, можно описать через идею «навестить родственников»: контакты более частые, чем в случае первого паттерна, однако общение также не выделяется в самостоятельное. Отметим также, что при проживании сублингов в разных городах этот паттерн становится тождественен первому, так как встречи как с сублингом, так и с родственниками случаются редко и по событиям. Третий паттерн касается сублингов, связанных близкими отношениями, проживающими отдельно друг от друга и от родителей и общающимися индивидуально, то есть вне родственной сети. Этот формат общения представляется достаточно логичным, так как близкие отношения поддерживаются индивидуальным контактом. Однако особый интерес представляет четвертый паттерн, который отличается от третьего характером проживания – то есть при близких отношениях между сублингами и индивидуальными встречами, один из сублингов проживает с родителями. На наш взгляд, данный паттерн может характеризовать особую степень близости, так как сублинги не ограничивают свои контакты встречами в доме, где проживают родители и один из сублингов. В целом характер общения достаточно очевидным образом связан с характером отношений: при близких отношениях сублинги стараются общаться не только в рамках общесемейных встреч, но и напрямую друг с другом. При амбивалентных и дистанцированных отношениях оказывается достаточно поддерживать контакт через регулярные, но нечастые контакты в рамках общесемейных встреч. Характер проживания задает определенные вариации внутри этих паттернов, не меняя их, однако, существенным образом.

В рамках данного параграфа мы рассмотрели родственную сеть как социальный контекст, без которого сублинговые отношения не могут быть поняты. Исходя из социально-конструктивистской перспективы, родственная сеть может быть представлена как поделенная на два круга: близких родственников и формальных родственников. Если первые вовлечены в практическое и часто повседневное родство с сублингами, то вторые хорошо подходят по определению «официального родства», данного П. Бурдые. Механизмы, за счет которых родственники могут становиться близкими или формальными, представляют собой движущую силу родственной сети, создавая ее гибкий, процессуальный и динамичный характер. Существование сублингов в сети требует от них, как и от других родственников, согласования интересов между собой. Так возникают разнообразные паттерны или конфигурации, которые объединяют сублингов с одними родственниками и разъединяют их с другими. В случае близких отношений, однако, появления нового родственника или супруга не меняет коренным образом отношения. В случае дистанцированных или амбивалентных отношений появление супруга у одного из сублингов может запускать процесс переориентации интереса и внимания с

сiblinga на супруга. Кроме того, дистанцированные и амбивалентные отношения часто побуждают сиблингов к символической замене, то есть поиску близкого родственника, который могу бы восполнить недостаток общения с сиблингом. Такая замена решается в структурной логике через приближение двоюродного или троюродного сиблинга, то есть человека, занимающего в родственной структуре позицию, похожую на ту, которую занимает родной сиблинг.

Выводы по третьей главе

В данной главе были рассмотрены три перспективы исследования сиблинговых отношений в социальных науках, а также представлены результаты эмпирического исследования сиблинговых отношений в пространстве большого города.

Структурная, социально-конструктивистская и динамическая перспективы исследования сиблинговых отношений представляют три разных, хотя иногда тематически пересекающихся взгляда на сиблинговые отношения. Структурная перспектива позволяет обратить внимание на факторы, которые влияют на сиблинговые отношения, однако, не позволяет уловить изменяющийся характер сиблинговых отношений. Последнего момента касается динамическая перспектива, однако она ориентирована в большей степени на один аспект отношений, в той или иной степени упуская другие. Социально-конструктивистская перспектива создает подходящую рамку для исследования социальных механизмов создания и поддержания сиблинговых отношений, однако, в современном формате больше тяготеет к поиску тех ситуаций, где сиблинговые отношения выстраиваются в отсутствии биогенетической общности. Такой ракурс существенно снижает ценность подхода, ориентируя его на отдельные из всего многообразия сиблинговых отношений случаи. Тем не менее, на наш взгляд, социально-конструктивистский подход не обязательно предполагает отрицание биологической связанности, а, скорее, дает возможность сделать акцент на социальных механизмах родства.

Среди различных социокультурных измерений сиблинговых отношений мы остановились более подробно на вопросах, связанных с природой сиблинговых отношений, разницей в возрасте, мобильностью, родственной сетью и конфигурациями в ней.

Природа сиблинговых отношений может быть описана, как включающая четыре основания – «кровное родство», «норму», «общее прошлое» и «дружественную взаимосвязанность в настоящем». Эти основания не существуют по отдельности, а их различные объединения составляют разные по насыщенности паттерны сиблинговых отношений. Кровное родство и норма, объединенные вместе, образуют базовый паттерн

родственных отношений, который, в свою очередь, может быть «усилен» за счет либо обращения к общему прошлому, либо поддержания дружеских отношений в настоящем, либо за счет обоих оснований. Социокультурные паттерны, включающие разные основания, задают разный характер отношений между сиблингами. Например, паттерн, основанный на артикуляции кровного родства и нормы, характерен для дистанцированных или амбивалентных отношений, которые рассматриваются как данность, независимая от конкретного поведения, а следовательно, такой паттерн не предполагает действий по созданию отношений. При этом такая артикуляция, по сути показывает, что сиблингов ничего не связывает, кроме того, что было дано при рождении – крови и в детстве – нормы поведения по отношению к сиблингу. С другой стороны, если к кровному родству как основанию отношений добавить дружбу, то получившийся паттерн отражает близкие отношения между сиблингами и характеризуется частыми контактами, направленными на поддержание отношений. Формат концептуализации сиблинговых отношений через паттерны, сочетающие разные основания дает ряд преимуществ. Во-первых, вариации сиблинговых отношений могут быть описаны как результат тяготения отношений к одному из уровней. Во-вторых, может быть проанализирована динамика сиблинговых отношений с точки зрения движения между разными уровнями – причем характер этого движения может быть двусторонним, то есть направленным как на насыщение отношений за счет выведения их на новый уровень, так и на выхолащивание отношений за счет «потери» какого-то уровня. В-третьих, идея многоосновности дает возможность исследовать сиблинговые отношения как ситуационные, что предполагает возможность актуализации одной основы или другой в зависимости от ситуации. В целом социокультурные паттерны, основанные на разных сочетаниях кровного родства, нормы, общего прошлого и дружественной взаимозависимости в настоящем, являются базовыми, то есть задают характер сиблинговых отношений.

Разница в возрасте, мобильность и сеть были выбраны нами как ключевые сюжеты, которые позволяют проанализировать разнообразные паттерны сиблинговых отношений. Выделенные паттерны можно условно разделить на три группы. Первая группа включает социокультурные паттерны, связанные с общением сиблингов в детстве, вторая объединяет паттерны, фиксирующие трансформации отношений, а третья объединяет паттерны, характеризующие формы взаимодействия сиблингов с другими родственниками.

В рамках социально-конструктивистской перспективы исследования сиблинговых отношений в детстве и юности представляется особенно важным, так как именно из опыта повседневного детского общения вырастает связанность во взрослом возрасте. В целом результаты нашего исследования подтверждают эту идею. Опыт совместного детства в

большинстве случаев формирует близкие отношения во взрослом возрасте. Исключение составляют конфликтные ситуации, которые, несмотря на общее детство, меняют характер взрослых отношений на дистанцированный. Дихотомия «младший» / «старший» представляет собой основу, на которой выстраиваются отношения: даже в ситуации, когда разница в возрасте между сиблингами маленькая, деление на «младших» и «старших» все равно поддерживается. Этому способствуют шесть основных паттернов, которые могут пересекаться и дополнять друг друга: обязанности старших по отношению к младшим; доминирование; ответственность и защита; привилегированное положение младших; старшие как пример; младшие как балласт. Несмотря на то, что эти паттерны имеют разную эмоциональную окраску, все они описывают разные форматы взаимозависимого поведения в детстве. Разница в возрасте сама по себе не является фактором, однозначно определяющим характер отношений между сиблингами. Так, результаты исследования показывают, что кроме достаточно очевидных паттернов, когда дети с маленькой разницей в возрасте много времени проводят вместе, а у детей с большой разницей в возрасте каждый ориентирован на свою компанию, был выделен третий паттерн, проявляющийся в том, что дети с большой разницей в возрасте могут проводить много времени друг с другом в том случае, если они связаны достаточно строгими обязательствами по заботе старшего сиблинга о младшем. Таким образом, норма, предписывающая заботу «старшего» о «младшем», может являться важным основанием, на котором строится общность опыта в том случае, когда другие основания отсутствуют.

Динамика является одним из важнейших качеств родственных отношений, что находит выражение в некоторых из социокультурных паттернов сиблинговых отношений.

Во-первых, мы проанализировали, что происходит с отношениями «старший» / «младший» во взрослом возрасте и выделили три основных паттерна: сохранение отчасти ассиметричных отношений, сформированных в детстве; постепенное нивелирование различий и не актуализации возрастной дистанции; «маятниковый эффект», предполагающий ситуационную идентификацию «старший» / «младший», независимую от фактического возраста. Второй и третий паттерны представляют несомненный интерес, поскольку позволяют обратить внимание на процесс конструирования отношений между старшими и младшими сиблингами. Категории «старшего» и «младшего» предстают как социальные конструкты, которые определяются, исходя из составляющих их практик. В ситуации «маятникового эффекта» особо важным является наличие устоявшихся механизмов, которые позволяют сиблингу сменить статус «младшего» на статус «старшего» и наоборот.

Во-вторых, динамику сиблинговых отношений можно проследить через социокультурные паттерны мобильных отношений, то есть тех, которые возникают в ситуации проживания сиблингов в разных городах и странах. Несмотря на то, что именно в ситуации мобильности можно было бы ожидать изменений отношений между сиблингами, результаты нашего исследования говорят, скорее, о том, что при изменении частоты общения ситуация мобильности усиливает существующий характер отношений. Исходя из этого, можно выделить два «мобильных» паттерна, которые основаны на связи между характером встреч и характером отношений. Так, близкие сиблинговые отношения и характер встреч, по форме стремящийся к повседневному даже в ситуации редких контактов, образуют первый паттерн. А дистанцированные и конфликтные отношения и формальный характер общения складываются во второй паттерн. Первый паттерн хорошо демонстрирует, как практики общения оказываются подчинены характеру общения. Эта идея очень хорошо укладывается в одну из моделей соотношения социальной и культурной систем, предложенной С. Янагисако (Yanagisako 1975) и рассмотренной нами в первой главе: в ситуации близких отношений между сиблингами ценность этих отношений настолько высока, что изменение практик, которые приносит с собой ситуация мобильности, не изменяет характер этих отношений, не ухудшает их; новые паттерны взаимодействия возникают как часть существующего и сохраняющегося характера взаимодействия. Для амбивалентных и дистанцированных сиблинговых отношений эта модель уже не всегда работает: если сиблинговые отношения не представляются важными, то в ситуации мобильности они постепенно могут ослабевать или заменяться другими.

В-третьих, социокультурные паттерны сиблинговых отношений могут не только фиксировать динамические отношения, но и сами становиться объектами изменений. Так, четыре механизма, связанные с приближением и удалением близких и формальных родственников являются хорошим примером того, как паттерны общения в родственной сети могут меняться от близкого общения к формальному и наоборот.

Третью группу зафиксированных паттернов составляют паттерны, характеризующие формы взаимодействия сиблингов с другими родственниками. Можно говорить о наличии конфигураций, в которые кроме сиблингов входят супруги сиблингов или «дальние» сиблинги. В целом разнообразие описанных ситуаций можно объединить в четыре паттерна. Первый предполагает конфигурацию, в которую входят только сами сиблинги, связанные близкими отношениями. В данном случае паттерн является примером реализации механизма непринятия других родственников, например, супругов сиблингов в сложившийся формат общения. Такая ситуация характерна для тех случаев, когда между супругами сиблингов или между супругом сиблинга и сиблингом существует конфликт. Второй паттерн предполагает расширенную

конфигурацию первого, когда к самим сиблингам, связанным близкими отношениями добавляется супруг одного, супруги обоих или кто-то из «дальних» сиблингов. Отметим, что такая расширенная конфигурация обычно существует за счет добавления одного типа родственников, то есть либо супругов, либо дальних сиблингов. В основе третьего паттерна – сиблинги, связанные амбивалентными или дистанцированными отношениями, которые общаются друг с другом только в формате общих семейных встреч. Таким образом, в данном случае конфигурация оказывается предельно расширенной, но достаточно разобщенной, так как сиблинги выступают в ней не как единое целое. Наконец, четвертый паттерн описывает ситуации, когда кто-то из родственников «присоединяется» и образует конфигурацию с одним из сиблингов, но не с обоими. В ситуации близких отношений между сиблингами, «третий» выступает как дополнение к существующим сиблинговым отношениям; в случае амбивалентных и дистанцированных отношений такой родственник может рассматриваться как символическая замена сиблингу. Идея конфигураций дает возможность рассмотреть динамику отношений в сети, где один или оба сиблинга являются точкой приложения разных сил, каждая из которых может за счет каких-то механизмов приближать или удалять сиблинга/сиблингов от себя. Интересно, что приближение к одному может влечь за собой удаление от другого. Так, вступление в брак одного из сиблингов и тем самым «приближение» его к супругу, частично удаляет его от другого сиблинга, родителей и родственников в сети. С другой стороны, удаление сиблингов друг от друга может приводить к приближению на их место кого-то из «дальних» сиблингов.

Заключение

Родственные отношения являются одной из основных и постоянных тем исследований в социальных науках, хотя характер обсуждения, ключевые вопросы, объекты, методология и способы концептуализации могут очень отличаться в разное время, в разных дисциплинах и социокультурных контекстах. Такое постоянство – это следствие, прежде всего, того, что, несмотря на большое разнообразие социокультурных паттернов родственных отношений, они продолжают оставаться неотъемлемой частью жизни каждого человека. Профиль исследований родственных отношений определяется, с одной стороны, тем, что происходит с самими отношениями, а с другой стороны, логикой развития научных исследований в этой сфере. Говоря об изучении родства в социальных науках, можно отметить постепенное изменение оптики исследования, а также пересмотр положений, ранее считавшихся ключевыми – процессы, которые определяют характер исследовательского поля, начиная с последней трети 20 века. Обобщая, можно выделить несколько основных моментов, которые определили и характер данного исследования.

Во-первых, появление новых и переосмысление традиционных паттернов семейно-родственных отношений приводит к возникновению ранее не исследованных или исследованных, но в иной логике тем таких, как изучение родственных связей в контексте новых репродуктивных технологий, однополых отношений, разделенных расстоянием отношений, смешанных браков, сожительства без официального заключения брака, транснациональной адопции, отношений после развода и так далее. Если некоторые из перечисленных тем представляются специфичными и требуют специального выхода на их исследование, то другие оказываются уже настолько обыденными, что встречаются в полях повседневного и практического родства. Ситуация мобильности стала одним из лейтмотивов в некоторых кейсах, а черты новых паттернов взаимодействия, характерных для нее, были выявлены не только в том случае, когда сиблинги жили в разных городах и странах, но и проживали раздельно в одном городе. Таким образом, сиблинговые отношения как одна из традиционных форм родства была исследована в новом контексте.

Во-вторых, происходит переориентация от исследования родства как отдельной, самостоятельной и четко очерченной области к изучению паттернов родственных отношений в контексте других социальных пространств и категорий таких, как гендер, миграция, технологии, идентичность, дом, власть. С одной стороны, можно говорить о том, что логика ухода от рассмотрения исследовательских областей как сегментированных и не связанных друг с другом характерна для современных социальных исследований в принципе. Однако, с другой

стороны, такой подход при применении его к области родственных отношений уводит исследователей непосредственно от изучения родства, концентрируясь на отдельных темах, а родство все время оказывается помещено в более широкий контекст исследования отношений вообще и теряется в нем. Учитывая последнее замечание, принципиальной позицией, реализованной в исследовании, было максимальное сосредоточение именно на родственных отношениях, в то время, как другие темы использовались в качестве контекста, позволяющего лучше осветить основную тему. Например, вопросы возраста и разницы в возрасте были описаны в той мере, в которой это было необходимо, чтобы проанализировать паттерны сиблинговых отношений, возникающие в этом контексте.

В-третьих, усложняются способы концептуализации родственных отношений, а также соотношение разных понятий друг с другом. С одной стороны, достаточно долгое время существовало устойчивое разделение между категориями, дисциплинами и объектами, выражающееся в том, что социальная антропология оперировала понятием «родство» для исследования обществ культурно и географически дистанцированных от исследователя, а социология использовала понятие «семья» для исследования обществ культурно и географически близких исследователю. Последствия такого разделения и его долгосрочного и устойчивого характера до сих пор сохраняются в логике использования понятий «родство» и «семья». Однако, с другой стороны, сами понятия уже не так однозначно оказываются связаны с определенными объектами и дисциплинами. Так, социальные антропологи используют категорию «родство» как для исследований в своем собственном, так и в культурно и географически удаленных обществах; а современные исследования в культурно и географически близком исследователю обществе проводят и социальные антропологи, и социологи, причем используя понятия «семьи» и «родства» одновременно. Таким образом, сохранение методологически и исторически сложившейся границы между понятиями «родство» и «семья» накладывается на процессы частичного нивелирования границ между дисциплинами и объектами, что создает дополнительную сложность при проведении исследований. Стоит также отметить, что кроме классических способов концептуализации родственных отношений через понятия «семьи» и «родства», существуют и получают распространение и другие понятия, не ориентированные исключительно на исследование родственных отношений, например, такие, как «сеть» или «конфигурации». На наш взгляд, кроме того, что эти понятия позволяют уловить динамичный, быстро меняющийся, гибкий характер родственных отношений, их неспецифичность хорошо вписывается в общую логику ухода от исследования родства как закрытой и автономной от других системы отношений и позволяет, например, сравнить дружеские, родственные и коллегиальные отношения,

представив их не как разные типы отношений, а как вариации одного и того же сетевого характера взаимосвязанности. Отметим также, что категория «сети» возникает в тех же исследованиях, что и категории «семьи» и «родства», соединяя тем самым групповую и сетевую перспективы исследования (см., например, Godelier 2011). В основе данной работы лежало соединение категорий «родства» и «сети», где первое, по сути, задавало методологический уровень исследования и заложенную в рамках социальной антропологии логику изучения родства, а второе давало возможность эмпирически зафиксировать процессуальный характер родственных отношений.

В-четвертых, – и это касается социально-антропологического анализа родства – за счет переориентации исследовательской логики от изучения «народов и регионов» (Маркус 2012: 57) на проблемно-ориентированный анализ происходит расширение объекта исследования родственных отношений через включение в него обществ культурно и географически близких исследователю и нивелирование различий между классическим и новым объектами. Таким образом, современные социально-антропологические исследования родства постулируются как разделенные не столько по объекту, сколько по изучаемым проблемам и вопросам. Однако, на наш взгляд, при такой постановке вопроса возникают определенные сложности. С одной стороны, включение в объект исследования обществ культурно и географически близких исследователю сопровождалось использованием понятия родства для изучения этих обществ. Однако перенос концепта «родство» на исследования своего собственного общества влек за собой и перенос тех значений и интерпретаций родства, которые сложились в социальной антропологии к середине 20 века и включали рассмотрение «родства» как исследовательской категории для изучения культурно и географически удаленных от исследователя обществ. Восприятие родства как атрибута «других» обществ и использование этого понятия для исследования своего общества привело к соединению категорий «своего» и «другого» в рамках категории родства. Следствием этого становится формирование определенной логики использования термина, которая заключается в поиске «другого», отличного, разнообразного внутри своего общества, что проявляется во внимании к новым и специфическим формам родства, в то время как рутинные, но при этом неизученные формы родственных отношений остаются вне фокуса исследования. С другой стороны, утверждение о нивелировании разницы между объектами следует рассматривать, прежде всего, как преодоление дихотомии между «западными» и «незападными» обществами, в которой первые всегда рассматривались как родина исследователей и концепций, а вторые – как объект для исследования и применения этих концепций. Таким образом, нивелирование этой сконструированной границы было направлено, в первую очередь, на преодоление европоцентризма, то есть использования

«западных» представлений для объяснения «незападного» образа жизни. Проблема, однако, на наш взгляд, заключается в том, что эти процессы привели отчасти к обратному эффекту: концепции, разработанные на примере других обществ, переносятся на свое общество без учета культурного и исторического контекста, создающего специфику в каждой отдельной ситуации. Так, например, достаточно сложно применить концепции социальной природы родственных отношений, разработанные на примере обществ, где адопция является распространённой, признанной и устоявшейся практикой, в тех обществах, где отношения усыновления / удочерения рассматриваются только как форма благотворительности и замещения «настоящих» кровно-родственных связей: с точки зрения проблемно-ориентированного подхода, мы можем изучать адопцию как в одном обществе, так и в другом, однако эти практики будут нуждаться в разных концептуальных схемах. Эта проблема оказалась актуальна и в рамках данного диссертационного исследования, которое выстроено в логике изучения классического для социальной антропологии понятия «родства» на материале неклассического объекта – большого города, что требовало определенного переосмысления и адаптации концепций под условия исследования.

Наконец, – и это изменение в определенной степени является фундаментом, на котором все выше перечисленные трансформации основаны – происходит размывание методологии исследования родства и смена доминирующего дискурса: на смену структурным исследованиям родства как основному способу осмысления родственных отношений в социальных науках приходят символические и социально-конструктивистские подходы. Последние сосредотачиваются на исследовании родства через категории «практик», «процессов» и «символов», акцентируя внимания, с одной стороны, на создаваемом и изменяемом характере отношений, а, с другой стороны, на локальных трактовках как форм родственных отношений, так и самой природы родства. Такой взгляд на родство кардинальным образом отличается от предшествующих исследований структур, позиций и правил, что и определило абсолютно новый характер исследований родства в последние десятилетия.

Социально-конструктивистский подход, объединяемый с символическим в той логике, как это было сделано Д. Шнайдером и продолжено многими его последователями, задает пространство исследований, в котором повышенное внимание уделяется паттернам создания родства. Последние рассматриваются как полностью замещающие биологическую связанность, которая, в свою очередь, вытесняется на периферию при изучении природы или базовых оснований родственных отношений. Таким образом, «биологическое» в родстве, если не отрицается вообще, то либо отрицается как первичное по отношению к социальному, либо переводится из пространства фактов в пространство представления о фактах. Такое

соотношение «биологического» и «социального» представляет основную линию рассуждений в рамках социально-конструктивистской перспективы исследования родства. Однако эта линия не нашла подтверждения по результатам проведенного в рамках данной работы эмпирического исследования, продемонстрировавшего, что для информантов актуализация именно биологической связанности со своими сиблингами является базовой характеристикой сиблинговых отношений. Таким образом, мы можем говорить о наличии разрыва между концепциями, изначально разработанными на материале культурно и географически удаленных обществ, и материалом, собранным в обществе культурно и географически близком исследователю. Каковы могут быть причины этого разрыва? Представляется, что социально-конструктивистская перспектива исследования родства в том варианте, в котором она сейчас существует, задает достаточно узкий и специфический взгляд на родственные отношения, которые очень хорошо объясняет новые формы родственных отношений, оставляя, однако, за скобками те формы отношений родства, которые можно назвать традиционными. Таким образом, одним из результатов исследования можно считать переосмысление социально-конструктивистского подхода в рамках конкретного социокультурного контекста, что позволило соединить социальную и биологическую природу родства и проанализировать, как социальные механизмы могут усиливать или ослаблять предзаданные основания связанности, составляя разные по степени насыщенности социокультурные паттерны родственных отношений.

Такое соединение оснований в определенной степени возвращает нас к моделям родственных отношений, предложенных Д. Шнайдером и Ф. Вебер. Д. Шнайдер концептуализировал американские родственные отношения через закон природы и закон поведение, а Ф. Вебер для анализа французских отношений родства выбирает категории крови, имени и повседневного родства. Продолжая эту логику, по результатам данного исследования можно говорить о четырех основаниях сиблинговых отношений – кровном родстве, норме, общем прошлом и дружественной взаимозависимости в настоящем. В основе каждого конкретного отношений может лежать одно или несколько оснований, которые образуют разные по насыщенности паттерны сиблинговых отношений. Вопрос о природе любых форм родственных отношений – ключевой для современной перспективы изучения родства. Выделенные четыре основы сиблинговых отношений, а также различные паттерны, в которые они группируются, позволяют говорить о безусловной важности биологического основания сиблинговых отношений: общность по крови как основание родства в той или иной степени артикулировалась в более чем половине изученных случаев и практически во всех этих случаях дополнялась какими-то другими основаниями. Если «кровное родство» представляет

биогенетическое основание, то «норма», «общее прошлое» и «дружественная связанность в настоящем» – это социальные механизмы, каждый из которых потенциально может «усилить» отношения, основанные на кровном родстве, и таким образом сформировать один из выделенных нами паттернов. На этот процесс можно посмотреть и с обратной стороны – при наличии нескольких оснований, «потеря» «общего прошлого» или «дружеской взаимосвязанности» в настоящем может «ослабить» отношения, то есть приблизить их к минимально возможной форме – «кровному родству». Таким образом, модель четырехосновной природы сиблинговых отношений может быть использована для прослеживания динамики и вариации паттернов сиблинговых отношений на протяжении жизни.

Разница в возрасте и дихотомия «старший» / «младший» представляют еще одно измерение сиблинговых отношений. С одной стороны, эта дихотомия является базовой для формирования характера отношений в детстве. С другой стороны, результаты исследования показывают, что в той или иной форме она сохраняется и во взрослом возрасте. Таким образом, отношения между «старшими» и «младшими» представляют долгосрочный паттерн, который с разными вариациями проходит через большую часть жизни. Этот паттерн также, как те, которые связаны с природой сиблинговых отношений, может быть рассмотрен через призму того, как социальные механизмы трансформируют предзаданные основания связанности. Разница в возрасте сама по себе является таким основанием, потому что фактически ее невозможно изменить. Однако дихотомия «старший» / «младший» хоть и основана на разнице в возрасте, но уже представляет социальный уровень создания отношений. Сохранение разницы в возрасте, ее постепенное нивелирование и «маятниковый эффект» представляют собой социокультурные паттерны, которые возникают как социальная «интерпретация» изначально заданных разницей в возрасте отношений.

Ситуация мобильности дает возможность проанализировать, как сиблинговые отношения реагируют на фактор физической дистанции. Важным результатом исследования является вывод о том, что характер сиблинговых отношений не претерпевает существенных изменений в ситуации мобильности. Можно предположить, что главные характеристики сиблинговых отношений – потенциальность и гибкость – позволяют им адаптироваться к ситуации мобильности в большей степени, чем тем формам отношений, которые строятся на каждодневном контакте. В этом смысле интересным направлением будущих исследований представляется идея сопоставить разные формы отношений – например, сиблинговые, родительские и супружеские в ситуации мобильности. Новые паттерны взаимодействия, возникающие в ситуации мобильности, также основаны на процессах социального конструирования отношений. Дистанция может символически сокращаться за счет частого

общения и «повседневного» характер встреч или сохраняться / увеличиваться / поддерживаться через формализацию контактов и «туристический» характер встреч. Таким образом, заданная расстоянием дистанция усиливается или ослабляется за счет социальных механизмов сиблинговой связанности.

Родственная сеть выступает одновременно и как пространство, и как участник любых форм родственных отношений. Социально-конструктивистский подход позволяет увидеть сеть как гетерогенное и гибкое пространство отношений, которые складываются в разнообразные пересекающиеся, иногда усиливающие друг друга, а иногда конфликтующие друг с другом конфигурации. Выделение конфигураций, которые подразумевают объединение сиблингов либо с супругами, либо с «дальними» сиблингами, представляется интересным и перспективным для будущих исследований результатом, так как показывает тенденцию к созданию конфигураций именно на основе горизонтальных, а не вертикальных форм связи. Отношения, возникающие на основе избирательного характера круга близких родственников, а также в результате «приближения» или «удаления» родственников, конфигурации, объединяющие сиблингов и «дальних» сиблингов, – все это примеры паттернов, которые возникают как следствие применения социальных механизмов связанности для преодоления дистанции, заданной рангом родства.

Выявленные социокультурные паттерны сиблинговых отношений, характер связи между ними, а также разнообразные сюжеты, которые проявились в ходе исследования, позволяют существенно дополнить поле современных исследований родства. Полученные результаты могут быть использованы как начальные точки для дальнейших исследований сиблинговых отношений и других форм родства.

Список литературы

1. Абрамсон М.Л. Супруги, их родные и близкие в южноитальянском городе высокого средневековья (X – XIII вв.) / М.Л. Абрамсон // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / под ред. Ю.Л. Бессмертного. – М.: РГГУ, 1996. – С. 103-135.
2. Антонов А.И. Семья – какая она и куда движется / А.И. Антонов // Семья в России. – 1999. – № 1-2. – С.30-40
3. Бурдые П. Практический смысл / П. Бурдые. – Санкт-Петербург: Алетейя. 2001. – 562 с.
4. Бутинов Н.А. Родство и сродство в Меланезии / Н.А. Бутинов // Пути развития Австралии и Океании. – М., 1981. – С. 163-181.
5. Брубейкер Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
6. Воронцов В. «Семейная жизнь – это не для нас»: мифы и ценности мужских гомосексуальных пар / В. Воронцов // Семейные узы: модели для сборки / под ред. С.Ушакин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 576-607.
7. Дзибель Г.В. Феномен родства. Прологомены к иденетической теории / Г.В. Дзибель // Серия: Алгебра родства. Выпуск 6. – СПб. МАЭ РАН (Кунсткамера). 2001. – 472 с.
8. Дридзо А.Д. Братство по кораблю / А.Д. Дридзо // Советская этнография. – 1977. – №2. – С.108-116
9. Зидер Р. Социальная история семьи в западной и центральной Европе (конец 18-20 вв.) / Р. Зидер. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1997. – 302 с.
10. Зоколл Т. Введение. Историческое изучение домохозяйства, семьи и родства / Т. Зоколл, О. Кошелева, Ю. Шлюмбом // Семья, дом и узы родства в истории / под ред. Т.Зоколл, О.Кошелевой, Ю.Шлюмбома. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. – С. 7-34.
11. Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 288 с.
12. Карцева Л.В. Молодая семья в крупном промышленном городе / Л.В. Карцева, Е.П. Васильев. – Казань: РИЦ «Школа», 2009. – 152 с.
13. Колозариди П. В. Видеоинтервью с помощью онлайн-приложений: методический опыт / П.В. Колозариди // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2014. – № 38. – С. 96-127.
14. Куропятник М.С. Коренные народы в процессе социальных изменений / М.С. Куропятник. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 2005. – 242 с.

15. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М.: Академический проект, 2008. – 555 с.
16. Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294-1324) / Э. Ле Руа Ладюри. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2001. – 544 с.
17. Майлз Р. Расизм / Р. Майлз, М. Браун. – М.: РОССПЭН, 2004. – 240 с.
18. Маркус Дж. О социокультурной антропологии США, ее проблемах и перспективах / Дж. Маркус // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы / под ред. А.Л. Елфимова. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 208 с.
19. Мацковский М.С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики / М.С. Мацковский. – М.: Наука, 1989. – 116 с.
20. Мердок Дж. Социальная структура / Дж. Мердок. – М.: ОГИ, 2003. – 608 с.
21. Найденова Л.П. «Свои» и «чужие» в Домострое. Внутрисемейные отношения в Москве 16 века / Л.П. Найденова // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / под ред. Ю.Л. Бессмертного. – М.: РГГУ, 1996. – С. 290-304.
22. Нартова Н. Лесбийские семьи: реальность за стеной молчания / Н. Нартова // Семейные узы: модели для сборки / под ред. С.Ушакин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 292-315.
23. Ружже В.Л. Опыт исследования семейных групп / В.Л. Ружже, И.И. Елисеева, Т.С. Кадибур // Социологические исследования. – 1976. – №1. – С.113-120.
24. Ружже В.Л. Структуры и функции семейных групп / В.Л. Ружже, И.И. Елисеева, Т.С. Кадибур. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 160с.
25. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе / А.Р. Рэдклифф-Браун. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 304 с.
26. Салинз М. Экономика каменного века / М. Салинз. – М.: ОГИ, 1999. – 296 с.
27. Сэбиан Д. Взаимовыручка и кумовство: родственные связи в Неккархаузене / Д. Сэбиан // Семья, дом и узы родства в истории / под ред. Т.Зоколл, О.Кошелевой, Ю.Шлюмбама. – Санкт-Петербург: Алетейя. 2004. – С. 243-269.
28. Ткач О. «Наполовину родные»? Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях / О. Ткач // Журнал исследований социальной политики. – 2013. – Т. 11. – № 1. – С. 50–68.
29. Тойшер С. Предписанное родство. Нормы и практики родственных отношений в Берне на рубеже XV-XVI вв. / С. Тойшер // Семья, дом и узы родства в истории / под ред. Т.Зоколл, О.Кошелевой, Ю.Шлюмбама. – Санкт-Петербург: Алетейя. 2004. – С. 200-242.

30. Штейнберг И. Глава 10. Анализ и интерпретация качественных данных / И. Штейнберг // Качественные методы в полевых социологических исследованиях / под ред. И. Штейнберга. – СПб.: Алетейя, 2009. – 356 с.
31. Элиас Н. Понятие фигурации / Н. Элиас // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Том 3. – № 3. – С. 62-65.
32. Эриксен Т.Х. Что такое антропология? / Т.Х. Эриксен. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 238.
33. Юссен Б. Родство искусственное и естественное? Биологизмы в культурно-исторических концепциях родства / Б. Юссен // Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы / Отв. ред. М.А. Бойцова. – М.: ИВИ РАН, 2000. – С. 84-104
34. Янкова З.А. Городская семья / З.А. Янкова. – М.: Наука, 1979. – 184 с.
35. Янкова З.А. Семья, родство, соседство. К проблеме формирования личности в быту / З.А. Янкова. – Москва, 1970. – 13 с.
36. Adams B. Kinship in urban setting / B. Adams. – Chicago: Markham Publishing Company, 1968. – 228 p
37. Adams B. Isolation, function and beyond: American kinship in the 1960's / B. Adams // Journal of Marriage and the Family. – 1970. – № 32. – Pp. 575-597.
38. Alber E. Within the thicket of intergeneration sibling relations / E. Alber // The Anthropology of Sibling Relations: Shared Parentage, Experience, and Exchange / eds E. Alber, C. Cati, T. Thelen. – New York: PALGRAVE MACMILLAN, 2013. – P. 73-96.
39. Alexander J. A Study of the Cultural Domain of "Relatives" / J. Alexander // American Ethnologist. – Vol. 3. – No. 1 (Feb., 1976). – Pp. 17-38.
40. Allan G. Sibling Solidarity / G. Allan // Journal of Marriage and Family. – 1977. – Vol. 39. № 1. – Pp. 177-184.
41. Allan G. Kinship and friendship in modern Britain / G. Allan. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 143 p.
42. Allen, K. The families of lesbians and gay men: A new frontier of family research / K. Allen, D.H. Demo // Journal of Marriage and the Family. – 1995. – № 57. – Pp. 111-127.
43. Allen K. Families in the Middle and Later Years: A Review and Critique of Research in the 1990s / K. Allen, R. Blieszner, K. Roberto // Journal of Marriage and Family. – Vol. 62. – No. 4 (Nov., 2000). – Pp. 911-926
44. Astuti R. Kindreds and descent groups: new perspectives from Madagascar / R. Astuti // Cultures of Relatedness: new approaches to the study of kinship / ed. by J.Carsten. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – Pp. 90-103.

45. Aunting: Cultural Practices That Sustain Family and Community Life / eds L. Ellingson, P. Sotirin. – Waco: Baylor University Press, 2010. – 247 p.
46. Ball D. The "Family" as a Sociological Problem: Conceptualization of the Taken-for-Granted as Prologue to Social Problems Analysis / D. Ball // *Social Problems*. – Vol. 19. – No. 3 (Winter, 1972). – Pp. 295-307.
47. Barnes J. Physical and Social Kinship / J. Barnes // *Philosophy of Science*. – 1961. – Vol. 28. – Pp. 296-299
48. Barnes J. Physical and Social Facts in Anthropology / J. Barnes // *Philosophy of Science*. – 1964. – Vol. 31. – Pp. 294-297.
49. Bauer E. Creolisation of London Kinship: Mixed African-Caribbean and White British Extended Families, 1950-2003 / E. Bauer. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. – 282 p.
50. Baumann G. Managing a Polyethnic Milieu: Kinship and Interaction in a London Suburb / G. Baumann // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. – Vol. 1. – No. 4 (1995). – Pp. 725-741.
51. Ben-Zion S. Constructing Transnational and Transracial Identity: Adoption and Belonging in Sweden, Norway, and Denmark / S. Ben-Zion. – London: Palgrave Macmillan, 2014. – 288p.
52. Berkowitz D. Theorizing Lesbian and Gay Parenting: Past, Present, and Future Scholarship / D. Berkowitz // *Journal of Family Theory & Review*. – 2009. – Vol. 1. – Issue 3. – Pp.117–132.
53. Biblarz T. J. Lesbian, Gay, Bisexual, and Transgender Families / T.J. Biblarz, E. Savci // *Journal of Marriage and Family*. – 2010. – Vol. 72. – Issue 3. – Pp. 480–497.
54. Bodenhorn B. "He used to be my relative": exploring the bases of relatedness among Inupiat of northern Alaska / B. Bodenhorn // *Cultures of relatedness: new approaches to the study of kinship* / ed. by J.Carsten. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – Pp. 128-148.
55. Brightman R. Hierarchy and conflict in mutual being / B. Brightman // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. – 2013. – № 3 (2). – Pp. 259–70
56. Bott E. Family and Social Network: Roles, Norms and External Relationships in Ordinary Urban Families / E. Bott. – London: Tavistock publications limited, 1964. – 252 p.
57. Campbell L. Sibling Ties in Later Life: A Social Network Analysis / L. Campbell, I. Connidis, L. Davies // *Journal of Family Issues*. – 1999. – №20. – Pp. 114-148.
58. Carsten J. 'Knowing Where You've Come from': Ruptures and Continuities of Time and Kinship in Narratives of Adoption Reunions / J. Carsten // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. – Vol. 6. – No. 4 (Dec., 2000). – Pp. 687-703.
59. Carsten J. After kinship / J. Carsten. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 216p.

60. Carsten J. Introduction: cultures of relatedness / J. Carsten // *Cultures of Relatedness: new approaches to the study of kinship* / ed. by J.Carsten. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – Pp. 1-36.
61. Carsten J. The Substance of Kinship and the Heat of the Hearth: Feeding, Personhood, and Relatedness among Malays in Pulau Langkawi / J. Carsten // *American Ethnologist*. – Vol. 22. – No. 2 (May, 1995). – Pp. 223-241.
62. Cicirelli V. Sibling Relationships in Cross-Cultural Perspective / V. Cicirelli // *Journal of Marriage and Family*. – Vol. 56. – No. 1 (Feb., 1994). – Pp. 7-20.
63. Coe C. Transnational migration and changes in sibling support in Ghana / C. Coe // *The Anthropology of Sibling Relations: Shared Parentage, Experience, and Exchange* / eds E. Alber, C. Cati, T. Thelen. – New York: PALGRAVE MACMILLAN, 2013. – Pp. 123-146.
64. Connidis I. Contact between Siblings in Later Life / I. Connidis // *The Canadian Journal of Sociology / Cahiers canadiens de sociologie*. – Vol. 14. – No. 4 (Autumn, 1989a). – Pp. 429-442.
65. Connidis I. Siblings as friends in later life / I. Connidis // *American Behavioral Scientist*. – 19896. – №33. – Pp. 81-93.
66. Connidis I. Negotiating Inequality among Adult Siblings: Two Case Studies / I. Connidis // *Journal of Marriage and Family*. – Vol. 69. – No. 2 (May, 2007). – Pp. 482-499.
67. Crenner E. The sibling tie in adulthood: an analysis based on meeting frequency / E. Crenner, J. Déchaux, N. Herpin, A. Jacobs // *Revue française de sociologie*. – 2002. – Vol. 43-1. – Pp. 41-65.
68. *Cultures of relatedness: new approaches to the study of kinship* / ed. by J.Carsten. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 216 p.
69. *Cultures of Transnational Adoption* / ed. by T. Volkman. – Durham and London: Duke University Press, 2005. – 232 p.
70. Cumming E. Sibling solidarity: A property of the American kinship / E. Cumming, D. Schneider // *American Anthropologist*. – 1961. – Vol. 63. – Pp. 498–507.
71. Dechaux J. Kinship Studies: Neoclassicism and New Wave / J. Dechaux // *Revue française de sociologie*. – 2008. – 5 (Vol. 49). – Pp. 215-243.
72. Descartes L. Exchange in adult sibling relations: Support and Tension / L. Descartes // *International Journal of Sociology of the Family*. – Vol. 33. – No. 2 (Autumn 2007). – Pp.303-325.
73. *Dividends of Kinship: Meanings and Uses of Social Relatedness* / ed. by P. Schweitzer. – New York: Routledge, 2000. – 240 p.

74. Dorow S. *Transnational Adoption: A Cultural Economy of Race, Gender, and Kinship* / S. Dorow. – New York and London: NYU Press, 2006. – 331 p.
75. Ebtehaj F. *Regulating relationship* / F. Ebtehaj // *Kinship matters* / eds F. Ebtehaj, B. Lindley, M. Richards. – Oxford: Hart Publishing, 2006. – Pp. 1-16.
76. Edwards J. *Born and bred: idioms of kinship and new reproductive technologies in England* / J. Edwards. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 264 p.
77. Edwards R. *Who is a Sister and Brother?* / R. Edwards, L. Hadfield, H. Lucey, M. Mauthner // *Families & Social Capital ESRC Research Group Working Paper No. 13*. – London: London South Bank University, 2005. – 22 p.
78. Elder G. *Time, human agency and social change: perspectives of the life course* /G. Elder // *Social psychology quarterly*. – 1994. – Vol. 57. – No. 1. – Pp. 4-15.
79. *European Kinship in the Age of Biotechnology* / eds J.Edwards, C.Salazar. – New York: Berghahn Books, 2009. – 224 p.
80. Eisikovits Z. *Approaches to and outcomes of dyadic interview analysis* / Z. Eisikovits, C. Koren // *Qualitative Health Research*. – 2010. – No. 20. – Pp. 1642–1655.
81. Faubion J. *Introduction: toward an anthropology of the ethics of kinship* / J. Faubion // *The Ethics of Kinship: Ethnographic Inquiries* / eds. by J. Faubion. – Lanham: Rowman and Littlefield Publishers, 2001. – Pp. 1-28.
82. Feinberg R. *Schneider's Cultural Analysis of Kinship and Its Implications for Anthropological Relativism* / R. Feinberg // *Cultural Analysis of Kinship: The Legacy of David M. Schneider* / eds R.Feinberg, M.Ottenheimer. – Univ. of Illinois Press, 2002. – Pp.1-32.
83. Firth R. *Introduction* / R. Firth // *Two studies of kinship in London* / ed. by R. Firth. – London: The Athlone Press University of London, 1956. – Pp. 11-29
84. Firth R. *Families and their relatives* / R. Firth, J. Hubert, A. Forge. – London: Routledge and Kegan Paul. 1969. – 492 p.
85. Franklin S. *Relative values: reconfiguring kinship studies* / S. Franklin, S. McKinnon // *Relative values: reconfiguring kinship studies* / eds S.Franklin, S.McKinnon. – Durham and London: Duke University Press, 2001. – Pp. 1-25.
86. Freeman J. *On the Concept of the Kindred* / J. Freeman // *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. – 1961. – Vol. 91. – № 2. – Pp. 192–220.
87. Gellner E. *The Concept of Kinship: With Special Reference to Mr. Needham's "Descent Systems and Ideal Language"* / E. Gellner // *Philosophy of Science*. – Vol. 27. – No. 2 (Apr., 1960). – Pp. 187-204.

88. Gellner E. Nature and Society in Social Anthropology / E. Gellner // *Philosophy of Science*. – 1963. – Vol. 30. – Pp. 236-251.
89. Godelier M. The Metamorphoses of kinship / M. Godelier. – London: Verso, 2011. – 654 p.
90. Goetting A. The Developmental Tasks of Siblingship over the Life Cycle / A. Goetting // *Journal of Marriage and Family*. – 1986. – Vol. 48. – № 4. – Pp. 703–714.
91. Gold D. Sibling Relationships in Old Age: A Typology / D. Gold // *The International Journal of Aging and Human Development*. – 1989. – Vol.: 28(1). – Pp. 37-51.
92. Gordon D. Societal Complexity and Kinship: Family Organization or Rules of Residence? / D. Gordon // *The Pacific Sociological Review*. – Vol. 13. – No. 4 (Autumn, 1970). – Pp. 252-262.
93. Gouveia R. Personal networks in Portuguese society: a configurational and lifecourse approach [Электронный ресурс] / R. Gouveia. – Lisbon: Tese de doutoramento em Sociologia, Instituto de Ciencias Sociais da Universidade de Lisboa, 2014. – Режим доступа: http://repositorio.ul.pt/bitstream/10451/15607/1/ulsd069540_tese.pdf
94. Greif G. Patterns in adult sibling relationships after the death of one or both parents / G. Greif, M. Woolley // *Journal of Social Work in End-of-Life and Palliative Care*. – 2015. – Vol. 11:1. – Pp. 74-89.
95. Hareven T. The Family as Process: The Historical Study of the Family Cycle / T. Hareven // *Journal of Social History*. – Vol. 7. – No. 3 (Spring, 1974). – Pp. 322-329.
96. Harris C. Introduction / C. Harris // *Readings in Kinship in Urban Society* / ed. by C.Harris. – Pergamon Press, 1970. – Pp. 1-35.
97. Heady P. Thinking scientifically about kinship: towards an axiomatic formulation of ethnographic insights / P. Heady // *Working Papers. Max Planck Institute for Social Anthropology*. – 2014. – No 158. – 27 p.
98. Holy L. Anthropological perspectives on kinship / L. Holy. – London: Pluto Press, 1996. – 198 p.
99. Howell S. Self-Conscious kinship: some contested values in Norwegian transnational adoption / S. Howell // *Relative values: reconfiguring kinship studies* / eds S.Franklin, S.McKinnon. – Durham and London: Duke University Press, 2001. – Pp. 203-223.
100. Howell S. Kinning: the creation of life trajectories in transnational adoptive families / S. Howell // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. – 2003. – No. 9(3). – Pp. 465-485.
101. Howell S. Adoption of the Unrelated Child: Some Challenges to the Anthropological Study of Kinship / S. Howell // *Annual Review of Anthropology*. – 2009. – Vol. 38. – Pp. 149-166.

102. Howell S. To Kin a Transnationally Adopted Child in Norway and Spain: The Achievement of Resemblances and Belonging / S. Howell, D. Marre // *Ethnos: Journal of Anthropology*. – 2006. – Vol. 71. – Issue 3. – Pp. 293-316.
103. Huntsman J. Complementary and similar kinsmen in Tokelau / J. Huntsman // *Siblingship in Oceania* / ed. by M. Marshall. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1981. – Pp. 79-103.
104. Hutchinson S. Identity and substance: the broadening bases of relatedness among Nuer of southern Sudan / S. Hutchinson // *Cultures of relatedness: new approaches to the study of kinship* / ed. by J.Carsten. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – Pp. 55-72.
105. Johnson C. Sibling Solidarity: Its Origin and Functioning in Italian-American Families / C. Johnson // *Journal of Marriage and Family*. – Vol. 44. – No. 1 (Feb., 1982). – Pp. 155-167.
106. Johnson C. Perspectives on American Kinship in the Later 1990s / C. Johnson // *Journal of Marriage and the Family*. – 2000. – № 62. – Pp. 623-639.
107. Joseph S. Brother/Sister Relationships: Connectivity, Love, and Power in the Reproduction of Patriarchy in Lebanon / S. Joseph // *American Ethnologist*. – Vol. 21. – No. 1 (Feb., 1994). – Pp. 50-73.
108. Kim E. Adopted Territory: Transnational Korean Adoptees and the Politics of Belonging / E. Kim. – Durham and London: Duke University Press, 2010. – 320 p.
109. Kim J. An "Orphan" with Two Mothers: Transnational and Transracial Adoption, the Cold War, and Contemporary Asian American Cultural Politics / J. Kim // *American Quarterly*. – 2009. – Vol. 61. – No. 4. – Pp. 855-880.
110. *Kinship and family: anthropological reader* / eds R.Parkin, L.Stone. – Oxford: Blackwell publishing, 2007. – 496 p.
111. Kirkpatrick J. Meanings of siblingship in Marquesan / J. Kirkpatrick // *Siblingship in Oceania* / ed. by M. Marshall. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1981. – Pp. 17-51.
112. Lambert H. Sentiment and substance in North Indian forms of relatedness / H. Lambert // *Cultures of relatedness: new approaches to the study of kinship* / ed. by J.Carsten. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – Pp. 73-89.
113. Laslett P. Introduction: the history of the family / P. Laslett // *Household and family in past* / ed. by P. Laslett. – Cambridge: Cambridge University Press, 1972. – Pp. 1-89.
114. Leach E. *Pul Eliya, a Village in Ceylon; A Study of Land Tenure and Kinship* / E. Leach. – Cambridge: Cambridge University Press, 1961. – 368 p.
115. Leigh K. Kinship Interaction over the Family Life Span / K. Leigh // *Journal of Marriage and Family* – Vol. 44. – No. 1 (Feb., 1982). – Pp. 197-208.

116. Leutloff-Grandits C. Kinship, Community, and Care: Rural-Urban Contrasts in Croatia / C. Leutloff-Grandits // *Ethnologie française*. – 2012. – No.1 (Vol. 42). – Pp. 65-78.
117. Lewis O. Anthropological essays / O. Lewis. – New York: Random House, 1970. – 524 p.
118. Litwak E. The Use of Extended Family Groups in the Achievement of Social Goals: Some Policy Implications / E. Litwak // *Social Problems*. – Vol. 7. – No. 3 (Winter, 1959-1960). – Pp. 177-187.
119. Manning J. Qualitative Approaches to Dyadic Data Analyses in Family Communication Research: An Invited Essay / J. Manning, A. Kunkel // *Journal of Family Communication*. – 2015. – Vol. 15. – Pp. 185–192.
120. Marshall M. The Nature of Nurture / M. Marshall // *American Ethnologist*. – Vol. 4. – No. 4 (Nov., 1977). – Pp. 643-662.
121. Mason J .Being Related: How children define and create kinship / J. Mason, B. Tipper // *Childhood*. – 2008. – Vol. 15 (4). – Pp. 441-460.
122. Mauthner M. Sistering: Power and Change in Female Relationships / M. Mauthner. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – 228 p.
123. McKinley R. Cain and Abel on the Malay Peninsula / R. McKinley // *Siblingship in Oceania* / ed. by M. Marshall. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1981. – Pp. 335-387.
124. McHale S. Sibling Relationships and Influences in Childhood and Adolescence / S. McHale, K. Updegraff, S. Whiteman // *Journal of Marriage and the Family*. – 2012. – № 74 (5). – Pp.913 – 930.
125. Morman M. Turning points of closeness in the sibling relationship / M. Morman, P. Herrick // Paper presented at the annual meeting of the NCA 94th Annual Convention, TBA. – San Diego, Nov 20, 2008.
126. Needham R. Remarks on the Analysis of Kinship and Marriage / R. Needham // *Rethinking Kinship and Marriage* / ed. by R. Needham. – London: Psychology Press, 2004. – Pp. 1-34.
127. *New Directions in Anthropological Kinship* / ed. by S.Linda. – Rowman & Littlefield Publishers, 2002. – 368 pp.
128. Obendick H. When siblings determine your “fate”: sibling support and educational mobility in rural northwest China / H. Obendick // *The Anthropology of Sibling Relations: Shared Parentage, Experience, and Exchange* / eds E. Alber, C. Cati, T. Thelen. – New York: PALGRAVE MACMILLAN, 2013. – Pp. 97-122.
129. Ottenheimer M. The Current Controversy in Kinship / M. Ottenheimer // *Czech Sociological Review*. – 2001. – Vol. 9. – No. 2. – Pp. 201-210.

130. Parsons T. The Kinship System of the Contemporary United States / T. Parsons // *American Anthropologist, New Series.* – Vol. 45. – No. 1 (Jan. - Mar., 1943). – Pp. 22-38.
131. Patterson C. J. Family relationships of lesbians and gay men / C. J. Patterson // *Journal of Marriage and the Family.* – 2000. – №62. – Pp.1052 – 1069.
132. Pauli J. «Sharing Made Us Sisters»: Sisterhood, Migration, and Household Dynamics in Mexico and Namibia / J. Pauli // *The Anthropology of Sibling Relations: Shared Parentage, Experience, and Exchange* / eds E. Alber, C. Cati, T. Thelen. – New York: PALGRAVE MACMILLAN, 2013. – Pp. 29–50.
133. Pehrson R. The Bilateral Network of Social Relations in Kankllma Lapp District / R. Pehrson. – Bloomington: Indiana University Research Center in Anthropology, Folklore and Linguistics. 1957. – 128 p.
134. Peletz M. Kinship studies in late twentieth-century anthropology / M/ Peletz // *Annual Review of Anthropology.* – 1995. – Vol. 24. – Pp. 343-372.
135. Pollock D. Looking for a sister: culina siblingship and affinity / D. Pollock // *The sibling relationship in lowland South America. Working Papers on South American Indians, 7* / ed. by K.Kensinger. – Bennington College Bookstore, 1985. – Pp. 8-15.
136. Pina-Cabral J. The two faces of mutuality: Contemporary themes in anthropology /J. Pina-Cabral // *Anthropological Quarterly.* – 2013. – Vol. 86. – Issue 1. – Pp. 257-276.
137. Ramu G.N. Brothers and Sisters in India: A Study of Urban Adult Siblings / Ramu G. N. – Toronto: University of Toronto Press, 2006. – 269 p.
138. Relative values: reconfiguring kinship studies // eds S. Franklin, S. McKinnon. – Durham and London: Duke University Press, 2001. – 536 p.
139. Reproducing Reproduction: Kinship, Power, and Technological Innovation / eds S. Franklin, H. Ragone. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1998. – 245 p.
140. Rosenberg G.S. Sibling solidarity in the working class / G. S. Rosenberg, D.F. Anspach // *Journal of Marriage and the Family.* – 1973. – Vol. 35. – Pp. 108–113.
141. Sahlins M. What kinship is — and is not / M. Sahlins. – Chicago: The University of Chicago Press, 2013. – 110 p.
142. Schans D. Sibling relationships in Dutch and immigrant families / D. Schans, M. Voorpostel // *Ethnic and Racial Studies.* – 2011. – Vol. 34. – Issue 12. – Pp. 2027-2047.
143. Schneider D. American kinship: a cultural account / D. Schneider. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 137 p.
144. Schneider D. Conclusions / D. Schneider // *Siblingship in Oceania* / ed. by M. Marshall. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1981. – Pp. 389-404.

145. Schneider D. A Critique of the study of kinship / D. Schneider. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1984. – 208p.
146. Schneider D. The Content of Kinship / D. Schneider // *Man.* – Vol. 65 (Jul. - Aug., 1965). – Pp. 122-123.
147. Schneider D. The Nature of Kinship / D. Schneider // *Man.* – Vol. 64 (Nov. - Dec., 1964). – Pp. 180-181.
148. Schneider D. What is kinship all about? / D. Schneider // *Kinship and family* / ed. by R. Parkin, L. Stone. – Blackwell publishing, 2007. – Pp. 257-274.
149. Schneider D. Schneider on Schneider: The Conversion of the Jews and Other Anthropological Stories / D. Schneider, R. Handler. – Durham, N.C: Duke University Press. 1995. – 264 p.
150. Schneider D., Homans G. Kinship Terminology and the American Kinship System / D. Schneider, G. Homans // *American Anthropologist, New Series.* – Vol. 57. – No. 6, The U. S. A. as Anthropologists See It (Dec., 1955). – Pp. 1194-1208.
151. Schweitzer P. Introduction / P. Schweitzer // *Dividends of kinship. Meaning and uses of social relatedness* / ed. by P.Schweitzer. – London: Routledge, 2000. – Pp. 1-33
152. Segalen M. The shift in kinship studies in France: the case of grandparenting / M. Segalen // *Relative values: reconfiguring kinship studie* / eds S.Franklin, S.McKinnon. – Durham and London: Duke University Press, 2001. – Pp. 246-273.
153. Sena-Rivera J. Extended Kinship in the United States: Competing Models and the Case of la Familia Chicana / S. Sena-Rivera // *Journal of Marriage and Family.* – Vol. 41. – No. 1 (Feb., 1979). – Pp. 121-129.
154. *Siblingship in Oceania* / ed. by M. Marshall. – Ann Arbor: The University of Michigan Press. 1981. – 422 p.
155. Stafford C. Chinese patriliney and the cycles of Yang and Laiwang / C. Stafford // *Cultures of relatedness: new approaches to the study of kinship* / ed. by J.Carsten. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – Pp. 37-54.
156. Stone L. Introduction: theoretical implications of new directions in anthropological kinship / S. Stone // *New Directions in Anthropological Kinship* / ed. by L. Stone. – Rowman & Littlefield Publishers, 2002. – Pp. 1-20.
157. Stone L. *Family, Sex and Marriage in England, 1500-1800* / L. Stone. – New York: Harper & Row. 1979. – 446 p.
158. Strathern M. *The Gender of the Gift: Problems with Women and Problems with Society in Melanesia* / M. Strathern. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1988. – 437 p.

159. Strathern M. *Reproducing the Future: Essays on Anthropology, Kinship and the New Reproductive Technologies* / M Strathern. – Manchester: Manchester University Press. 1992. – 224 p.
160. Sweetser D. *The Structure of Sibling Relationships* / D. Sweetser // *American Journal of Sociology*. – Vol. 76. – No. 1 (Jul., 1970). – Pp. 47-58.
161. Terrell J. *Anthropology and Adoption* / J. Terrell, J. Modell // *American Anthropologist, New Series*. – 1994. – Vol. 96. – No. 1. – Pp. 155-161.
162. Thelen T. *The Anthropology of Sibling Relations: Explorations in Shared Parentage, Experience, and Exchange* / T. Thelen, C. Coe, E. Alber // *The Anthropology of Sibling Relations: Shared Parentage, Experience, and Exchange* / eds E. Alber, C. Cati, T. Thelen. – New York: PALGRAVE MACMILLAN, 2013. – Pp. 1–26.
163. Thompson L. *The Dyad as the Unit of Analysis: Conceptual and Methodological Issues* / L. Thompson, A. Walker // *Journal of Marriage and Family*. – Vol. 44. – No. 4, *Methodology: The Other Side of Caring* (Nov., 1982). – Pp. 889-900.
164. Troll E. *The Family of Later Life: A Decade Review* / E. Troll // *Journal of Marriage and Family*. – Vol. 33. – No. 2, *Decade Review. Part 3* (May, 1971). – Pp. 263-290.
165. Trost J. *Family Structure and Relationships: The Dyadic Approach* / J. Trost // *Journal of Comparative Family Studies*. – Vol. 27. – No. 2, *25TH ANNIVERSARY FAMILIES IN A CHANGING WORLD (SUMMER 1996)*. – Pp. 395-408.
166. Van der Geest S. *Kinship as Friendship: Brothers and Sisters in Kwahu, Ghana* / S. Van der Geest // *The Anthropology of Sibling Relations: Shared Parentage, Experience, and Exchange* / eds. E. Alber, C. Cati, T. Thelen. – New York: PALGRAVE MACMILLAN, 2013. – Pp. 51–70.
167. Viglione V. *Adult sibling grief in the eleven years after September 11, 2001* / V. Viglione. – Ann Arbor: ProQuest LLC. 2013. – 222 p.
168. Voorpostel M. *For better or worse: Negative life events and sibling relationships* / M. Voorpostel, T. Lippe, H. Flap // *International Sociology*. – 2012. – Vol.27. – Pp. 330-348.
169. Weber F. *Rethinking kinship today. The strength of the everyday* / F. Weber // *Éditions Rue d’Ulm, collection «Sciences sociales»*. – Paris, October 2013. [Электронный ресурс] http://www.pressens.fr/client/document/traductionintro_393.pdf
170. Wegar K. *Adoption, Family Ideology, and Social Stigma: Bias in Community Attitudes, Adoption Research, and Practice* / K. Wegar // *Family Relations*. – Vol. 49. – No. 4 (Oct., 2000). – Pp. 363-370.

171. Weisner T. Overview: Sibling Similarity and Difference in Different Cultures / T. Weisner // Siblings in South Asia: brothers and sisters in cultural context / ed. by C. Nuckolls. – New York: Guilford Press, 1993. – Pp. 1–17.
172. Weston K. Families We Choose: Lesbians, Gays, Kinship / K. Weston. – New York: Columbia University Press, 1997. – 288 p.
173. White L. Sibling Relationships over the Life Course: A Panel Analysis / L. White // Journal of Marriage and Family. – Vol. 63. – No. 2 (May, 2001). – Pp. 555-568.
174. White L. Ties among Adult Siblings / L. White, A. Riedmann // Social Forces. – Vol. 71. – No. 1 (Sep., 1992). – Pp. 85-102.
175. Wilson T. Urbanism and Kinship Bonds: A Test of Four Generalizations / T. Wilson // Social Forces. – Vol. 71. – No. 3 (Mar., 1993). – Pp. 703-712.
176. Yan Y. Practicing kinship in rural North China / Y. Yan // Relative values: reconfiguring kinship studies / eds S.Franklin, S.McKinnon. – Durham and London: Duke University Press, 2001. – Pp. 224-245.
177. Yanagisako S. Two Processes of Change in Japanese-American Kinship / S. Yanagisako // Journal of Anthropological Research. – Vol. 31. – No. 3 (Autumn, 1975). – Pp. 196-224.
178. Yanagisako S. Women-Centered Kin Networks in Urban Bilateral Kinship / S. Yanagisako // American Ethnologist. – Vol. 4. – No. 2 (May, 1977). – Pp. 207-226.
179. Yngvesson B. Belonging in an Adopted World: Race, Identity, and Transnational Adoption / B. Yngvesson. – Chicago and London: University of Chicago Press, 2010. – 248 p.
180. Young M. Family and kinship in East London / M. Young, P. Willmott. – Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1992. – 210 p.

Гайд глубинного полуструктурированного интервью

Форма фиксации: диктофон, блокнотные пометки.

1. Расскажите немного о себе, своем брате / сестре и об отношениях между вами.
2. Детство
 - 2.1 Разница в возрасте: что значит быть «старшим» / «младшим». Ситуации, в которых вы не чувствовали разницу / менялись позициями «страшего/младшего». Старший как модель для младшего.
 - 2.2 Важные события / воспоминания в Вашей жизни, которые связаны с братом / сестрой.
 - 2.3 Детство: первое воспоминание, как проводили время, что делали вместе, что отдельно, как часто разлучались (поводы, длительность, регулярность, восприятие ситуации). Дом. Отношения с родителями. Регулирование отношений родителями.
 - 2.4 Школа. Дача. Летний лагерь. Общие игры.
3. Мобильность
 - 3.1 Ситуации, события, которые изменяли отношения: (отъезд, брак, дети, смерть).
 - 3.2 Отношения после отъезда из дома, замужества, появления ребенка: характер, изменения.
 - 3.3 Перерывы в общении / более интенсивное общение: когда, какие поводы. Если отношения прерывали, почему возобновились. Кто является инициатором общения, встреч.
 - 3.4 Формат отношений: частота, тип контактов, темы для обсуждения, обращение за помощью / советом, чем делитесь, чем нет.
 - 3.5 Проективный вопрос: были бы отношения в чем-то другими, если бы жили рядом?
4. Отношения и общение
 - 4.1 Роль одного сиблинга в жизни другого / роль второго в жизни первого.
 - 4.2 Обращаетесь к нему/обращается к вам: по поводу чего советуется, к кому. обращаетесь за помощью, какие вопросы решаете вместе, какие отдельно, с кем делитесь эмоциями.
 - 4.3 Какая последняя новость, которой вы делились с братом/сестрой?
 - 4.4 Недовольство / несогласие с действиями сиблинга: ситуации, высказывание/ невысказывание, реакция.
 - 4.5 Ситуации, в которых в первую очередь обращаетесь к сиблингу / ситуации, в которых не будете обращаться к сиблингу.
 - 4.6 Темы: обсуждаемые / необсуждаемые.
 - 4.7 За последнюю неделю/месяц: общение, ситуации, когда вспоминали о сестре/брате.
5. Сходства и различия между сиблингами
 - 5.1 Что у вас общего и в чем вы отличаетесь друг от друга?
 - 5.2 Схожесть между сиблингами с точки зрения родственников, друзей, знакомых, в чем проявляется.
 - 5.3 Общие друзья, история их появления.
 - 5.4 Общие интересы / хобби. Общее мировоззрение.
 - 5.5 Ситуации, когда действуете / что-то делаете вместе.
 - 5.6 Что нравится / не нравится в сиблинге.
 - 5.7 Схожесть/отличие от сиблинговых отношений у ваших друзей.
 - 5.8 Друзья и брат/сестра: отличие отношений.
6. Нормативные представления

- 6.1 Что главное в ваших отношениях, на чем они держатся?
- 6.2 Что дают отношения с сиблингом, чего не дают другие отношения?
- 6.3 Что ожидаете от сиблинга: быть сиблингом – это значит... (продолжите предложение).
- 6.4 Назовите три слова, словосочетания, которые в наибольшей степени отражают ваши отношения.
- 6.5 Идеальные сиблинговые отношения, какие они?
- 6.6 Хотели бы что-то поменять в отношениях?
7. Родственная сеть
 - 7.1 Наиболее значимые / важные родственники.
 - 7.2 Общение с родственниками: с кем, как часто, по каким поводам; общаются ли перечисленные родственники между собой.
 - 7.3 Отношения с родителями, бабушками / дедушками. Обязательства в отношении родителей.
 - 7.4 Двоюродные/троюродные/четвероюродные сиблинги: с кем и какие отношения поддерживаются (частота, поводы), кого знаете лучше.
 - 7.5 Братья /сестры родителей и бабушек /дедушек: формат отношений между ними (в детстве, сейчас). Двоюродные/троюродные/четвероюродные братья и сестры.
 - 7.6 Братья/сестры родителей и бабушек/дедушек, Двоюродные/троюродные/четвероюродные: общение информанта с ними. Супруги сиблингов / сиблинги супруга: формат отношений между ними, информанта с ними.
 - 7.7 Дети сиблингов: формат отношения / общения.
 - 7.8 Супруги сиблингов: формат отношений / общения.
8. Реакция сиблинга на то, чтобы поучаствовать в этом исследовании.

Список информантов

Список информантов, у которых не более одного родного сиблинга²⁵

Сиблинг 1	Пол	Возраст	Характер проживания	Сиблинг 2	Пол	Возраст
Не принимал участия в исследовании	мужской	29	Разные города	1.2	женский	24
2.1	женский	29	Один город	2.2	мужской	24
Не принимал участия в исследовании	женский	35	Разные страны	3.2	женский	30
4.1	женский	31	Разные города	4.2	женский	27
5.1	женский	42	Разные страны	5.2	женский	35
6.1	женский	42	Один город	6.2	женский	38
7.1	женский	22	Один город	7.2	мужской	19
8.1	женский	30	Разные города	8.2	женский	21
9.1	женский	44	Один город	Не принимал участия в исследовании	женский	35
11.1	женский	35	Разные города	Не принимал участия в исследовании	женский	27
12.1	женский	38	Один город	Не принимал участия в исследовании	мужской	33
Не принимал участия в исследовании	мужской	40	Разные страны	13.2	женский	39
14.1	мужской	33	Один город	14.2	мужской	29
15.1	мужской	30	Один город	15.2	мужской	28
17.1	женский	25	Разные города	17.2	женский	21
Не принимал участия в исследовании	мужской	32	Разные города	18.2	мужской	25
19.1	женский	26	Один город	19.2	женский	23
Не принимал участия в исследовании	мужской	43	Один город	20.2	мужской	35
Не принимал участия в исследовании	женский	32	Один город	22.2	женский	28
23.1	женский	38	Один город	23.2	женский	34
25.1	мужской	26	Один город	25.2	мужской	21
26.1	мужской	26	Один город	26.2	мужской	23
27.1	мужской	30	Один город	27.2	женский	27
28.1	мужской	27	Разные города	28.2	женский	23
29.1	мужской	32	Один город	Не принимал участия в исследовании	мужской	30
30.1	мужской	29	Один город	30.2	мужской	27

²⁵ Чтобы не указывать отдельно, кто из сиблингов является старшим / младшим в тексте работы, используется цифра после точки: «1» означает старшего сиблинга, «2» означает младшего сиблинга.

Список информантов, у которых более одного родного сиблинга

Сиблинг 1	Пол	Возраст	Сиблинг 2	Пол	Возраст	Сиблинг 3	Пол	Возраст	Характер проживания
Не принимал участия в исследовании	Женский	35	Не принимал участия в исследовании	женский	31	10.3	мужской	25	Разные города / страны
16.1	Мужской	42	16.2	женский	37	Не принимал участия в исследовании	женский	26	Разные города / один город ²⁶
Не принимал участия в исследовании	Женский	39	Не принимал участия в исследовании	мужской	37	21.3	мужской	32	Один город
24.1	Женский	34	Не принимал участия в исследовании	мужской	33	Не принимал участия в исследовании	мужской	29	Разные города / один город ²⁷

²⁶ В данном случае Сиблинг 1 (16.1) и Сиблинг 3 проживают в одном городе, а Сиблинг 2 (16.2) – в другом.

²⁷ В данном случае Сиблинг 2 и Сиблинг 3 проживают в одном городе, а Сиблинг 1 (24.1) – в другом.